

4018

ВЪ СТАРОМЪ ПЕКИНѢ

Очерки изъ жизни въ Китаѣ

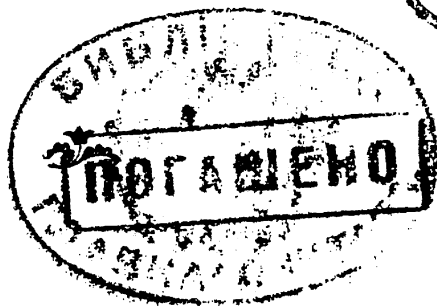

В. В. КОРСАКОВЪ

4018

ВЪ СТАРОМЪ ПЕКИНѢ

Очерки изъ жизни въ Китаѣ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія Спб. Т-ва Печати. и Издат. дѣла „Трудъ“. Фонтанка, 86

1904

Государственная
ордена Ленина
БИБЛИОТЕКА СССР
им. В. И. ЛЕНИНА

95854-46

2007338266

ОТЪ АВТОРА.

Событія послѣднихъ лѣтъ на Дальнемъ Востокѣ распахнули настежь двери въ Китай. Черезъ эти двери по всей странѣ пронесся ураганъ, вслѣдъ за которымъ вошла прикрываемая европейскими пушками и штыками европейская цивилизація. Пронесшійся по странѣ ураганъ смелъ съ лица земли десятки тысячъ человѣческихъ жизней, вырвалъ многое доброе съ корнемъ изъ китайской жизни и бросилъ въ эту жизнь новую закваску. Закваска хотя и вызвала сильное броженіе, но броженіе это не дало добраго, жизнепитающаго источника, не освѣжило жизни и не укрѣпило добрыхъ отношеній ни между китайцами, ни между китайцами и европейцами, ни между европейцами.

Китайцы, болѣе чѣмъ когда-либо, возненавидѣли другъ друга: вѣрные, т. е. исповѣдующіе свою религію язычники-китайцы, признали окончательно врагами своими и

измѣнниками «обращенныхъ», т. е. христіанъ-китайцевъ; европейцы, гордые своей цивилизаціей и своими пушками и штыками, болѣе чѣмъ когда-либо подняли голову и съ пренебреженіемъ стали смотрѣть на китайцевъ, какъ покоренныхъ, и на страну ихъ, какъ на свою добычу, а китайцы, болѣе чѣмъ когда-либо, возненавидѣли европейцевъ, стали бояться ихъ и не довѣрять имъ; въ отношеніи самихъ себя европейцы, болѣе чѣмъ когда-либо, раздѣлились по зависти и недовѣрію другъ къ другу. Подозрѣніе и открытая вражда однихъ къ успѣхамъ въ обогащеніи на счетъ китайцевъ къ другимъ стали основами во всѣхъ сношеніяхъ европейцевъ другъ съ другомъ.

Надо-ли искать причину, вызвавшую на Дальнемъ Востокѣ такую смуту?

Не ясно-ли, что покровительствуемая пушками и штыками вошла въ Китай не истинная цивилизація, а только изнанка цивилизаціи, уже покорившая себѣ всю Европу.

Не ясно-ли, что пронесшійся по Китаю ураганъ не былъ освѣжающей грозой, очистившей воздухъ, которымъ дышалъ народъ, а былъ бурей, принесшей заразу изъ Европы и бросилъ не свѣжія и здоровыя дрожжи,

которыя могутъ вызвать бодрую, здоровую и дѣятельную жизнь среди народа, а бросилъ старую, испорченную, загрязненную и зараженную закваску, которой пропитана европейская лживая цивилизація. Эта закваска только и можетъ вызвать болѣзни, вражду, горе, несчастіе и смерть. Все это мы и видимъ въ современной жизни Китая. Въ настоящее время можно несомнѣнно сказать одно: прежняго застѣннаго, неподвижнаго Китая болѣе не существуетъ. На развалинахъ его развивается новая жизнь, которая должна пройти рядъ измѣненій, пока приметъ свое опредѣленное теченіе. Какова будетъ эта новая жизнь—покажетъ будущее, о которомъ загадывать преждевременно, но будущее это очистится, пройдя лишь чрезъ потоки крови, горя, несчастій и ужасовъ, которые близки въ настоящемъ...

Прошлая жизнь, отходящая въ область преданій, оставить тѣмъ не менѣе существенно важное наслѣдство новой жизни китайскаго народа. Объ этомъ наслѣдствѣ я и рѣшилъ побесѣдовать съ читателемъ.

В. В. Корсаковъ.

Пекинъ, 17 марта 1903 г.

Русское посольство.

ГЛАВА I.

Путь въ Китай въ 1895 году я совершилъ чрезъ Сибирь и Монголію. Не стану говорить ни объ этомъ 2,000-верстномъ пути на лошадахъ отъ Томска до Кяхты, ни о переправахъ черезъ сибирскія рѣки на паромахъ-самолетахъ, ни о проѣздѣ по сибирской тайгѣ и мѣстамъ таёжнымъ съ ихъ „гнусяю“ (такъ зоветъ народъ мучительную мошку и оводовъ), ни о рѣкахъ плавежныхъ, ни о ѣздѣ „тенигусомъ“, а начну передавать свои впечатлѣнія съ выѣзда изъ Троицко-Савска, гдѣ мнѣ въ послѣдній разъ дали на почтовой станціи русскую тройку съ колокольчикомъ подъ дугой, ямщикомъ-бурятомъ на козлахъ.

Проѣхавъ по улицамъ Кяхты, мы миновали заставу и выѣхали на торговый русскій караванный путь, который ведетъ изъ Кяхты на Ургу.

Китайскій пригородъ Маймачэнъ, расположенный по легкому склону къ рѣкѣ Кяхтѣ, которую мы переѣхали въ бродъ,

остался вправо. Оба берега рѣчки невысоки.

Путь пошелъ по ровной степи съ песчаной солонцеватой почвой и бѣдной растительностью.

Въ разстояніи 7—8 верстъ отъ Кяхты мы встрѣтили рядъ правильно расположенныхъ юртъ и спутникъ нашъ, который оказывалъ всю дорогу много услугъ, Н. Н. Шулынгинъ, ѣхавшій съ нами до Калгана, сообщилъ мнѣ, что это поселеніе монголокъ, женъ китайскихъ купцовъ, живущихъ въ Маймачэнѣ.

Китайское правительство запрещаетъ выѣздъ женщинамъ китаянкамъ и купцы китайцы замѣнили здѣсь своихъ женъ монголками. Сколько можно было видѣть съ дороги, монголки живутъ зажиточно.

Но вотъ мы подъѣхали къ первой монгольской станціи—уртону, какъ здѣсь называютъ. Уртонъ происходитъ отъ монгольскаго слова „орто“—остановка. На первомъ уртонѣ Ибицикъ меня окружила толпа монголовъ и монголокъ, которая суетилась около моего тарантаса, осматривала его, трогала все руками, нюхала, смѣялась, дѣлала свои замѣчанія, всему удивлялась, начиная съ колесъ и колесной мази, которую одинъ монголъ попробовалъ даже на языкъ, и кончая моимъ пальто, пуговицами, дорожной сумкой и т. д. Я съ

тревожнымъ чувствомъ слѣдилъ за приготовляемой монгольской упряжкой, которая была, хотя и очень проста, но вселяла во мнѣ немало опасеній.

Состояла она въ слѣдующемъ.

Прежде всего концы оглобель тарантаса подняли вверхъ и крѣпко ремнями привязали къ поперечной толстой палкѣ, концы которой выдѣлялись въ стороны аршина на полтора. Затѣмъ два монгола, предложивъ мнѣ сѣсть въ тарантасъ, тронули его съ мѣста, держа за концы палки. Въ это время съ обѣихъ сторонъ одновременно стали подѣзжать верховые монголы по одному и заставляли каждый свою лошадь подойти головой подъ палку. Когда это удавалось, то палка ложилась на сѣдло монгола и упиралась по низу живота. Дикія лошади, попавъ подъ палку, неслись бѣшено впередъ и тарантасъ мчался по ровной степи съ быстротой 20 верстъ въ часъ, если не больше. Къ верховымъ тотчасъ же присоединялись еще двое верховыхъ, которые, на дѣвъ себѣ на руку петлей веревку, прикрѣпленную къ концамъ палки, скакали впереди и помогали тянуть экипажъ. Каждая 8—10 минутъ одни верховые смѣняли другихъ, ловко выводя лошадей первыхъ и на ходу вдвигая на мѣсто выбывающихъ свѣжихъ. Поражала эта ловкость и мягкость въ обра-

щеніи монголовъ съ лошадьми: не было ни битья кнутомъ, ни толканья, а все стараніе монголовъ было, чтобы лошадь поняла лаской, чего отъ нея требуютъ. Далеко, однако, не всегда удается сразу и благополучно замѣнить усталыхъ лошадей свѣжими. Если лошадь взята дикая и прямо изъ табуна, то она страшилась палки, билась, дрожа всѣмъ тѣломъ, рвалась, становилась на дыбы и часто, сбросивъ монгола съ сѣдла, мчалась въ степь. Бывали и такіе случаи, что лошади вырывались изъ-подъ палки, оглобли падали на землю и тарантасъ катился самъ по ровной степи въ силу инерціи, а монголы старались снова подвести лошадей. Нерѣдко паденія съ лошадей сопровождаются не только сильными ушибами, но переломами ногъ, сотрясеніемъ мозга. Справедливой поэтому является жалоба монголовъ на неприспособленность для нихъ европейскихъ тарантасовъ, которые бываютъ нерѣдко велики и тяжелы. Монголы часто болѣютъ животами и наживаютъ себѣ грыжи вслѣдствіе такой ѣзды, такъ какъ вся тяжесть тарантаса ложится у нихъ на животъ и они животомъ везутъ на себѣ тарантасъ. Особенно тяжело подымать экипажъ въ гору при такомъ способѣ ѣзды: видно, какихъ усилій стоитъ монголу удерживать на себѣ палку, которая стаскиваетъ его почти съ сѣдла и онъ дол-

женъ изогнуться совсѣмъ къ головѣ лошади, чтобы удерживать на животѣ своемъ палку.

Съ уртона выѣзжаетъ всегда человекъ 12—15 монголовъ и столько же запасныхъ лошадей для перемѣны. Въ числѣ ямщиковъ-монголовъ или, какъ ихъ называютъ, „улачи“ всегда есть двѣ—три амазонки-монголки, молоденькія дѣвушки, которыя точно также везутъ тарантасъ, въѣзжая подъ палку или ведутъ запасныхъ лошадей. Монголки молоденькія чрезвычайно милостивы, граціозны, веселы. Ихъ смуглыя скуластыя лица, живые, черные глаза, улыбающійся ротъ съ блестящими бѣлыми зубами, чудная черная коса, спускающаяся ниже пояса и прикрѣпленная къ нему концомъ, чтобы не мѣшала при ѣздѣ, ихъ удалъ и вся ихъ фигура именно дышетъ прелестью свободы степей. Старухи-монголки не безобразны. Вся группа всадниковъ представляетъ собою чрезвычайно яркую живописную картину. Монголы въ широкихъ балахонахъ синяго, желтаго, оранжеваго, ярко-краснаго и темнокраснаго цвѣтовъ, въ конусообразныхъ шляпахъ, или съ непокрытой головой, гладко бритой, если принадлежать къ сословію ламъ, т. е. посвященныхъ съ дѣтства родителями въ монашество, или съ косой, спущенной на спинѣ, въ самыхъ разнообразныхъ головныхъ повязкахъ цвѣтными

тряпками, и амазонки, вносящія изящество женской натуры въ грубыя и загорѣлыя фигуры мужчинъ—все это несется бѣшено впередъ, гикаетъ, гоняется другъ за другомъ, смѣется, падаетъ, быстро вскакиваетъ снова на лошадь и снова несется впередъ и впередъ. Вѣтеръ надуваетъ ихъ балахоны словно пузыри на спинѣ, головныя повязки развѣваются своими цвѣтными концами, все пестро, ярко, живописно, все свободно-весело, смѣло и беззаботно.

Мы неслись по обширной степи, которая ограничивалась живописными горизонтами окружавшихъ ее горъ Ибицихъ-ула, Дэльгеръ-ханъ, Дуланъ-ханъ. Степь, по мѣрѣ удаленія нашего, стала все болѣе и болѣе оживляться присутствіемъ луговой цвѣтущей растительности, а общее настроеніе наше становилось все бодрѣе и спокойнѣе.

Уртоны расположены не одинако, а сообразно мѣстнымъ условіямъ; есть уртоны на разстояніи 15—20 верстъ, а есть и на разстояніи 60—80 верстъ. Зависитъ это расположеніе отъ близости колодцевъ, отъ пастбищъ, отъ близости кочевья. Населенность уртона тоже различна: отъ нѣсколькихъ юртъ до цѣлаго селенія, что зависитъ отъ значенія уртона, являющагося не только почтовымъ пунктомъ, но и военно-наблюдательнымъ по-

стомъ. Почтовые уртоны—это обязательное отбываніе повинности монгольскихъ князей на китайское правительство каждымъ въ своихъ владѣніяхъ. Каждый монгольскій князь выставляетъ положенное количество людей, лошадей, даетъ имъ продовольствіе, а начальникъ такого уртона въ чинѣ „дзаргучей“, вродѣ нашего фельдфебеля, назначается китайскимъ правительствомъ.

Встрѣча прибывшаго чиновника обставляется извѣстною торжественностью. Уртонный почтовый трактъ—это трактъ казенный и по немъ могутъ ѣздить только китайскіе и русскіе чиновники. Поэтому заранее оновѣщается, что ѣдетъ такой-то чиновникъ и требуется для него приготовить столько-то юртъ, лошадей, ямщиковъ, верблюдовъ. Все крайне аккуратно и опредѣленно готовится заранее и подѣзжающаго къ юртамъ встрѣчаютъ старшины уртона и на рукахъ подвозятъ къ самому входу у юрты. Затѣмъ старшина подходит и привѣтствуетъ, по обычаю, преклоняя одно колѣно, и спрашиваетъ по-монгольски о здоровьѣ. Затѣмъ предлагаетъ понюхать табакъ изъ своей расписной табакерки гобійскаго камня (сердоликъ бѣлый). Вѣжливость требуетъ приложиться пальцами къ табакеркѣ или тоже предложить свою табакерку, если таковая имѣется. За-

тѣмъ прїѣзжаго приглашаютъ въ юрту. Смотря по чину, и юрту ставятъ новую, чистую, нарядную, или обыкновенную, войлочную, расхожую. Юрта представляетъ собою конусообразнокруглую палатку и легко складывается и разбирается. Состоитъ она изъ рѣшетчатыхъ деревянныхъ частей, которыя, подобно рамамъ, составляютъ круглый остовъ. Посреди юрты ставится высокій шестъ, на которомъ укрѣпляется также войлочная крыша, имѣющая посрединѣ закрываемое и открываемое войлокомъ же отверстіе. Всѣ войлоки плотно обтянуты веревками, прикрѣпленными къ колышкамъ, вбитымъ въ землю. Внутренность юрты, по стѣнамъ, тоже убрана матеріей зеленого или красного цвѣта. На землѣ въ юртѣ положены тоже войлоки, и посреди сдѣлано возвышенное сидѣніе, покрытое краснымъ ковромъ. Посреди юрты разводятъ очагъ, если нужно. Прїѣзжаго угощаютъ приготовленнымъ кирпичнымъ чаемъ и кипячеными сливками. Время остановки на уртонѣ зависитъ отъ путника: лошади и ямщики ждутъ уже приказанія. Можно даже не заѣзжать на уртонъ, а послать верхового сказать, чтобы лошадей вывели на дорогу и тотчасъ же на ходу происходить смѣна и, не теряя времени, мчишься дальше и дальше. Какъ это было прїятно послѣ нашихъ почтовыхъ станцій, на кото-

рыхъ то лошадей нѣтъ, то писарь пьянъ, то ямщики пьяны, то, не успѣли отъѣхать отъ станціи, оказалась какая нибудь непремѣнно неисправность въ упряжкѣ. За проѣздъ каждаго уртона установился уже обычай давать ямщикамъ на чай три серебряныхъ рубля, а за приготовленное угощеніе платить кускомъ кирпичнаго чая или какими нибудь мелкими вещами. На каждомъ уртонѣ все населеніе его отъ мала до велика толпилось у входа въ юрту. Монголки съ дѣтьми на рукахъ, нѣжно прижимая и нюхая ихъ щеки и шею—ласка и нѣжность у монголокъ выражается нюханіемъ, вмѣсто поцѣлуя; мальчуганы-подростки, затѣвая борьбу, мужчины и женщины—всѣ жадными глазами слѣдили за тѣмъ, что дѣлалось въ юртѣ. Давая ближайшимъ кусокъ хлѣба, мяса, нѣсколько кусковъ сахара, всегда приходилось видѣть, что получившій монголъ или монголка дѣлили по-братски все между собою; если же полученный кусокъ былъ такъ малъ, что его нельзя было дѣлить, то получившій зажималъ его въ рукѣ, но никогда не ѣлъ въ присутствіи другихъ.

Внутренность юрты, жилья монгола, бѣдна и грязна: обстановка состоитъ лишь изъ необходимаго для кочевника. Посреди юрты очагъ, на которомъ онъ готовитъ себѣ пищу,

а въ пищѣ своей онъ очень невзыскателенъ и довольствуется исключительно почти кирпичнымъ чаемъ, приготовляемымъ съ саломъ, молокомъ и прѣсными лепешками. Просо, рисъ и баранина употребляются только богатыми. Но начиная отъ Урги едва ли есть богатые монголы: нищета слишкомъ начинаетъ выступать наружу во всемъ: въ бѣдной, рваной и штопаной одеждѣ, въ худыхъ и слабосильныхъ лошадяхъ, въ старыхъ, рваныхъ, загрязненныхъ юртахъ. Населеніе этихъ заброшенныхъ уртоновъ ожидаетъ, какъ праздника, если въ степи найдетъ какую падалъ, коня или верблюда, или овцу. Падалъ эту варятъ и поѣдаютъ. Казакъ Нечаевъ передавалъ мнѣ, что ему приходилось видѣть эти пиршества, отъ которыхъ „издали еще отъ духу съ души воротило“. Монголовъ въ Гоби насчитываютъ до 2 милл., но вслѣдствіе бѣдности, частыхъ эпидемій и неблагоприятныхъ условій они быстро вымираютъ.

Мѣстность отъ Кяхты до Урги весьма красивая, холмистая съ синѣющими на горизонтѣ горами, богатая растительностью и полевыми цвѣтами, съ обиліемъ небольшихъ ручейковъ, рѣчекъ, часто встрѣчающимися стадами и табунами лошадей. Мѣстами приходилось подыматься на возвышенности, богатая растительностью. Особенно памятна высокая и ска-

листая гора Тологой, поросшая лѣсомъ съ бѣгущими горными ручьями, съ громадой безпорядочно набросанныхъ скалъ и камней. Пришлось идти пѣшкомъ почти по горной тропинкѣ, доступной только для верховой ѣзды и удивляться той осторожности и внимательности, съ которою монголы на рукахъ спускали тарантасъ съ камня на камень, охраняя его столь бережно, чтобы не поломать колесъ, что приходилось удивляться ихъ внимательности и смѣтливости. По горѣ Тологой много растетъ черемухи, причѣмъ ягоды ея настолько крупны, что напоминали по величинѣ нашу черную смородину. Достигнувъ вершины, монголы остановились отдохнуть, слѣзли съ коней и подошли къ находившемуся на площадкѣ огромному кургану изъ мелкихъ камней, съ набросанными на него сухими и свѣжими древесными вѣтвями. Это *обо*, т. е. благодарственная жертва божеству за благополучный трудный переѣздъ. Каждый монголъ бросаетъ на этотъ курганъ, что у него есть подъ рукой—камень, вѣтки, лоскутъ матеріи, пока „обо“ не достигнетъ высоты выше головы человѣка.

Многіе зажиточные монголы имѣютъ при себѣ специально заготовленные для этой цѣли листки бумаги съ изображеніемъ „Хиіи-мори“, т. е. воздушной лошади, приносящей счастье.

По Монголіи до Урги протекають двѣ чрезвычайно быстрыя и многоводныя рѣчки Ире-голь и Кара-голь. Переправа черезъ нихъ заняла немало времени. Слишкомъ уже первобытно все устроено. Паромъ состоитъ изъ двухъ выдолбленныхъ бревенъ, соединенныхъ досками, составляющими помость, на который едва помѣщается небольшой тарантасъ. Двое монголовъ стали на концахъ этого помоста и шестами стали двигать его вверхъ по рѣкѣ. Поднявшись довольно высоко, они быстро понеслись внизъ по теченію, отпихиваясь лишь къ противоположному берегу, къ которому и пристали, какъ разъ противъ мѣста отправки. Снявъ тарантасъ, они тѣмъ же порядкомъ снова вернулись и забрали меня и моихъ спутниковъ. Страшно было смотрѣть на эту стихійную быстроту, съ которой мы неслись внизъ по рѣкѣ къ мѣсту переправы, но пріятно было наблюдать ту смѣлость, ловкость и увѣренное въ себѣ спокойствіе, которое проявляли эти двое монголовъ-перевозчиковъ. Ни ямщики на уртонахъ, ни перевозчики ни разу никто не обратился къ намъ съ просьбой „на чаекъ“. Когда же мы давали кирпичъ чаю, то его принимали охотно, но не выказывали никакого особеннаго удовольствія или умиленія. Принимали какъ должное, какъ свободный человѣкъ принимаетъ отъ другого

одождене за одождене, услугу за услугу, сохраняя полное сознание равенства. На всемъ моемъ пути по Монголіи я видѣлъ много симпатичныхъ чертъ характера монголовъ, ихъ услужливость, ихъ радушіе и въ то же время совершенно дѣтскую любознательность. Какъ исключительно верховые наѣзники, они не имѣютъ привычки разбирать дорогу: по ровной степи несутся, какъ бѣшеные впередъ, не обращая вниманія ни на рытвины, ни на камни, ни на косогоры. Съ замираніемъ сердца слѣдишь глазами впередъ въ этой бѣшеной скачкѣ, чтобы не налетѣть на случайный камень или рытвину и не сломать колеса. Несмотря на всѣ предупрежденія, дѣлаемые наѣзникамъ, всегда среди нихъ найдутся такіе, которые, увидя какой-либо камень, такъ и норовятъ направить на него тарантасъ и хохочутъ отъ удовольствія, когда видятъ, какъ тарантасъ подскочитъ колесомъ на этомъ камнѣ. Но тотчасъ же слѣдовало всегда и возмездіе со стороны наблюдавшаго за ѣздой китайскаго чиновника, если ему указывался этотъ проступокъ, и моментально вся эта разноцвѣтная вольница становилась тише воды, ниже травы, молча работая руками, ногами и кнутомъ. Но молчаніе длилось недолго: опять болтовня, хохоть, и скачка въ перегонку другъ за другомъ.

Вообще путь отъ Кяхты до Урги очень бойкій и веселый. Постоянно встрѣчаются то всадники монголы, то богомольцы, то ѣдущіе въ телѣгахъ китайцы, то караваны верблюдовъ, то стада овецъ.

Всѣ долины и горы, которыя встрѣчались, были покрыты густой травой и вся мѣстность въ большей своей части представляла цвѣтущій роскошный коверъ изъ разбросанныхъ яркихъ цвѣтовъ полевыхъ астръ, бѣлой и сиреновой ромашки, мышиного горошка, яркаго горицвѣта и многихъ мнѣ неизвѣстныхъ.

Съ какимъ наслажденіемъ выходилъ я изъ тарантаса, чтобы размять ноги посреди этого цвѣтущаго раздолья! Тучи скачущихъ и перелетающихъ насѣкомыхъ поднимались изъ-подъ ногъ; поражало особенно обиліе разноцвѣтныхъ кобылокъ, сѣрыхъ, зеленыхъ, пестрыхъ съ красными крылышками.

Чѣмъ ближе подвигался я къ Ургѣ, этому центру религіозной жизни монголовъ, тѣмъ болѣе я замѣчалъ слѣды секретной болѣзни среди монголовъ. При осмотрѣ я понялъ причину этого.

ГЛАВА II.

Уже вечерѣло, когда мы увидали разбросанную въ отдаленіи Ургу и было совсѣмъ темно, когда мы, ощупью поднимаясь на возвышенность, подъѣхали къ воротамъ русскаго консульства.

Напряженно тревожное настроеніе, въ которомъ мы находились, пока тарантасъ нашъ медленно двигался въ темнотѣ, то ныряя на спускахъ съ горокъ, то кренясь на бокъ при подъемахъ на косогоры, тотчасъ же смѣнилось пріятнымъ чувствомъ душевной тишины и довольства, когда издали еще замигали свѣтлыми звѣздочками освѣщенныя окна зданій и донесся лай сторожевой собаки.

Но вотъ мы остановились у воротъ консульства. Вышли съ фонарями казаки, отворили ворота и мы въѣхали въ обширный дворъ.

Какое было пріятное чувство, когда мы могли уже окончательно выйти изъ тарантаса, зная, что получимъ помѣщеніе, полу-

чимъ кровать, на которой спокойно будемъ спать, раздѣвшись, получимъ самоваръ, вымоемся, переѣдимъ бѣлье. Какое это наслажденіе послѣ нѣсколькихъ дней пути въ тарантасѣ, съ ночевками въ юртахъ, выѣздами съ ранняго утра и остановками позднимъ вечеромъ на ночлегъ!

Во дворѣ насъ любезно встрѣтили, выйдя на крыльцо, В. Ѳ. Люба, секретарь консульства, исполнявшій тогда обязанности консула Я. П. Шишмарева, бывшаго въ отсутствіи, и Н. А. Люба, его супруга.

Они насъ пріютили, отвели помѣщеніе, оказали полное гостепріимство. Въ Ургѣ мы пробыли нѣсколько дней, употребивъ ихъ и на отдыхъ, и на ознакомленіе съ городомъ и жизнью совершенно для насъ новой страны и народа. В. Ѳ. Люба и Н. Н. Шулыгинъ сообщали намъ и показывали все интересное и достойное вниманія. Урга, главный городъ Монголіи, лежитъ при сліяніи рѣкъ Толы и Сѣльби. Отъ Троицкосавска онъ отстоитъ на 300 верстъ. Названіе города Урга неизвѣстно монголамъ, которые называютъ ее Да-хурэ или Богдо-хурэ, т. е. большой или святой курень. Слово же Урга русскаго происхожденія, передѣланное изъ монгольскаго слова „орго“, что значить по-русски „дворецъ“, ставка знатнаго человѣка. Урга въ жизни

монголовъ имѣеть особенно важное значеніе, являясь издавна и мѣстомъ торга между русскими, монголами и китайцами, и, что особенно для нихъ важно, она является религіознымъ и отчасти правительственнымъ центромъ Монголіи.

Урга расположена въ котловинѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ горами, изъ которыхъ образуется выходъ на востокъ и западъ долиною рѣки Толы, и состоитъ изъ трехъ отдѣльныхъ частей. Урга, въ которой живетъ религіозное чувство монголовъ, къ которой влечется ихъ душа, это Хурэ—т. е. монастырь, святыня монголовъ, въ которомъ пребываетъ перерожденецъ Будды—гыгэнъ, и смежная съ монастыремъ вторая часть Урги, называемая Гандана, въ которой расположены кумирни и живутъ ламы, изучающіе курсъ высшей буддійской догматики.

Третья часть Урги, нѣсколько отдаленная отъ первыхъ двухъ, это торговая или Маймачэнъ. Вся Урга расположена на правой сторонѣ рѣки Толы и мѣстность ея имѣеть видъ продолговатой равнины съ сѣвера на югъ, ограниченной горами. Спускаясь съ возвышенности, на которой расположено консульство, видно было разбросанную на равнинѣ маленькими мазанками-домиками, густо прилежащими другъ къ другу, монгольскую столицу. Издали

привлекали особое вниманіе блестящіе на солнцѣ золотомъ конусообразные куполы кумиренъ и черепицы крышъ зданій. Надъ кумирнями высоко поднимались мачты съ золочеными маковками на ихъ вершинахъ. Вблизи, когда мы вошли въ узенькія улицы Ганданы, то сразу же исчезло все призрачное обаяніе, которое издали влекло къ себѣ.

Гандана населена исключительно ламами, которые живутъ себѣ отдѣльными приходами, аймаками, группируясь около своего прихода. Въ обычное время всѣ улицы Ганданы пусты, такъ какъ ламы находятся или въ кумирняхъ, или въ школѣ, или въ своихъ домикахъ. Когда же они выходятъ изъ кумиренъ, возвращаясь по домамъ, то всѣ улицы и переулочки сразу наполняются яркоцвѣтной движущейся живой, хотя и молчаливой, толпой ламъ, съ открытыми гладко бритыми головами, въ широкихъ ярко красныхъ, желтыхъ и пурпуровыхъ мантияхъ. Словно муравьи изъ громаднаго муравейника сходятся они и расходятся по извилистымъ улочкамъ и переулочкамъ.

Улицы и переулочки образованы сплошными кирпичными или глиняными стѣнами, съ калитками въ стѣнѣ; самое жильѣ построено внутри двора и закрыто отъ улицы. У богатыхъ ламъ или чиновниковъ заборы встрѣ-

чаются и изъ деревянныхъ палъ, частоколомъ окружающихъ дворъ. Надъ заборами богатыхъ домовладѣльцевъ, перекидываясь иногда черезъ улицу отъ одного дома къ другому, протянуты были веревки, на которыхъ навѣшаны были или яркіе лоскутья или куски шелковыхъ и бумажныхъ матерій съ надписями изъ молитвъ, или развѣвались разноцвѣтные флаги, или цѣпи изъ зелени вѣтвей и листьевъ, связанныхъ въ гирлянды. Вся ограда дворца хутухты гыгена была украшена такими гирляндами. Когда шествіе ламъ прекращалось, то улицы Хурэ и Ганданы погружались въ безжизненную тишину и можно было тогда встрѣтить только бродящихъ изъ одной кумирни въ другую монголовъ богомольцевъ. Количество живущихъ здѣсь ламъ громадно и никакъ не менѣе, какъ сообщилъ В. О. Люба, десяти тысячъ. Всѣ ламы монахи и даютъ обѣтъ безбрачія, почему на улицахъ Хурэ нельзя встрѣтить женщины, исключая старухъ, которымъ, какъ монахинямъ, разрѣшается жить при ламахъ и завѣдывать ихъ хозяйствомъ.

Въ ламской Ургѣ самая священная часть и самое большое зданіе это кумирня Майдари. Въ этой кумирнѣ находится громадныхъ размѣровъ, сажень семь — восемь въ вышину идолъ Майдари. Онъ отлитъ изъ мѣди и густо

покрытъ позолотой. Выдѣлка идола совершалась въ мастерскихъ Долон-Нора и онъ по частямъ былъ оттуда доставленъ въ Ургу, гдѣ и собирался на мѣстѣ. Кумирня, въ которой находится Майдари, тибетской архитектуры; она высока, снаружи красива, но внутри очень тѣсна и вся полна идолами, бурханами, какъ ихъ называютъ. Для посѣтителя самый интересный самъ Майдари, сидящій съ поджатыми ногами подъ балдахиномъ посреди кумирни.

Майдари еще не явился въ міръ, въ настоящее время онъ владыка въ царствѣ тѣней, но долженъ скоро объявиться въ мірѣ. Майдари изображенъ съ благословляющими руками.

Передъ идоломъ стоятъ бронзовыя курильницы, высокія краснаго цвѣта четырехугольныя восковыя свѣчи въ подсвѣчникахъ, въ вазахъ искусственно сдѣланные цвѣты священнаго лотоса. Сверху изъ - подъ балдахина спускается много длинныхъ шелковыхъ разноцвѣтныхъ полосъ матеріи.

Кромѣ большихъ размѣровъ идиоловъ, находящихся въ кумирнѣ, вдоль стѣнъ поставлены громадныя открытыя шкафы и на полкахъ размѣщено множество мелкихъ и крупныхъ бронзовыхъ бурхановъ и бурханитовъ. Многіе изъ нихъ замѣчательно изящной и

художественной работы. На свободной площадкѣ кумирни передъ идоломъ Майдари размѣщенъ рядъ скамей и креселъ для ламъ.

Въ верхней части кумирни устроены хоры, идущіе вокругъ, и изъ нихъ ходъ въ боковыя отдѣленія. Освѣщается кумирня сверху небольшими окнами съ цвѣтными стеклами. Кумирня Майдари произвела на меня впечатлѣніе большого музея, полного предметовъ религіознаго буддійскаго вѣрованія и поклоненія. Каждое свободное мѣстечко въ кумирнѣ чѣмъ-нибудь занято: или вышитыми на шелковыхъ матеріяхъ изображеніями буддъ, или нарисованными, или принадлежностями буддійскаго культа. Масса предметовъ при тѣснотѣ ихъ расположенія, при яркости красокъ и однообразіи чрезвычайно утомила насъ и оставила по себѣ въ памяти какой-то зрительный сумбуръ отъ всего видѣннаго.

При кумирнѣ Майдари находится дежурный лама, который за разрѣшаемый осмотръ довольствуется серебрянымъ „на чай“ рублемъ.

Изъ кумирни мы пошли посмотрѣть ламское духовное училище. Своимъ видомъ училище походило на огромный сарай, все уставлено вплотную скамьями, на которыхъ тѣсно другъ къ другу сидѣли ученики—будущіе ламы, разныхъ возрастовъ, отъ малышей до зрѣлыхъ юношей. Ихъ было не менѣе 1,000

человѣкъ. По свободнымъ промежуткамъ этой аудиторіи расхаживалъ жирный и съ тупымъ взглядомъ, въ желтомъ одѣяніи и съ посохомъ въ рукахъ лама. Наше присутствіе наружно не произвело никакого впечатлѣнія на массу юношей. Была буквально мертвая тишина, никто не шелохнулся, не вскинулъ глазами, наоборотъ, ближайшіе къ намъ опустили глаза въ землю, а нѣкоторые забормотали что-то, вѣроятно, молитву. Былъ-ли это урокъ созерцательнаго вниманія или дисциплины—не знаю, но эта мертвая тишина подавляла насъ и заставила скорѣе уйти изъ удручающей аудиторіи.

Выйдя изъ школы, мы пошли къ дворцу хутухты. При всемъ моемъ желаніи осмотрѣть дворецъ хутухты—это оказалось невозможнымъ: никто, кромѣ ламъ, не можетъ переступить порога его святилища. Самъ же хутухта въ великіе праздники показывается богомольцамъ, выносимый ламами на носилкахъ на площадь, гдѣ его ожидаетъ, молитвенно падая на землю, многотысячная толпа. Пришлось удовольствоваться видомъ только наружныхъ стѣнъ его дворца, ничего особенно не представляющаго.

Отъ дворца хутухты мы отправились по направленію къ монгольскому городу Маймачэну. Проходя мимо одного зданія, я былъ по-

раженъ лежавшими и сидѣвшими у стѣны преступниками, закованными въ цѣпи и съ цѣпями на шеѣ, свободный конецъ которыхъ былъ въ рукахъ стражи.

Это зданіе было китайское присутственное мѣсто — ямынь. Изнутри доносились стоны и крики наказываемыхъ и пытаемыхъ. пытки, самыя разнообразныя и жестокія и до сего дня въ большомъ употребленіи и у китайцевъ, и у монголовъ.

Сейчасъ же за дворцомъ хутухты расположилась монгольская часть съ ихъ войлочными юртами, мазанками, грязью, массой нищихъ, собакъ, сору и всякаго отброса. Монгольская часть полна народа, полна движенія; то величаво проходитъ караванъ верблюдовъ, то мчится монголъ-наѣздникъ, то чинно проходитъ китаецъ, прикрывая вѣромъ со стороны солнца свою голову. Въ этой же части находятся и дома русской торговой колоніи. Эта часть самая оживленная, самая многочисленная. Сюда стекается на поклоненіе хутухтѣ и Майдари десятки тысячъ богомольцевъ въ извѣстные дни праздниковъ. Богомольцы приносятъ обязательно дары по мѣрѣ средствъ своихъ, обогащая ламъ. Нищіе и собаки также собираются здѣсь въ громадныя скопища, становясь подъ защиту буддійской святыни. Различіе невообразимо рѣзко здѣсь между

ламами и простыми монголами, а тѣмъ болѣе нищими. Нѣтъ ничего ужаснѣе нищихъ Востока: это изъязвленные, основавшіе свое мѣсто-пребываніе среди грудъ мусора и разныхъ отбросовъ, часто здѣсь и умирающіе, и съѣдаемые собаками, покрытые струпьями, изможденные, въ рубищахъ. Несчастные эти повергаются на землю, прося милостыни у проходящихъ. Ламы, гладко выбритые, сытые и жирные, надменно-самодовольные, въ яркихъ красныхъ и желтыхъ шелковыхъ мантияхъ, производятъ среди этого бѣдствія отвратительное впечатлѣніе. Ламы разоряютъ монголовъ ужасными поборами на содержаніе хутухты и за отпращиваніе религіозныхъ требъ. Они развращаютъ народъ и заражаютъ его сифилисомъ. Проституція въ разныхъ формахъ развита здѣсь весьма сильно, что поддерживаютъ не одни ламы, но и торговцы китайцы, которые живутъ всѣ безъ женъ.

Подобно нищимъ и множество собакъ въ Ургѣ также тощи, несчастны и покрыты паршами. Въ Ургѣ двѣ категоріи собакъ: обыкновенныя уличныя и собаки труподы, свирѣпыя и сильныя, бродящія стаями за Ургой. Монголы не хоронятъ своихъ мертвецовъ, а выносятъ ихъ въ поле и оставляютъ на съѣденіе, и чѣмъ скорѣе трупъ съѣдятъ и растаскаютъ собаки, тѣмъ, значитъ, былъ пра-

веднѣ покойникъ. Поэтому не только за Ургой можно всегда найти человѣческія кости, но даже и въ самую Ургу затаскиваютъ собаки части трупа. Бывали случаи, что стаи этихъ собакъ, будучи голодными, нападали на одинокаго путника и растерзывали его.

Ургу по всей справедливости можно назвать городомъ ламъ, нищихъ и собакъ.

У монголовъ нѣтъ своей монеты, нѣтъ денежныхъ знаковъ и въ торговыхъ сношеніяхъ съ китайцами они или ведутъ мѣновую расплату на кожи, шерсть, масло, или расплачиваются на китайское серебро въ слиткахъ, что доступно только монгольскимъ князьямъ. Вся же обычная торговля и все обычное обращеніе совершается или при посредствѣ кирпичей чая или при посредствѣ такъ называемыхъ „ходаковъ“.

Кирпичъ чая это спресованный чай въ формѣ кирпича имѣетъ стоимость 35—40 коп., а „ходакъ“ это полоса матеріи отъ самой грубой, простой до дорогой шелковой и стоимостью отъ 1 копѣйки до 5 рублей. Цѣнность ходака зависитъ исключительно отъ величины его и качества матеріала.

Этотъ торгъ на „ходаки“, груды и связки ходаковъ на монгольскомъ базарѣ, представляютъ много интереснаго для наблюдателя.

Довольные, хотя и усталые, мы вернулись

въ консульство и остатокъ дня посвятили осмотру консульства и его окрестностей.

Первыя сношенія русскихъ съ Ургой происходили болѣе ста лѣтъ тому назадъ и первое русское подворье было построено еще въ 1786 году. Русское подворье занимало тогда шесть деревянныхъ домовъ, обнесенныхъ стѣною на подобіе острога, такъ какъ китайскіе начальники просили у правительства выстроить для русскихъ посланцевъ именно такое зданіе, чтобы они, амбани, могли лучше стеречь русскихъ. Современное русское консульство построено въ періодъ 1863—1865 годовъ.

Вначалѣ русское консульство одиноко стояло на возвышенности, представляя двухэтажное деревянное зданіе, но съ теченіемъ времени оно стало обстраиваться. Вблизи въ настоящее время имѣется домъ русской почтовой конторы, затѣмъ ургинская школа для учениковъ, изучающихъ китайскій и монгольскій языки, затѣмъ домикъ священника. Къ зданію консульства пристроена и небольшая деревянная домовая церковь.

Консульство обнесено высокой деревянной рѣшеткой и во дворѣ разсажены деревья, но вслѣдствіе дурной почвы, несмотря на усиленную поливку, принимаются плохо. Въ настоящее время консульство застроилось уже

многими домами, изъ которыхъ нѣкоторые, какъ домъ знаменитаго и много на шумѣвшаго въ Монголіи и Китаѣ Бадмаева, имѣютъ даже свою исторію. Впрочемъ, о г. Бадмаевѣ я еще скажу.

Для охраны консульства живутъ въ немъ нѣсколько человѣкъ казаковъ.

Знакомясь съ консульскими зданіями я дошелъ до русскаго православнаго кладбища, расположеннаго тутъ же по близости на пригоркѣ. И какое тяжелое, грустное, глубоко возмущающее душу впечатлѣніе произвело на меня это мѣсто упокоенія русскихъ людей, одиноко заброшенныхъ въ далекой странѣ!

Кладбище совершенно не огорожено, совершенно лишено всякаго присмотра. Могилы надъ которыми нѣтъ ни крестовъ, ни даже камня, большинство уже совершенно сравнялись съ землею, нѣкоторыя обвалились, и всѣ онѣ попираются бродячимъ скотомъ, разрываются собаками.

Стыдно и больно за отношенія русскаго человѣка ни себя не уважающаго, ни чтущаго памяти своего ближняго. А вѣдь въ Ургѣ есть всѣ представители русскаго культурнаго общества и служилые люди въ лицѣ консула, и учителя наши въ лицѣ священника, и народъ въ лицѣ торговыхъ людей.

Русская колонія въ Ургѣ достаточно велика, но въ то же время во многомъ безпомощна. Мнѣ пришлось выслушать много сѣтованій на то, что въ Ургѣ нѣтъ врача, нѣтъ слѣдовательно и разумной врачебной помощи. Заболѣвающимъ приходится или полагаться на цѣлебныя силы природы, или отдаваться во власть мѣстныхъ знахарей ламъ или безропотно умирать, если недугъ окажется не по силамъ ни природѣ, ни ламамъ, а потребуетъ знаній и искусства врача.

Во время моего пребыванія въ Ургѣ ко мнѣ привели больную русскую дѣвушку, которая послѣ испуга (на нее бросилась и покусала собака) представляла цѣлый рядъ болѣзненныхъ нервныхъ явленій. Нѣсколько мѣсяцевъ лѣченія ламъ не улучшили ея состоянія, но назначенное ей лѣченіе бромистымъ калиемъ черезъ двѣ недѣли, какъ мнѣ потомъ сообщили, привело ее къ полному выздоровленію.

Выслушивая однако сѣтованія и жалобы русскихъ на отсутствіе у нихъ необходимаго для жизни врача я всегда удивлялся той безпомощности и бездѣятельности, которыя такъ присущи и не въ одномъ только врачебномъ вопросѣ современному русскому обществу. Всѣ желаютъ, чтобы непременно для нихъ былъ назначенъ врачъ - чиновникъ и

ни у кого не является инициативы собрать по добровольной подпискѣ деньги на вознагражденіе врачу и пригласить врача отъ себя лично и для себя, не ожидая, какъ дѣти, чтобы о нихъ заботились няньки и мамки.

ГЛАВА III.

На слѣдующій день В. Θ. Люба устроилъ поѣздку въ Богдоуль, чтобы показать намъ эту живописную мѣстность, священную въ глазахъ монголовъ.

Въ пикникъ приняло участіе и семейство г. Тархова, управляющаго почтовой конторой. Всѣ мы, кто верхомъ, кто въ двухколесной таратайкѣ, взявъ съ собою самоваръ и закуску, отправились, бодрые и веселые, словно въ доброе старое время въ Россіи, въ лѣсъ по грибы и по ягоды. Погода стояла чудная, теплая, но не жаркая, несмотря на то, что это было 20 іюля.

Спустившись съ возвышенности, мы миновали китайскую крѣпость, расположенную четыреугольникомъ съ высокими глиняными стѣнами и выглядывавшими изъ амбразуръ пушками, и подъѣхали къ рѣкѣ Толу, которую нужно было переѣзжать два раза.

Хотя рѣка и не глубока въ мѣстѣ переѣзда, но теченіе настолько быстрое, что сно-

ситъ лошадей, которыя съ усиліемъ противостоять напору воды.

Странное ощущеніе испытывали мы, когда очутились среди страшной быстрины: намъ казалось, что вода подхватила насъ и тащить съ собою по теченію. Голова кружилась и въ глазахъ все уносилось вмѣстѣ съ водой. Нѣкоторые изъ насъ не рѣшались переправляться и сопровождавшіе казаки поддерживали боявшихся при переправѣ.

Переправившись черезъ Толу, мы пустились по чудной, зеленой и цвѣтущей долинѣ, къ лѣсистымъ склонамъ Богдоула.

У монголовъ Богдо-уль это Святая гора; это цѣпь горъ съ самой высокой изъ нихъ, имѣющей по опредѣленію Фрицше высоты надъ уровнемъ моря 5412 футь. Протяженіе горъ равняется 30 верстамъ. Всѣ горы Богдоула покрыты хвойнымъ и лиственнымъ лѣсомъ. Монголы настолько чтутъ святость Богдоула, что на всемъ протяженіи горъ запрещается всякая порубка, всякая раскопка земли и охота на птицъ и животныхъ.

На Богдоулѣ, какъ говорятъ монголы, находится и могила Тамерлана, память о которомъ свято сохраняется въ ихъ былинахъ. Пока готовился самоваръ и на зеленой полянкѣ раскладывались привезенныя съ собою закуски, я отправился на горы и какую на-

шелъ чудную, крупную и спѣлую землянику, привѣтливо кивавшую мнѣ на длинныхъ стебелькахъ изъ зеленой травы! Сколько было кустовъ дикой малины, черной смородины, деревьевъ черемухи! Ягоды были крупныя, вкусныя; воздухъ бодрый, свѣжій, чистый, безоблачное голубое небо, тишина и покой!

Если можетъ быть счастливъ человѣкъ, то только онъ пойметъ и найдетъ это счастье, если останется хоть на время съ великой и всеобъемлющей природой, которая одна дастъ ему и душевный покой, и чистыя, добрыя, хорошія мысли. Проведя весь день въ прогулкахъ по лѣсу, мы подъ вечеръ вернулись въ Ургу. Вечера проводили въ радушной бесѣдѣ въ семьѣ В. Ѳ. Люба.

Отъ Бадмаева и его крупныхъ задачъ, интересовавшихъ всѣхъ насъ, мы перешли къ другимъ мѣстнымъ текущимъ злобамъ дня ургинской жизни. Для насъ все было ново, новы были люди и новы отношенія между людьми, а вѣдь эти отношенія составляли хоть маленькую, но все же страничку въ исторіи русской жизни на далекой окраинѣ. Думаю, что не будетъ лишнимъ, если я расскажу о бывшихъ событіяхъ, имѣвшихъ мѣсто нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Урга управляется губернаторомъ—амбанемъ, посылаемымъ отъ китайскаго прави-

тельства. Отъ личныхъ качествъ амбана много зависятъ и отношенія между русскими.

Въ Ургѣ въ 1898 году былъ амбанъ, который далеко не выказывалъ дружескаго расположенія къ русскимъ и притѣснялъ, основываясь, конечно, на трактатахъ, всякое проявленіе русской предпримчивости. Вслѣдствіе этого у амбана съ русскими вышло довольно острое столкновеніе изъ-за моста черезъ рѣку Толъ. Толъ, какъ я говорилъ, быстрая горная рѣка, впадающая въ Орхонъ, притокъ Селенги; въ обычное время Толъ свободно переходится въ бродъ на лошадяхъ и верблюдахъ, но какъ только пойдетъ въ горахъ дождь, Толъ становится невозможенъ для переправы и по глубинѣ, и по быстротѣ теченія. Русское кяхтинское купечество на добровольно собранныя съ отправляемыхъ чаевъ деньги учредило въ Ургѣ русское коммерческое агентство. Обязанность агента состояла въ наблюденіи за правильностью движенія чаевъ и сохранностью ихъ въ пути, въ исправленіи дорогъ и устройствѣ переправъ. Учрежденное агентство въ 1885 году устроило мостъ черезъ р. Толу, исправило дороги и израсходовало за все время по 1-е января 1895 г. 36,261 рубль. Но мостъ черезъ Толъ необходимъ только во время большой воды, а когда вода въ рѣкѣ маленькая, то всѣ товары, даже и русскіе

чай, везуть въ бродъ. За переѣздъ черезъ мость съ товаровъ монголовъ бралась небольшая плата, для чего со стороны моста стоялъ шлагбаумъ и находилась сторожка. Поѣхалъ какъ-то амбанъ черезъ мость и задѣлъ колесомъ телѣги за столбъ, разсердился и приказалъ убрать шлагбаумъ и срубить столбы. Но къ слѣдующему проѣзду амбаня столбы срублены не были, что привело китайскаго губернатора въ страшную ярость; онъ забылъ всю свою китайскую сановитость, вылѣзъ изъ телѣги и взбѣшенный, собственноручно, исколотилъ до крови своихъ переводчиковъ, полагая, что они не сумѣли передать правильно его приказаніе русскому агенту, который ихъ не понималъ и потому только осмѣлился послушаться амбаня. Затѣмъ велѣлъ позвать самого агента, набросился на него, наговорилъ немало громкихъ словъ и приказалъ тотчасъ же при себѣ рубить столбы шлагбаума. Не довольствуясь этимъ, амбанъ пожелалъ, какъ говорятъ, уничтожить и самый мость, для чего потребовалъ объясненій, на какомъ основаніи и съ чьего разрѣшенія построенъ здѣсь мость русскими. Впослѣдствіи амбанъ былъ переведенъ изъ Урги.

Нашъ главный чайный рынокъ находится въ Ханькоу, гдѣ живутъ представители нѣсколькихъ русскихъ торговыхъ домовъ. Мо-

сковскіе чайные торговцы давали заказы этимъ домамъ купить и приготовить для нихъ байховаго (чернаго) или плиточнаго чая на разныя цѣны отъ 10-ти ланъ и до 50-ти ланъ за ящикъ (въ ланѣ два нашихъ рубля). Чай покупается и сдается на пароходы для доставки его въ Тянь-Цзинь, гдѣ имѣются и другіе коммиссіонеры отъ торговыхъ домовъ, принимающіе чай изъ Ханькоу и отправляющіе его на лодкахъ до Тунжоу, а изъ Тунжоу чай отправляются караваномъ на верблюдахъ и мулахъ до Калгана, гдѣ чай принимаютъ опять-таки свои уже самостоятельныя фирмы и отправляютъ до Урги на верблюдахъ или телѣгахъ на волахъ, смотря по времени года. Когда такимъ образомъ чай дойдетъ до Кяхты, то тамъ уже идетъ окончательная его отправка или въ Ирбитъ, или на нижегородскую ярмарку, или на Москву. Много неудобствъ испытываютъ отправители чая, отправляя его по Монголіи черезъ возчиковъ-монголовъ. Если годъ у монголовъ благополучный, то „ямщиковъ“, т. е. монголовъ, является своевременно много, и отправка чаевъ изъ Калгана идетъ вполне успѣшно и благополучно, если же годъ неурожайный или есть эпидемія и падежъ верблюдовъ или быковъ, то ямщиковъ является мало, чай идутъ крайне неисправно, съ большой просрочкой. Бывали слу-

чай, что монголы, взявшись везти чай и взявъ задатки, складывали эти чай въ степи и уходили по домамъ. Во время дождей и сырой погоды, которую очень трудно переносятъ верблюды и часто погибаютъ, чай получаютъ подмоченные, съ массой порчи.

Такая отправка чаевъ была до 1898 года, но съ проведеніемъ желѣзной дороги отъ Тянь-Цзина на Пекинъ и чай пошли по желѣзной дорогѣ до Пекина, а отсюда уже караваномъ на Калганъ и Ургу. Но съ каждымъ годомъ количество отправляемыхъ чаевъ черезъ Монголію сокращалось, и уже для юга и юго-запада Россіи чай пошли на пароходахъ до Одессы, что выразилось въ среднемъ въ 300 тысячъ ящиковъ ежегодно. Въ настоящее время съ окончаніемъ Сибирской и Восточно-Китайской желѣзныхъ дорогъ и остальные всѣ чай пойдутъ пароходами до Дальняго, а отсюда уже по желѣзнымъ дорогамъ; черезъ Монголію же пойдутъ только чай для мѣстнаго потребленія, что выразится ничтожнымъ количествомъ. Старый русскій торговый путь черезъ Монголію закончилъ свое существованіе.

Злобой дня въ Ургѣ былъ въ то время ожидавшійся пріѣздъ г. Бадмаева и предшествовавшіе ему слухи о его торговой дѣятельности и задуманныхъ имъ разнообразныхъ предпріятіяхъ.

Г. Бадмаевъ, извѣстный врачъ - бурятъ въ Петербургѣ, лѣчившій тибетскими лѣкарствами и мечтавшій водворить тибетскую медицину, вдругъ появился въ Сибири, основалъ въ Читѣ газету на русско-монгольскомъ языкѣ, завелъ разнообразныя торговыя предпріятія, начиная съ торговли мясомъ въ обширныхъ размѣрахъ, поставлялъ мясо на золотые прииски, вступилъ въ отчаянную борьбу съ мѣстными мясоторговцами, открылъ магазины мануфактурныхъ товаровъ въ Читѣ, построилъ гостиницу, устроилъ образцовыя хозяйственныя фермы, конскій заводъ, взялъ почтовую гоньбу и перевозку русской казенной почты отъ Кяхты до Урги и Калгана, построилъ дома въ Ургѣ подъ склады товаровъ. Въ Пекинѣ онъ также купилъ и построилъ два большихъ дома и желалъ организовать агентуру во многихъ пунктахъ Китая, пославъ туда своихъ людей-бурятъ для изученія мѣстныхъ условій быта и мѣстнаго производства. Заговоривъ о г. Бадмаевѣ, я забѣгу нѣсколько впередъ, чтобы не возвращаться къ этому вопросу послѣ, и скажу, что въ 1898 году я познакомился съ г. Бадмаевымъ въ Пекинѣ, куда онъ пріѣзжалъ. Г. Бадмаевъ высказывалъ намѣреніе подорвать эксплуатацію разныхъ хищниковъ въ Сибири и таковыхъ же хищниковъ - китайцевъ въ

Монголіи. Въ Монголіи дѣйствительно китайцы страшно разоряють и даютъ монголовъ, стоящихъ въ экономической зависимости отъ китайцевъ. Г. Бадмаевъ желалъ ввести въ Монголіи русское производство, открыть складъ русскихъ товаровъ и продавать ихъ монголамъ втрое дешевле, нежели это дѣлають китайцы. Въ то же время Монголія богата шерстью, богата кожами, скотомъ, и г. Бадмаевъ горяч ратовалъ за открытіе въ самой Монголіи шерстяныхъ фабрикъ и кожевенныхъ заводовъ, за открытіе сельско-хозяйственныхъ фермъ и отсюда думалъ вести борьбу съ англійскимъ вліяніемъ и англійскими товарами, господствующими внѣ конкуренціи во всемъ Китаѣ.

Слушая его рѣчи, его голословныя увѣренія, что онъ затащитъ мертвой петлей торговлю и вліяніе англичанъ въ Китаѣ, думалось невольно словами русской пословицы „дай Богъ нашему теляти волка пожрати“, но мало вѣрилось въ возможность, чтобы изъ дѣятельности г. Бадмаева вышло что либо путное. Слишкомъ онъ разбросался по всѣмъ отраслямъ, слишкомъ швырялъ легко доставшимися ему капиталами и слишкомъ шелъ къ цѣли ненадежными путями.

Въ Ургѣ относительно личности г. Бадмаева и его предпріятій ходили не только слухи, но создавались цѣлыя легенды. Гово-

рили, что г. Бадмаевъ получилъ два милліона на организацію торговаго дома „Бадмаевъ и Комп.“ и на упроченіе торговыхъ сношеній Россіи съ Китаемъ. Въ февралѣ мѣсяцѣ 1898 года г. Бадмаевъ произвелъ необычайный эффектъ появленіемъ на улицахъ Пекина бурятовъ, разряженныхъ въ яркоцвѣтные халаты и шляпы съ красными доньшками, съ спускающимися позади яркими лентами; буряты эти была свита г. Бадмаева, обращающая на себя общее вниманіе, какъ со стороны европейцевъ, такъ и со стороны китайцевъ. Но на высотѣ произведеннаго эффекта, сдѣлавшаго г. Бадмаева популярнымъ въ Пекинѣ, была тройка лошадей въ русской упряжи, которая, позвякивая бубенцами, провезла по улицамъ Пекина русскій тарантасъ. Что дѣлалъ г. Бадмаевъ для торговаго дома—никто не зналъ, но въ Пекинѣ онъ купилъ на лучшей улицѣ два мѣста, на которыхъ были построены весьма помѣстительныхъ два дома. Покупка и постройка домовъ обошлась, какъ слышно, тысячъ пятьдесятъ. Въ бытность свою въ Пекинѣ г. Бадмаевъ купилъ шелковыхъ китайскихъ матерій, тростниковаго китайскаго сахара, леденцу и другихъ мелочей, всего на нѣсколько тысячъ, и отправилъ свой первый, ставшій и послѣднимъ, торговый караванъ на Читу, а затѣмъ уѣхалъ самъ. Выѣздъ изъ Пекина

г. Бадмаева былъ событіемъ для китайской улицы: тѣмъ народа, ожидавшая выхода „Бада-ма-вана“ (князя Бадмаева), трескъ ракетъ заинтересовали даже европейцевъ. Затѣмъ все стихло и стали доходить слухи о полномъ безпорядкѣ и полной неурядицѣ во всѣхъ дѣлахъ и предпріятіяхъ торговаго дома „Бадмаевъ и Комп.“.

Въ Ургѣ также былъ открытъ магазинъ, который въ первое время своего существованія велъ даже торговлю, продавая монголамъ сукно. Но и въ Ургѣ дѣятельность торговаго дома продолжалась недолго: торговля стала, дома и склады подъ товары опустѣли. Случился „крахъ“ со всѣми предпріятіями г. Бадмаева, устойчивости которыхъ никто здѣсь съ самаго начала не довѣрялъ.

ГЛАВА IV.

Быстро прошла недѣля нашего пребыванія въ Ургѣ и пора уже было собираться въ дальнѣйшій путь.

Днемъ выѣзда назначили 3 августа и въ этотъ день съ утра во дворъ консульства были потребованы верблюды для перевозки нашего багажа и лошади подъ тарантасъ.

Распростились мы съ радушными Люба и двинулись снова съ нашимъ милымъ спутникомъ Н. Н. Шулынгинымъ на Калганъ.

Переправу въ тарантасъ черезъ рѣку Толъ совершили благополучно. Воды въ рѣкѣ было настолько мало, что она не вливалась даже въ тарантасъ.

Ямщики-монголы все время гикали и суетились вокругъ тарантаса и помчались, сломя голову, какъ только всѣ мы выбрались на ровную степь. Долина рѣки Толъ чрезвычайно живописна и богата пастбищами. Горы, словно застывшія исполинскія волны, нагромождаясь одна на другую, все болѣе и болѣе

покрывались синей прозрачной пеленой и оставались въ сторонѣ. Мы неслись на западъ, вступивъ въ пустынную и негостепріимную степь Гоби. Первые два перегона—Бассыкъ и Бухыкъ—степь была богата травой, около монгольскихъ юртъ встрѣчались стада бѣлоголовыхъ барановъ но уже не было того обилія цвѣтовъ, что встрѣчали мы въ степи до Урги, и не было того оживленія: ни птицъ, ни насѣкомыхъ. Съ послѣдующаго уртона Амагылынъ, Чонаргаланту, Ундурдо, степь становилась все бѣднѣе растительностью, все безжизненнѣе и угрюмѣе, а съ уртона Тала-Булыкъ началась, какъ сообщилъ сопровождавшій меня казакъ Нечаевъ, настоящая „Гобей“, которая чѣмъ далѣе, тѣмъ становилась безотраднѣе и бѣднѣе, превратясь въ одни солончаки съ колючими кустарниковыми травами. Начинаютъ попадаться большія пространства, усѣянные мелкимъ камнемъ, словно щебнемъ. На далекомъ разстояніи видны эти осколки, какъ бы застывшія капли каменнаго дождя, лившаго здѣсь въ изобиліи.

Ночлегъ въ юртахъ посреди Гоби, толпы монголовъ, всему изумляющихся, все разсматривающихъ, довѣрчиво и съ видимымъ удовольствіемъ принимающихъ каждый даваемый имъ кусокъ и тотчасъ же дѣлящихся имъ другъ съ другомъ, — все это вносило осо-

бую прелесть свободы въ путешествіе. Тутъ же, въ другой юртѣ, въ котелкѣ, повѣшенномъ надъ огнемъ, казакъ варилъ супъ изъ баранины, находя время балагурить и съ окружающими его монголами. То и дѣло изъ его юрты или слышался взрывъ хохота, или видно было, какъ въ разсыпную неслась толпа, чтобы вновь тотчасъ же собраться. Объяснялся онъ съ ними на какомъ-то особомъ монголомимическомъ нарѣчій, но его не только понимали, но съ видимой охотой во всемъ помогали и услуживали. Завидная черта русскаго простолюдина вносить всюду добродушную общительность. Китайцевъ монголы ненавидятъ, но и китайцы относятся къ монголамъ съ крайнимъ презрѣніемъ и грубостью, какъ къ животнымъ. Ненависть монголовъ къ китайцамъ—чувство довольно распространенное и, вѣроятно, давнее.

Темнѣетъ быстро въ Монголіи, и уже къ семи часамъ вечера ѣхать становится трудно, хотя монголы не боятся ошибиться въ дорогѣ и готовы такъ же летѣть, сломя голову, ночью, какъ и днемъ. Утомившись за день отъ быстрой ѣзды, ждешь съ нетерпѣніемъ послѣдняго уртона, гдѣ назначенъ ночлегъ. По утрамъ въ пять часовъ станъ уже на ногахъ, со всѣхъ юртъ несутся голоса „у лачи мордò“, и монголы уже лихо гарцуютъ на своихъ

бѣшеныхъ коняхъ. Выѣзжая въ пять часовъ съ ночлега, я дѣлалъ два перегона и въ 8 часовъ утра останавливался для питья чая и отдыха. Казакъ обыкновенно скакалъ впереди и все подготовлялъ къ приѣзду. Русскій солдатъ незамѣнимъ въ путешествіи. Казакъ Нечаевъ, который весь день скакалъ верхомъ вмѣстѣ съ монголами, успѣвалъ не только за всѣмъ присмотрѣть, все приготовить, но оставался всегда бодрымъ и сохранялъ доброе и веселое слово, которымъ умѣлъ и развеселить, и самъ себя подбодрить.

Отдохнувъ часъ — два, мы снова неслись по Гоби до часу дня, пока зной палящаго солнца не заставлялъ искать хоть какой-нибудь тѣни. Юрта и остановка на уртонѣ являлись благодѣяніемъ. На мое счастье погода не была особенно жаркая, и за весь переѣздъ по Гоби тягостныхъ и знойныхъ дней было всего только три. Ночи въ Гоби довольно прохладныя, а подъ утро приходилось накрываться теплымъ одѣяломъ.

Мѣстность Гоби довольно, въ общемъ, разнообразна и не представляетъ того тягостнаго однообразія, о какомъ я думалъ, рисуя въ своемъ воображеніи пустыню. Безусловно пустынныхъ, солончаковыхъ или глинисто-песчаныхъ, безжизненныхъ и лишенныхъ почти всякой растительности пространствъ,

съ крайне скудными водою колодцами, причемъ вода въ нихъ—противнаго горько-солончатого вкуса, было не болѣе восьми перегоновъ. Попадались перегоны, составлявшіе болотистую, кочковатую мѣстность, покрытую густой, жесткой травой, которую ѣдятъ только верблюды; попадались перегоны съ плотной глинистой почвой, представлявшіе чрезвычайно красивую мозаичную поверхность. Разнообразныя фигуры квадратовъ, ромбовъ, трапецій, многоугольниковъ глинистой почвы были окаймлены полосами зеленой травы, узенькой ленточкой отдѣлявшей сѣрую глинистую почву этихъ площадокъ другъ отъ друга. Кое-гдѣ были скопленія воды, видны слѣды ручьевъ и потоковъ, оставшихся отъ дождей. Несомнѣнно, что дождевая вода, пробиваясь по разнымъ направленіямъ въ солончаковой почвѣ, орошала ее и вносила жизнь, оставляя зеленую травку на своемъ пути. Нѣсколько перегоновъ такой мозаичной зелени смѣнялись снова то опять песчано-глинистой, то холмисто-каменистой; нѣкоторые перегоны представляли собою въ высшей степени интересную картину каменныхъ высокихъ породъ, совершенно черного или изчерна-сиватаго цвѣта, выходившихъ изъ земли, словно остатки разрушеннаго города. Изрѣдка встрѣчались небольшія озерца солончатой

воды. Такъ проѣхали мы уртоны Нарыкъ, Модо, Тойринъ, Боро-Бурынъ, Байнъ-Хошу, Байнъ-бильдхэ, Сологой, Цзаха-сучжй и достигли на четвертыя сутки пути отъ Урги большого поселенія Саиръ-Усу, стоящаго почти на половинѣ пути между Ургой и Калганомъ. Въ Саиръ-Усу находится и военный китайскій постъ, живетъ китайскій чиновникъ. Отсюда идетъ большая дорога на города Улясутай и Кобдо. Встрѣча въ виду многолюдства поселенія была и торжественнѣе, и многолюднѣе. Явились трое чиновниковъ-монголовъ, по обычаю сами подвезли тарантасъ къ юртѣ, въ видѣ привѣтствія преклонили каждый колѣно и со словами „амархан-сойнъ“ (здравствуйте) предложили свои фарфоровые или сдѣланные изъ гобійскаго камня флакончики-табакерки. Юрта была для насъ приготовлена большая, чистая, съ богатымъ убранствомъ внутри, т. е. сдѣлано было высокое ложе, накрытое краснымъ сукномъ, поставлены кипяченое молоко, горячій кирпичный чай и туземныя прѣсныя лепешки. Въ Саиръ-Усу происходитъ смѣна сопровождающихъ чиновниковъ: выѣхавшіе изъ Урги возвращаются обратно, а изъ Саиръ-Усу командировются для сопровожденія новые до Калгана.

Отъ Саиръ-Усу дорога рѣзко начинается отклоняться къ юго-востоку. Самая тяжелая

и бесплодная часть пустыни пройдена; чѣмъ дальше подвигаешься на югъ, тѣмъ все веселѣе и зеленѣе становится степь. Проѣхали уртоны Хутынъ-Долонъ, Боро-обо, Цзубыръ, Цзалать, и остановились на ночлегъ въ юртахъ Арбанъ-Найма. Мѣстность чрезвычайно живописная: рядъ высокихъ холмовъ съ прорѣзывающими ихъ долинами, по которымъ еще недавно текли потоки дождевой воды, сливаясь въ одинъ несущійся по каменистому руслу, по которому пришлось ѣхать и намъ до юртъ, поставленныхъ на возвышенности. Степь уже переставала быть пустыней: послѣ дождя повсюду былъ зеленый ровный коверъ, доносилось блеяніе стадъ. Какъ отрадно дѣйствовало близкое присутствіе жизни послѣ пройденнаго четырехдневнаго пути, безмолвнаго и мертвеннаго. Усталости какъ бы не бывало; я вышелъ изъ юрты. Что за чудный вечеръ! Какое величіе въ безграничномъ просторѣ пустыни и какое торжественное великолѣпіе въ ярко блещущемъ звѣздами небесномъ пространствѣ! Какой воздухъ легкій и прозрачный, какая величественная тишина! Забывъ усталость, забывъ лишенія, отрѣшась отъ всего, я не могъ оторваться отъ этой чудной, блещущей такой примиряющей и возвышающей душу тишиной небесной и земной дали!

Уртоны Нарыкъ, Хончи, Мухоръ-Гашу — мѣстность холмистая, смѣняющая каменистыя пространства съ ровными степными. Вода вездѣ хорошая. Встрѣтили караванъ верблюдовъ. Посреди пустыни всякая встрѣча пріятна, но верблюды своимъ плавнымъ, мѣрнымъ движеніемъ придаютъ особенное значеніе этой встрѣчѣ, указывая, что названіе корабля пустыни дано не даромъ: караванъ верблюдовъ именно словно плыветъ по пустынѣ, — настолько ихъ движеніе, при всей видимой неуклюжести, легко, красиво и равномерно. Тугурикъ и Толи выдались опять страшно пустынными; глинисто-песчаная почва, глинистые холмы придаютъ всей мѣстности сѣро-желтый видъ. Вдали виднѣется какъ бы городокъ, обнесенный глиняной стѣной: это оказался буддистскій монастырь, гдѣ живетъ тоже перерожденецъ Будды. Во время остановки подошло нѣсколько ламъ, довольно грязныхъ и въ довольно затасканныхъ плащахъ. Монголы на этихъ уртонахъ особенно выглядѣли несчастными и оборванными; повсюду и на всемъ лежала печать нищеты: лошади худы и безсильны, собаки тощи, юрта безобразно грязна и оборвана, такъ что при всемъ желаніи имѣть хоть каплю тѣни мы не рѣшились войти въ юрту, а помѣстились между тарантасами, протянувъ надъ ними

одѣяла, и получили такимъ образомъ искусственную тѣнь.

Опять уртоны, опять однообразіе степи, хотя и болѣе жизненное, но семь сутокъ очень утомили и все чаще и чаще навѣдываешься къ Нечаеву, когда же конецъ дороги. Но вотъ уже на горизонтѣ стали показываться неясныя, туманныя очертанія горъ, а на уртонѣ Цачиртѣ мы пили чай и отдыхали уже не въ юртѣ, а въ глинистой фанзѣ, нѣкоторое подобіе сарая. Мѣстность совсѣмъ принимаетъ равнинный видъ, а уртонъ Хунсуйнтѣ напомнилъ наши степныя мѣста: большое озеро съ поросшими камышемъ берегами; на озерѣ плавало десятка два лебедей. Горы все яснѣе выступали на горизонтѣ. Мы вступили въ предѣлы цахаріевъ—китайскаго казачества, владѣющаго пожалованными имъ землями и обязаннаго нести военную кавалерійскую службу. Прощай Гоби съ ея юртами, уртонами и монголами!

Наконецъ, вотъ и Цаганъ-Тологой, съ котораго предстоитъ сперва подъемъ, а затѣмъ и спускъ въ Добанское ущелье. Подъемъ отъ Монголіи невысокъ; на самой верхушкѣ мы подошли какъ разъ къ подножію Великой китайской стѣны, разрушающейся и вьющейся по вершинамъ горъ сѣрой каменной лентой. Но спускъ въ ущелье очень тяжелъ:

приходилось пробираться между огромных глыбъ камня, минуя рытвины, обвалы скалъ. Видъ на тѣснины и ущелья, съ парящими надъ ними орлами, чрезвычайно живописенъ. Спустиась въ Добанское ущелье, мы все время ѣхали по каменистому руслу горной рѣчки, теперь безводной, но во время дождей бушующей со страшной силой. По склонамъ надъ долиной шли обработанные огороды; высоко подымались стебли гаулеана, между ними выдѣлялись кусты рицины, вилась фасоль. Изъ-за зеленыхъ деревьевъ съ одного склона горы что-то вдругъ блеснуло. Еще нѣсколько поворотовъ—и вотъ изъ-за скалы, на голубомъ фонѣ яснаго, чистаго неба, выступила небольшая, но изящной архитектуры каменная церковь и сіяющій въ лучахъ солнца золотой крестъ. Мы вѣзжали въ предмѣстье Калгана, гдѣ расположена русская колонія.

Проѣхавъ пустыню Гоби въ теченіе девяти дней въ направленіи сперва сѣверномъ, а затѣмъ отъ Саиръ-Усу въ юго-восточномъ, я вынесъ убѣжденіе, что Гоби въ этихъ направленіяхъ далеко не представляетъ всецѣло безотрадной пустыни: большая ея часть обладаетъ и достаточными пастбищами, и хорошей водой. Я ѣхалъ по казенной уртонной дорогѣ, пролегающей по менѣе благопріятной части Гоби, но есть трактъ коммерческій, ка-

раванный, который идетъ отъ Урги до Калгана въ болѣе юго-восточномъ направленіи; онъ короче уртоннаго пути и гораздо болѣе обладаетъ хорошими пастбищами и хорошей водой. Караванный путь считаютъ отъ Урги до Калгана въ 900 верстъ; онъ много ровнѣе и почти не имѣетъ бесплодныхъ песчано-глинистыхъ пространствъ. Караваны идутъ по этому пути почти исключительно верблюдами. По этому же пути разъ въ мѣсяцъ идетъ на верблюдахъ и тяжелая русская почта, сопровождаемая двумя русскими казаками, а по уртонному пути идетъ легкая русская почта, выходящая изъ Кяхты 4 раза въ мѣсяцъ и совершающая свой путь до Пекина въ 10—12 дней. Караваннымъ путемъ ѣздить на верблюдахъ и всѣ торговые люди, которые не могутъ пользоваться казеннымъ уртоннымъ. Для передвиженія по Гоби служитъ большая двухколесная телѣга, представляющая собою деревянный ящикъ, укрѣпленный на двухъ перекладинахъ. Съ одной стороны ящика продѣлано оконце, а съ другой стороны открывающаяся наружу дверца, чрезъ которую слѣдуетъ входить въ ящикъ. Предварительно внутрь и по бокамъ кладутъ матрацы и подушки, а затѣмъ устраивается въ своемъ подвижномъ логовѣ и путникъ, который свободно можетъ лежать, не рискуя быть избитымъ

при толчкахъ о деревянныя стѣнки такой телѣги. Колеса у такой телѣги высокія, толстыя, убитыя гвоздями. Когда телѣга готова, тогда впрягаютъ въ нее верблюда, имѣющаго слѣдующія особенности упряжки. Какъ для перевозки вьюковъ, такъ и для перевозки телѣгъ упряжка верблюда совершается одинаково. Прежде всего на спину верблюда и вокругъ его горбовъ, или, какъ здѣсь называютъ, „кочекъ“, кладутъ войлоки, называемые монголами „хомъ“; такимъ образомъ горбы укрѣпляются, но верхи ихъ остаются открытыми. По бокамъ кладутъ еще нѣсколько рядовъ войлока, который укрѣпляется съ обѣихъ сторонъ и во всю длину спины такъ называемыми по-монгольски шатанами; концы ихъ обыкновенно связываются веревкою изъ верблюжьей шерсти, перекинутой чрезъ спину и подъ брюхо верблюда. Эта веревка укрѣпляетъ и боковые войлоки. Приготовленнаго такимъ образомъ верблюда подводятъ къ телѣгѣ, къ оглоблямъ которой привязываютъ веревки; концы веревокъ пристегиваютъ къ боковымъ войлокамъ-шатанамъ. Непремѣнное условіе, чтобы упряжка была равномерно распреѣлена и телѣга шла ровно; если телѣга будетъ идти не ровно, то легко будетъ опрокидываться, не имѣя устойчивости. Достоинство верблюдовъ—ихъ неприхотливость въ

дорогѣ: за весь путь отъ Урги до Калгана они идутъ безсмѣнно; смѣняютъ только уже усталыхъ до изнеможенія. Въ дорогѣ корму верблюдамъ не даютъ, да и ѣдятъ верблюды мало, довольствуясь, чѣмъ Богъ пошлетъ. Наиболѣе они нуждаются въ отдыхѣ и боятся дурной погоды. Зимой, во время снѣжныхъ метелей, верблюдъ идетъ только по вѣтру, легко устаетъ и отъ усталости ложится, что служить обыкновенно плохимъ знакомъ, такъ какъ, если верблюдъ уже легъ отъ усталости, то онъ рѣдко подымается, а такъ и погибаетъ. Особенно вредно для верблюда сырое и дождливое время по веснѣ и лѣтомъ и болотистая, сырая земля. Часто верблюдъ простужается, начинаетъ кашлять, слабѣть и погибаетъ. Легко также верблюдъ подвергается накожнымъ заболѣваніямъ — чесоткѣ, паршамъ, покрывающимъ корою все тѣло. Линяютъ верблюды весною, становясь совершенно голыми, обрастаютъ шерстью только къ зимѣ. Густой бахромой тогда шерсть обростаетъ вдоль всей нижней части шеи, служа такимъ образомъ защитой отъ простуды шеи и груди, а также густо обрастаютъ колѣна ногъ. Въ пути верблюды по большей части не боязливы, но если онъ испугается, то бѣжитъ, широко разбрасывая ноги, и остановить его нѣтъ возможности, пока самъ не остано-

вится отъ усталости. Управляютъ верблюдомъ, заставляя его лечь на согнутыя колѣна или подняться съ земли, когда это нужно для разгрузки или нагрузки, посредствомъ подергиванія за веревочку, продѣтую сквозь ноздри животнаго; боль при этомъ бываетъ настолько сильная, что верблюдъ кричитъ, но покорно повинуется.

Наиболѣе извѣстенъ караванный путь Дарханъ-цзомъ, по которому можно возить чай и на телѣгахъ быками; но и помимо этого главнаго, по равнинѣ много проложено путей, по которымъ монголы и китайцы возятъ въ Кяхту свои товары и чай.

Удобствомъ караваннаго пути является то, что онъ короче и дорога ровнѣе, но вмѣстѣ съ тѣмъ караванный путь въ лѣтнее время, отъ апрѣля до сентября, когда верблюды линяютъ и обрастаютъ шерстью, остается безъ движенія. За время отдыха верблюды настолько становятся сильны и дичають, что ихъ невозможно сейчасъ же пускать въ дѣло, а необходимо цѣлый мѣсяць, „вывязывать“, т. е. держать на привязи безъ корму, пока они не войдутъ въ свою рабочую норму. Недобствомъ караваннаго пути служитъ также и то, что ѣдущій долженъ жить въ своей телѣгѣ все время пути, такъ какъ нѣтъ ни юртъ, ни сколько-нибудь населенныхъ ауловъ.

По пути ютятся лишь нищіе монголы, которые выпрашивают милостыню у проезжающихъ.

Разстояніе отъ Урги до Калгана уртоннымъ путемъ считаютъ болѣе 1,500 верстъ и на лошадяхъ его проскакиваютъ въ 8—10 дней съ ночлегами въ юртахъ; верблюды же идутъ шагомъ день и ночь, дѣлая небольшіе лишь привалы для отдыха, и въ самую хорошую пору они проходятъ пространство отъ Урги до Калгана въ 16 сутокъ, но обычно на это уходитъ 20 сутокъ, а въ зимнее время и до 30-ти сутокъ. Что касается стоимости, то по уртонному пути принято платить за каждый перегонъ отъ экипажа три серебряныхъ рубля и затѣмъ сопровождающимъ китайскимъ чиновникамъ по 10—15 рублей каждой смѣнѣ. Обязанность китайскаго чиновника состоитъ въ наблюденіи за ямщиками и исправностью пути, и надо отдать справедливость, что они добросовѣстно и усердно ее исполняютъ. Стоимость пути по уртонамъ—52 перегона—считая и „на чай“ сопровождающимъ, не превышаетъ 200 рублей; по караванному же тракту поѣздка стоитъ немного дешевле: 150—160 руб.; но всѣ удобства остаются на сторонѣ казеннаго уртонаго пути.

Въ Калганѣ, который китайцы называютъ

Джан-дзя-коу, что имѣеть, конечно, очень мало сходства съ даннымъ ему названіемъ русскими, я радушно былъ принять Н. Н. Шулынгинымъ, ведущимъ въ обширныхъ размѣрахъ переотправку русскихъ чаевъ. Н. Н. Шулынгинъ живетъ въ Калганѣ болѣе десяти лѣтъ, человѣкъ очень дѣятельный, энергичный и добросовѣстный и пользуется большимъ довѣріемъ въ средѣ ханькоускихъ отправителей чая. Вся русская колонія въ Калганѣ состоитъ изъ 15-ти; имѣется также и русская почтовая контора. Русская колонія помѣщается въ предмѣстьѣ Калгана, въ концѣ ущелья, переходящаго здѣсь уже въ широкую долину. Все же ущелье стиснуто высокими скалистыми горами, по вершинамъ которыхъ проходитъ надъ Калганомъ Великая китайская стѣна. Русскіе живутъ въ помѣщеніяхъ, арендуемыхъ ими у китайцевъ, такъ какъ, по трактатамъ, они не имѣютъ права пріобрѣтать своей земельной собственности. Единственная русская собственность въ Калганѣ—это церковный участокъ земли, на которомъ построена и освящена въ 1894 году церковь во имя Казанской Божіей Матери. Церковь построена усердіемъ жившаго здѣсь купца М. Д. Батуева. Церковь находится въ вѣдѣніи пекинской духовной миссіи, изъ которой пріѣзжаетъ временами въ Калганъ для

совершенія богослуженія и требъ одинъ изъ іеромонаховъ. Церковь расположена на высотѣ, на горной площадкѣ, содержится очень опрятно; въ гору ведетъ къ ней хорошо сдѣланная каменная лѣстница, съ площадками и каменными скамейками для отдыха. Церковный дворъ обнесенъ невысокой каменной оградой, не скрывающей отъ взоровъ живописнѣйшихъ видовъ на горные края, тѣснины и ущелья Добанскаго хребта. Вся церковная утварь, иконостасъ и иконы были доставлены изъ Москвы. Архитектура церкви изящна, и вся она, посреди недвижныхъ горныхъ громадъ, гнетущихъ своими тѣсинами, вноситъ радостное и живое чувство въ тяжелое настроеніе путника.

Время японско - китайской войны Н. Н. Шулыгинъ провелъ въ Калганѣ и рассказалъ мнѣ нѣсколько любопытныхъ эпизодовъ. Калганъ, какъ первый и ближайшій уже китайскій городъ къ Пекину, не относился такъ безучастно къ пораженіямъ китайцевъ, какъ монгольская Урга. Первое время китайцы горделиво увѣрены были въ побѣдахъ, но когда пораженія стали очевидны, то въ средѣ калганскихъ китайцевъ стали распространяться слухи, что виновницей войны должно считать Россію, которая, дескать, помогаетъ Японіи и войсками, и кораблями, что Англія

одна только союзница у Китая и готовится начать въ его защиту войну съ Россіей. Чѣмъ хуже получались вѣсти съ театра войны, тѣмъ болѣе распространялись слухи среди китайцевъ противъ Россіи, которая, дескать, сама объявила войну Китаю. Въ Калганѣ начало проявляться сильно враждебное чувство у китайцевъ къ русскимъ, выражавшееся уже тѣмъ, что нищіе и сбродъ изъ китайцевъ стали собираться близъ русскихъ домовъ, угрожая расправиться съ врагами. Въ виду такого возбужденнаго настроенія, которое могло легко усилиться, русская колонія просила оградить ее отъ возможныхъ случайностей, и въ Калганѣ былъ присланъ изъ Пекина указъ богдыхана, который былъ расклеенъ по всему городу и на воротахъ каждаго русскаго дома. Въ указѣ этомъ говорилось, что русскіе всегда были искренними друзьями китайскаго народа, а особенно проявили свои дружескія чувства въ настоящее тяжелое для Китая время, что слухи эти распускаются злыми людьми и что всякое враждебное проявленіе противъ русскихъ будетъ жестоко наказано. Богдыханскій указъ сразу успокоилъ китайское населеніе, и за все время войны русская колонія не подвергалась никакимъ непріятностямъ. Впослѣдствіи мнѣ говорили, что въ Пекинѣ и бли-

жайшихъ пунктахъ много было разослано японскихъ шпионовъ, которые возбуждали китайцевъ противъ русскихъ и восхваляли англичанъ, какъ друзей и заступниковъ Китая.

Въ Калганѣ мнѣ предстояло приготовиться уже къ путешествію въ Пекинъ по китайскому способу передвиженія, т. е. въ носилкахъ на мулахъ. Было начало августа; время періодическихъ дождей уже закончилось и дороги просохли, но въ виду недостатка муловъ, которыхъ отпускаютъ обыкновенно разъ въ году, на августъ, на полную свободу, мнѣ пришлось прождать три дня, пока Си-гуа-юй, хозяинъ муловъ, собралъ нужное количество ихъ. Въ Калганѣ поддерживаютъ постоянное сообщеніе съ Пекиномъ двое хозяевъ: одинъ (возить и почту) Тун-хэ, а другой—Си-гуа-юй; оба они магометане, но представляютъ собою по языку и образу жизни, кромѣ религіозныхъ вѣрованій, чистыхъ китайцевъ. Въ эти три дня я въ сопровожденіи Н. Н. Шулынгина осматривалъ Калганъ и приходилъ въ ужасъ отъ того, что видѣлъ. Долина, подходя къ калганскимъ воротамъ, расширяется и соединяется съ широкой долиной отъ другого ущелья, по которому протекаетъ быстрая горная рѣчка. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ во время дождей былъ такой сильный разливъ

этихъ двухъ рѣчекъ, что обѣ долины переполнились водой, которая подмывала и разрушала зданія и разрушила каменную стѣну, построенную для огрожденія города отъ наводненія; погибло болѣе 500 человекъ китайцевъ. Въ настоящее время воздвигнута широкая каменная стѣна, полукругомъ огибающая мѣсто соединенія двухъ долинъ. Чѣмъ болѣе подходили мы къ воротамъ Калгана, тѣмъ болѣе поражала китайская обстановка жизни. Начинались дома, лавочки, мастерскія и вмѣстѣ съ ними грязь, отбросы всякаго рода и нечистоты, прямо выбрасываемыя на улицу. Въ ихъ кучахъ рылись тощія, покрытыя струпьями, съ вылѣзшею шерстью собаки и длинноухія, съ острымъ рыломъ, невысокія, черныя свиньи. Калганъ окруженъ высокою каменною стѣною, и проникнуть въ него можно только черезъ городскія ворота, запирающіяся съ вечера на всю ночь вплоть до 6-ти часовъ утра. Ворота толстыя, деревянные, съ наложенными желѣзными полосами. Войдя въ ворота, я попалъ сразу въ шумный людской муравейникъ, поражавшій своей крикливой суетливостью, и своимъ непривычнымъ для нашего глаза одѣяніемъ. На улицахъ главнымъ образомъ было мужское населеніе, женщинъ встрѣчалось очень мало, но если бы и совсѣмъ ихъ не было, то

общій видъ людской суеты ничего бы не потерялъ. Красотою китаянки не отличались: длиннолицыя, съ узенькими черными глазками, толстымъ носомъ, большими неровно торчащими изо рта зубами, и до того раскрашенныя румянами и набѣленные, что не было возможности увидетьъ, гдѣ кончается краска и начинается чистая кожа. Короче сказать, это были скорѣе отвратительныя маски, нежели человѣческія лица. Къ этому еще присоединялось уродство ногъ, которыя выглядѣли крохотными вытянутыми кулачками, съ надѣтыми на нихъ остроконечными туфельками. Эти крохотныя ножки-кулачки поддерживали сравнительно большую, толстую, особенно вслѣдствіе надѣтыхъ на нее широкихъ кофтъ и широкихъ шароваръ, балансирующую фигуру. При взглядѣ на китайскую женщину ощущалось чувство отвращенія, соединенное съ какимъ-то страхомъ, какъ при видѣ чего-то неестественно-извращеннаго. Впрочемъ, можетъ быть, китайскія дамы и болѣе изящны, но на улицѣ показываются только простолюдинки, а богатая и чиновная дамы никогда не выходятъ пѣшкомъ на улицу. Мужчины болѣе благообразны, но ихъ бритыя головы, исключая кружка волосъ на темени, съ котораго и спускается заплетенная коса, ихъ клинообразныя двой-

ныя шаровары, причѣмъ на сѣрыя нижнія надѣты сверху скошенныя во всю длину до колѣнъ синія шаровары, ихъ высокіе черныя башмаки на бѣлой прессованной тряпочной подошвѣ, ихъ шумливый, скорый, односложный говоръ,—все это поражаетъ своей необычностью и своимъ крайнимъ однообразіемъ. Всѣ китайцы до того кажутся похожи одинъ на другого, до того однообразно у нихъ все, что видишь, что въ первое время нѣтъ возможности отличить одного отъ другого.

Въ Калганѣ я впервые узналъ о существованіи въ Пекинѣ въ ужасающихъ размѣрахъ холеры. Казаки, сопровождавшіе изъ Пекина русскую почту, передавали, что народъ страшно мретъ и не хватаетъ гробовъ для погребенія; что главная смертность—среди китайцевъ, изъ европейцевъ же умираетъ мало; что по дорогѣ тоже въ нѣкоторыхъ городахъ, слышно, много умираетъ китайцевъ. Вѣсти были далеко не утѣшительны вообще, а въ частности послѣ тѣхъ санитарныхъ безобразій и грязи, которыя я видѣлъ на улицахъ Калгана. Дѣлать, тѣмъ не менѣе, было нечего; позвали почтара Тун-хэ, который тоже подтвердилъ справедливость слуховъ о смертности отъ холеры, но утѣшилъ тѣмъ, что онъ распорядился, чтобы ямщики его миновали стороной тѣ города и селенія по до-

рогѣ, гдѣ есть холера, и отнюдь бы не останавливались въ нихъ на ночлегъ. Н. Н. Шулыгинъ успокаивалъ еще и тѣмъ, что Тун-хэ—магометанинъ и, какъ всѣ магометане, всѣми силами души своей ненавидитъ китайцевъ и можно положиться на его слово, что дѣйствительно ящики его, тоже магометане, будутъ стороной объѣзжать китайскія селенія и будутъ останавливаться на отдыхъ только на магометанскихъ постоянныхъ дворахъ, которые и содержатся много чище китайскихъ и на которыхъ останавливаются и русская почта, и всѣ ѣдущіе русскіе. Тун-хэ взялся доставить меня въ Пекинъ въ пять дней, а всего-то разстоянія отъ Калгана до Пекина считается 217 верстъ по хорошей дорогѣ!

Въ воскресенье, 13 августа, утромъ, привели во дворъ Н. Н. Шулыгина муловъ и принесли носилки. Воздухъ былъ замѣчательно свѣжъ и чистъ послѣ бывшей грозы и ободрялъ на предстоявшій путь. Носилки, въ которыхъ предстояло ѣхать, далеко не доставили мнѣ радостнаго настроенія: это былъ деревянный ящикъ въ $2\frac{1}{2}$ аршина высоты и $2\frac{1}{3}$ аршина ширины, укрѣпленный среди толстыхъ, длинныхъ жердей. По бокамъ ящика—открывающіяся дверцы-окошки съ занавѣсками вмѣсто стеколъ. Ящикъ окрашенъ

сверху до двухъ третей въ синюю краску, а низъ его, на уровнѣ поддерживающихъ жердей, въ красную краску. На дно ящика кладутъ некрупныя вещи, которыя затѣмъ закрываются досками, поверхъ которыхъ кладется матрацъ, подушка, плэдъ — и экипажъ готовъ. Черезъ дверь-окошко приходится бокомъ влѣзть внутрь ящика и или ложиться, или полу-лежа, полу-сидя сохранять равновѣсіе, дабы ящикъ-носилки во время пути не качался изъ стороны въ сторону, что сбиваетъ съ ноги муловъ и можетъ сронить даже ящикъ на землю. На концахъ жердей прикрѣплены желѣзные петли, которыми носилки зацѣпляются за крючья на сѣдла муловъ. Мулы, стоявшіе тутъ же, не возбуждали къ себѣ довѣрія, — настолько они были истощены и видимо разбиты постоянной ходьбой. На спинахъ ихъ были положены высокія деревянные сѣдла съ крючьями по бокамъ, на которыя надѣвались петли отъ жердей носилокъ. Когда всѣ вещи были уложены и размѣщены, я съ трудомъ помѣстился внутри ящика въ полусогнутомъ положеніи и покорно ожидалъ начала неизвѣданныхъ еще мытарствъ. Подошедшіе погонщики муловъ подняли сразу за передніе концы жердей носилки и опрокинули совсѣмъ меня назадъ, подводя въ то же время мула, къ сѣдлу котораго

и прицѣпили концы ихъ петлями за крючья. Затѣмъ такимъ же образомъ подняли задніе концы жердей и укрѣпили ихъ на сѣдло задняго мула, подведеннаго въ средину заднихъ жердей. Получился такимъ образомъ висящій ящикъ на подобіе качели, укрѣпленный на сѣдлахъ двухъ муловъ, изъ которыхъ передній идетъ какъ бы въ оглобляхъ впереди ящика, а задній идетъ въ оглобляхъ сзади ящика. Положеніе сидящаго въ первое время, пока не приспособишься, крайне тягостное: нельзя ни повернуться, ни измѣнить положеніе, дабы погонщикъ „ганжета“, идущій сбоку носилокъ, не напомнилъ, что надо сидѣть ровно и посреди ящика.

Проѣхавъ живописную долину, по которой я шелъ осматривать Калганъ, и пройдя снова въ ворота, вышли мы на обширную базарную площадь, всю уставленную лавками, уличными лотками съ массою овощей, уличными харчевнями. Повсюду кишѣлъ народъ, то вплотную занимая деревянные скамыи за столомъ въ харчевняхъ, то около лавокъ, то двигаясь по всѣмъ направленіямъ. Поражало обиліе повсюду разложенныхъ овощей, съ преобладаніемъ луку, чесноку, моркови, баклажановъ, арбузовъ, наръзанныхъ на маленькіе кусочки. Повсюду народъ, повсюду грязь, разнообразныя отбросы и мѣстами та-

кая вонь, что, какъ говорилъ казакъ Нечаевъ, съ души воротило. Миновавъ эту людную базарную площадь, мы выѣхали въ широкую улицу, и тутъ-то представилось зрѣлище, которое преслѣдовало меня всю дорогу. На виду у всѣхъ лежалъ совершенно свободно трупъ китайца, ничѣмъ не прикрытый, мимо котораго совершенно хладнокровно ходили люди. Я съ ужасомъ обратился къ провожавшему меня Н. Н. Шулынгину съ вопросомъ, что бы это значило, и услышалъ отъ него слѣдующій отвѣтъ: въ Китаѣ вообще, а въ Калганѣ въ частности дѣло обычное встрѣтить на улицѣ трупъ человѣка, это значить, что умершій былъ чужой человѣкъ, пришедшій по какому-нибудь дѣлу, и у него нѣтъ ни родныхъ, ни знакомыхъ. Пока сообщать въ ямынь (полицейское управленіе), пока сдѣлаютъ распоряженіе убрать трупъ, пройдетъ два—три дня.

Но вотъ мы оставили городскія улицы и выѣхали на просторъ полей. Вся дорога была непрерывная полоса обработанныхъ, тщательно прочищенныхъ разнообразныхъ посѣвовъ. Наши сады не могутъ сравниться съ тѣмъ порядкомъ, тою чистотою, тою изящностью обработки и содержанія, которое было здѣсь повсюду. То шло поле фасоли, то стояло высокою стѣною поле пшена, гаулеана, сорго, конопли, съ кустами рицины, разсаженными

по краямъ въ одну линію. Глазъ не отрывался отъ чудной зелени, переходившей изъ одного оттѣнка въ другой. День былъ чудный, дорога ровная, оживленная, съ постояннымъ движеніемъ двуколесныхъ телѣгъ или муловъ и ословъ съ привязанными по бокамъ ихъ корзинами, съ бодро-шагающими около погонщиками въ широкополыхъ соломенныхъ самодѣльныхъ шляпахъ. Пустыхъ пространствъ не было: поля соприкасались съ маленькими селеніями, и опять шли повсюду, куда только хваталъ глазъ, тщательно обработанныя поля и поля. Видно было, что трудолюбіе китаецъ—не пустой звукъ. Всѣ встрѣчавшіеся въ дорогѣ шли совершенно спокойно, не обращая никакого вниманія на европейцевъ. Дорога вилась все время равниной, грунтъ земли повсюду состоялъ изъ глинистаго иловатаго желтозема. Древесной растительности мало, и встрѣчались лишь отдѣльными группами акаціи, шелковичныя деревья, дубъ, туя и другія неизвѣстныя мнѣ породы. Послѣ утомительнаго переѣзда въ 36 верстъ мы подошли къ городу, какъ называлъ Нечаевъ, Семъ-пу-фу и который оказался Сюань-хуа-фу, гдѣ долженъ быть ночлегъ. Городъ окруженъ каменной стѣной, въ ворота которой мы поднялись по искусственно поднятой, вымощенной камнемъ дорогѣ. Сперва мы вѣхали на

крѣпостную площадку, откуда черезъ вторыя ворота попали прямо въ людную, шумную китайскую улицу. Странное впечатлѣніе производятъ китайскіе города: всѣ они окружены стѣнами и кажутся мертвыми и безлюдными, когда къ нимъ приближаешься, но какъ только войдешь въ ворота, сразу же попадаешь въ волны народной жизни. Улицы города узки, плохо мощены, съ выбитыми колеями, послѣ дождя полны грязи. Вдоль улицы посажены деревья, обнесенныя круглыми глиняными высокими оградами. У каждаго воротъ дома сидѣли группы китайцевъ, женщинъ съ дѣтьми и съ любопытствомъ разсматривали насъ. Китайскіе дома на улицу выходятъ стѣнами, а жильемъ обращены всѣ внутрь двора. Но вотъ мулы повернули въ открытыя ворота, и мы въѣхали на постоянный дворъ. Погонщики сняли носилки съ муловъ и поставили на землю. Выйдя изъ ящика, я особенно почувствовалъ, насколько былъ измученъ неудобнымъ положеніемъ; все тѣло было и болѣло, „всѣ косточки сложились“, какъ это выразила довольно удачно моя дочка.

Постоялый дворъ или фанза представляла собою мощный дворъ, съ трехъ сторонъ обнесенный постройками и открытый на улицу. Постройки—небольшіе глинобитные сараи въ

одну или двѣ комнатки, въ которыхъ, кромѣ деревянныхъ наръ или кана у одной стѣны, стола и двухъ—трехъ табуретокъ ничего нѣтъ. Полъ земляной, вмѣсто двери часто повѣшена циновка, а въ большомъ окнѣ рама съ мелкими перекладинами заклеена бѣлой китайской бумагой вмѣсто стеколъ. Рядомъ съ жилыми зданіями помѣщаются стойла для муловъ и ословъ, затѣмъ тутъ же харчевня и опять такіе же сараи—нумера для прѣзжающихъ. Правда, не было чрезмѣрной грязи, но невообразимый шумъ, гамъ и сутолока харчевни и постоялаго двора, пронзительные крики ословъ и муловъ почти надъ самымъ ухомъ, грызня собакъ и сотни любопытныхъ глазъ и раскрытыхъ ртовъ, устремленныхъ во всѣ щели и дыры, прорванные въ оконной бумагѣ, бывали подчасъ просто невыносимы. Нервы до крайности переутомлены и напряжены, хотѣлось бы хоть немного покоя и тишины, а шумъ постоялаго двора не умолкаетъ всю ночь. Уснуть нѣтъ возможности и еле-еле забываешься тревожной дремотой, чтобы съ первыми же солнечными лучами снова отдать себя мученіямъ пути въ носилкахъ. На первомъ же ночлегѣ я вполнѣ могъ оцѣнить всѣ прелести пути на лошадахъ, когда послѣ чистоты воздуха въ Монголіи, послѣ тишины, покоя и необозримаго просто-

ра пустыни, попалъ въ эту удручающую и гнетущую тѣсноту, грязь и крикливый людской шумъ.

На другой день, въ шесть часовъ утра, снова повтореніе усаживанія въ носилки, но уже съ меньшимъ тягостнымъ ощущеніемъ неудобствъ: успѣлъ какъ-то приспособиться. Кто часто ѣздитъ въ носилкахъ, тѣ даже хвалятъ и находятъ, что это—самый удобный и спокойный способъ ѣзды. Можетъ быть, но все же лучше бы его не испытывать. Мѣстность становилась все живописнѣе: засинѣли горы, равнина стала переходить въ холмистую мѣстность и наконецъ дорога потянулась около отвѣсныхъ скалъ съ одной стороны, а съ другой—стала виднѣться на равнинѣ широкая и быстрая рѣка Янъ-хо, вырвавшаяся изъ ущелья. Издали еще доносился шумъ ея теченія. Рѣка пустынна, что какъ-то не гармонировало ни съ общей красотой мѣстности, ни съ оживленіемъ пути, по которому то и дѣло шли нагруженные мулы и ослики. Выѣхавъ изъ скалистой полосы и оставивъ въ сторонѣ рѣку, мы снова ѣхали по равнинѣ, минуя или проѣзжая людныя и шумныя селенія. Но всѣ селенія, всѣ люди, все, что ни встрѣчалось на пути, носило страшную печать общаго однообразія. Одна только природа давала картины, поразительно разнообразныя по

своей красотѣ. На третьи сутки мы снова увидели зигзаги Великой стѣны, которая пересѣкала нашъ путь и въ которой для проѣзда оставлены ворота. Великая стѣна сильно поддавалась вліянію времени, и мѣстами башни ея обратились уже въ кучу развалинъ, оставивъ на своемъ мѣстѣ зіяющія бреши. Проѣхавъ ворота, мы снова вступили въ гористую мѣстность и скоро должны были войти въ знаменитое по своей красотѣ Нань-Хоусское ущелье. Спустившись въ широкую долину, мы, спустя немного времени, снова стали подниматься въ гору. Дорога все становилась тѣснѣе и тѣснѣе, жалась съ одной стороны къ гранитнымъ утесамъ, извиваясь съ крутизны на крутизну, а съ другой стороны все болѣе и болѣе обрисовывался обрывъ. Дорога стала, наконецъ, настолько тѣсна, что встрѣчные верховые и вьючные мулы должны были плотно прижиматься къ утесамъ, чтобы дать намъ дорогу. Наконецъ, на одномъ поворотѣ на еще большую крутизну открылось все ущелье, на днѣ котораго сердито пѣнилась рѣка. Видъ дѣйствительно былъ чарующъ, и страшно было взглянуть внизъ, въ глубокую бездну, которая открывалась тотчасъ подъ глазами, и куда могъ низвергнуть насъ одинъ неловкій шагъ измученныхъ муловъ, которые то и дѣло спотыкались о камни. Выйдя изъ ущелья, мы снова

спустились въ густо населенную долину съ ея образцово-воздѣланными полями.

Послѣднюю ночь передъ Пекиномъ намъ посчастливилось въ ночлегѣ: мы остановились въ домѣ Си-гуан-юй'я, который принялъ насъ чрезвычайно радушно, тотчасъ же распорядился приготовить горячій ужинъ и отвелъ намъ чистую и довольно убранную комнату, въ которой было даже зеркало. Си-гуан-юй также магометанинъ, но вся его обстановка жизни, костюмъ и рѣчь—китайскіе. Онъ поинтересовался нашимъ путешествіемъ и непритворно былъ пораженъ, узнавъ, что мы сдѣлали до 12-ти тысячъ верстъ пути. Только здѣсь мы вполнѣ отдохнули въ тишинѣ и покоѣ ночи, хотя нервы наши были настолько напряжены, что и посреди глубокой тишины все слышался крикливый шумъ, и долго сонъ не смыкалъ усталыхъ, воспаленныхъ глазъ.

Насталъ, наконецъ, и послѣдній день пути. 17-го августа мы уже вступили въ Пекинскую равнину, и далеко стали видны стѣны города съ его широкими башнями; дорога становилась все многлюднѣе; стали попадаться и важно ѣхавшіе верхомъ китайскіе чиновники со свитой, предшествуемые различными эмблемами своего положенія и чина. Погода стояла жаркая, тучи пыли носились въ воздухѣ, а стѣны Пекина все еще были далеко, хотя уже и на-

чиналось его предмѣстье. Пыль была настолько густа, что пришлось совершенно закрыть окошечки носилокъ и терпѣливо ожидать прибытія къ воротамъ, чтобы взглянуть на народную жизнь въ столицѣ Небесной имперіи. Но вотъ и ворота: тысячи народа стремятся войти и выйти, приходится каждому ждать очереди, но все совершается тихо, чинно, безъ криковъ и брани; тѣмъ не менѣе, это многолюдство производитъ такой хаосъ разнообразныхъ звуковъ, что въ воздухѣ стоитъ гулъ громадной толпы. Наконецъ, и мы вошли черезъ ворота въ улицы Пекина, и меня охватила буквально стихійная волна, которая оглушила, смяла, спутала все, чего я ждалъ, въ одно смутное чувство страннаго недоумѣнія.

Черезъ ворота въ каменной стѣнѣ я въѣхалъ въ широкой мощеный дворъ, изъ котораго, выѣхавъ черезъ вторыя ворота, сразу очутился среди кипучаго муравейника народной жизни. То, что я увидѣлъ и ощутилъ, до того было неожиданно, до того необычно, до того ошеломило и смутило меня, что первое время я совершенно растерялся и беспомощно закрылъ глаза предъ невозможной, казалось, дѣйствительностью. То ощущеніе, которое я получилъ отъ китайской народной жизни, я могу сравнить съ ощущеніемъ, которое производитъ на купающагося человѣка вдругъ нахлынувшая

громадная волна, которая собьетъ его съ ногъ и, накрывъ съ головой, отнимаетъ на время, вслѣдствіе неожиданности, всякую способность понимать и разсуждать. Прежде всего тучи густой уличной и вонючей пыли сразу обдали меня всѣми оттѣнками вони отъ человѣческихъ и животныхъ отбросовъ; уличное движеніе невообразимо громадно: особыя китайскія на двухъ колесахъ съ синей холщевой покрывкой телѣжки, съ закрытыми спереди занавѣсками, отъ пыли, изъ-подъ которыхъ высунуты только ступни ногъ сѣдока, верховые на мулахъ и ослахъ, шея которыхъ украшена ожерельями изъ бубенчиковъ, массы пѣшеходовъ, уличныхъ продавцовъ, кричащихъ и стучащихъ въ дощечки, въ мѣдные тазы, барабаны и проч.; весь этотъ разнообразный шумъ, крикъ, стукъ, трескъ, звонъ кружится и сливается въ какой-то непостижимый, но въ высшей степени безпорядочно дикій хаосъ звуковъ. Съ обѣихъ сторонъ улицы я видѣлъ ряды лавокъ, магазиновъ, лавченокъ, народныхъ столовыхъ, полныхъ посѣтителеми, тутъ же на открытой улицѣ пившихъ и ѣвшихъ посреди носящейся пыли и вони. Главныя улицы въ Пекинѣ прямы и широки, но не мощены; для ѣзды посреди улицы сдѣлана возвышенная насыпная узкая дорога, по которой могутъ ѣхать въ рядъ только двѣ китайскихъ телѣж-

ки. Земля для насыпи взята тутъ же съ улицы, почему по сторонамъ дороги остались большія выемки, то заняты балаганами, то уличными продавцами, то стоячими гнилыми лужами и канавами, въ которыя выливаютъ изъ домовъ всѣ помои и отбросы. По дорогѣ, между мулами (лошади въ Пекинѣ только употребляются подѣ верхъ, вся же упряжная работа и возка тяжестей исключительно производится на мулахъ и ослахъ съ помощью мускульной силы человѣка) сновали съ корзинами на спинѣ китайцы, которые вылообразными лопатками подбирали съ земли экскременты животныхъ и ловко сбрасывали въ корзину: это—собиратели удобренія для полей. Тутъ же встрѣчались и ассенизаторы, которые на ручныхъ тележкахъ въ открытыхъ чанахъ провозили содержимое отхожихъ мѣстъ, идущее также для удобренія полей, для чего оно предварительно высушивается и измельчается. Въ довершеніе всего на каждомъ почти шагу приходилось видѣть китайцевъ всѣхъ возрастовъ, которые останавливались или садились на глазахъ всѣхъ съ спокойнымъ и равнодушнымъ видомъ первобытнаго безстыдства. Мѣстами, гдѣ приходилось проѣзжать мимо большихъ скопленій народа, я долженъ былъ плотно закрывать платкомъ и ротъ, и носъ, и глаза, чтобы не видѣть, не слышать и не вдыхать

всей этой мерзости, которая превращает главные улицы Пекина въ общія отхожія мѣста. Народное движеніе по улицамъ исключительно мужское; одежда китайцевъ, ихъ фizioноміи, ихъ косы, до того однообразны, что сравненіе этого народнаго движенія съ народнымъ моремъ было бы наиболѣе правильно. Свернувъ съ большой улицы, мы поѣхали по улицѣ тихой, на которой не было ни торговаго оживленія, ни движенія. Вся улица состояла изъ сплошной стѣны, прерываемой лишь узенькими переулочками. Всѣ зданія у китайцевъ обязательно одноэтажны и всѣ выходятъ на улицу глухою стѣною, такъ какъ жилье находится внутри двора. Улица, на которой мы очутились, названа европейцами Посольской, такъ какъ на ней находятся почти всѣ посольства. Наконецъ, мы остановились у большихъ красныхъ воротъ въ стѣнѣ, которыя и были воротами русскаго посольства. Казакъ отворилъ ихъ, и мы въѣхали во дворъ, чистый и засаженный деревьями.

Словно гора съ плечъ свалилась, когда я освободился изъ носилокъ и увидалъ вокругъ и чистыя европейскія постройки, и чистый дворъ, и аллеи деревьевъ. Только теперь я вздохнулъ свободно и почувствовалъ, какъ тяжело былъ и утомителенъ этотъ пятидневный переѣздъ отъ Калгана до Пекина. Встрѣ-

тилъ меня радушно первый драгоманъ посольства П. С. Поповъ, который одинъ съ семействомъ оставался въ посольствѣ; посланникъ же и секретари еще жили на дачѣ. Было 6 часовъ вечера, когда я, вымывшись въ десяти водахъ со всѣми дезинфицирующими мылами, вышелъ во дворъ посольства. Скоро наступившія сумерки быстро сгустились въ темноту, и я увидалъ одинъ изъ тѣхъ чудныхъ, чарующихъ своею красотою вечеровъ, которые бываютъ только на Востокѣ. Глубоко, глубоко въ вышинѣ все искрилось яркими звѣздами темное небо; воздухъ былъ до того ясенъ и прозраченъ, что на далекихъ разстояніяхъ выдѣлялись, словно вырѣзанныя въ воздушномъ пространствѣ, вѣтви и листва деревьевъ. Городской назойливый шумъ стихъ, и на землю спустилась та таинственная тишина, которая навѣваетъ на душу мирные сны. Въ темнотѣ замелькали ярко свѣтящіяся точки, которыя то поднимались въ вышину и кружились среди листвы, то опускались на землю и манили къ себѣ своимъ яркимъ фосфорическимъ свѣтомъ: это были свѣтляки, поднимавшіеся довольно высоко въ воздухъ. Вдругъ раздались мѣрные удары колокола, наполнивъ невозмутимую тишину нѣжными звуками. вмѣстѣ съ ними въ душу невольно проникло тяжелое чувство одиночества, оторванности отъ

всего родного, которое осталось далеко, далеко...

Я пошелъ по посольству. На первомъ дворѣ, въ который я въѣхалъ, на каменной площадкѣ была сквозная деревянная веранда, поддерживаемая колоннами, выкрашенными въ красный цвѣтъ. Крыша ея покатая, крытая черепицей, съ разными фигурами драконовъ и крылатыхъ коней по краямъ. Съ веранды вела каменная дорожка посреди высокихъ деревьевъ. По обѣимъ сторонамъ были одноэтажныя каменныя зданія,—помѣщенія секретарей, студентовъ и канцелярія. Пройдя вдоль дорожки, я увидалъ снова проходную веранду, черезъ которую вышелъ на просторную, засаженную деревьями площадку, среди которой стоитъ церковь, а напротивъ большой съ террасой и колоннами домъ посланника. Церковь возвышается какъ бы среди рощи восточныхъ кипарисовъ и туй. Отдѣльно отъ церкви поставлена колокольная, имѣющая видъ изящнаго павильона китайской архитектуры. Вся эта площадь обнесена стѣной, сложенной изъ черепицъ въ узорчатой формѣ. Черезъ калитку я прошелъ на черный дворъ, гдѣ находятся помѣщенія слугъ, разныя хозяйственныя постройки, конюшни, казармы казаковъ.

Вернувшись къ себѣ въ комнаты, я пораженъ былъ тѣмъ множествомъ разнообразныхъ

насекомыхъ, которыя кружились около лампы: тутъ были и бѣлые съ мохнатыми лапками мотыльки, и зелененькіе, толстоголовые, продолговатой формы прыгуны, и множество другихъ мелкихъ насекомыхъ, а въ довершеніе всего я увидалъ на краю стола пыльно глядѣвшую на свою добычу сѣренькую ящерицу, не проявлявшую никакой боязни отъ моего присутствія. При видѣ такого обилія насекомыхъ невольно явился страхъ предъ скорпіонами, которыхъ, какъ говорили мнѣ, въ Пекинѣ много, и укусы которыхъ довольно мучительны и опасны. Взявъ свѣчу, я для самоуспокоенія сталъ осматривать углы комнатъ, но, кромѣ черныхъ жучковъ, ничего не нашелъ. Вдругъ въ окно съ шумомъ влетѣло какое-то большое насекомое; съ осторожностью я подошелъ къ нему, чтобы разсмотрѣть ближе, но оно опять съ шумомъ перескочило на другое мѣсто и стукнулось на полъ. Оказалось, что это безобидная для человѣка, хотя и вредная для огородовъ, медвѣдка съ ея твердыми вывернутыми лапками.

Оставивъ осмотръ комнатъ, я рѣшилъ предоставить все на волю Божію. Ночь провелъ тревожно, было душно, и вдобавокъ все тѣло стало чесаться и покрываться волдырями—крапивница, обычное, какъ оказалось, явленіе для многихъ европейцевъ въ первое время

ихъ жизни въ Пекинѣ. На другой день поднялся рано; утро было чудное; въ воздухѣ еще не проявлялась жгучесть, а раскидистыя деревья давали много тѣни. Предстояло начать знакомиться съ мѣстными бытовыми условіями и устраивать свою жизнь. Первымъ моимъ руководителемъ на этомъ пути былъ П. С. Поповъ, прожившій въ Пекинѣ 20 слишкомъ лѣтъ и сохранившій радушную отзывчивость и готовность оказать услугу, что особенно дорого въ Пекинѣ, гдѣ чувствуешь себя, не зная ни языка, ни народныхъ обычаевъ, словно въ темномъ лѣсу.

Пришлось нанять прислугу, которая уже ожидала моего пріѣзда. Вся прислуга въ Пекинѣ—китайцы-мужчины, китаянки нанимаются только въ няньки, да и то уже пожилыя женщины и наичаще католички, безродныя и бездѣтныя. Вскорѣ предстали предо мною три китайца и сдѣлали положенный книксенъ, быстро опустясь на одно колѣно и притронувшись къ нему правой рукой. Это былъ старшій слуга Фуганъ, съ опухшими глазками, толстый и широколицый, видимо, большой лѣнтяй и плутъ, затѣмъ его помощникъ, Лунъ, молодой еще человѣкъ, и поваръ. Фуганъ говорилъ немного по-русски и имѣлъ за собою тридцать лѣтъ жизни въ русскомъ посольствѣ въ услуженіи. Жалованье на всемъ своемъ

содержаніи онъ спросилъ 10 рублей въ мѣсяцъ себѣ, восемь рублей повару и пять рублей своему помощнику. Будучи пораженъ такой дешевизной платы прислугѣ, я высказалъ свое недоумѣніе г. Попову, на что и получилъ объясненіе этого на первый разъ непонятнаго явленія. Дешевизна въ концѣ-концовъ сходится здѣсь на дорогое. Дѣло въ томъ, что китайскій принципъ—слугѣ кормиться за счетъ господина—глубоко вкоренился во всѣ общественныя служебныя отношенія. Какъ чиновникъ-китаецъ, получая нищенское казенное содержаніе, кормится отъ своей должности, китайскіе офицеры отъ содержанія солдатъ, губернаторы отъ управляемыхъ ими губерній,—такъ и меньшая братія, прислуга беретъ отъ всего, что только покупаетъ хозяинъ, извѣстный процентъ. Въ Пекинѣ всѣмъ въ домѣ завѣдуетъ старшій слуга: онъ дѣлаетъ всѣ покупки, онъ ведетъ счета и расходы по всѣмъ отраслямъ домашняго хозяйства, онъ призываетъ портного, сапожника, столяра. Однимъ словомъ, безъ старшаго слуги въ Пекинѣ нельзя шагу ступить, и вотъ за всѣ свои услуги онъ беретъ въ свою пользу лишнихъ не менѣе 20% со стоимости вещи или купленнаго имъ продукта. До чего эта система обложенія своихъ господъ утвердилась, видно изъ того, что не только никто уже не воз-

стаеть противъ нея, но и во всѣхъ лавкахъ и магазинахъ, въ которыхъ приходится иногда самому сдѣлать покупки, спрашиваютъ, съ собой ли возьмутся вещи, или надо ихъ прислать. Въ первомъ случаѣ берутъ дешевле, а во второмъ дороже, такъ какъ надо уплатить еще процентъ слугѣ. Но и обложеніе своихъ хозяевъ не одинаково и зависитъ отъ ихъ жалованья. Съ посланника берутъ за все гораздо дороже, нежели съ драгомана или врача, получающихъ гораздо меньшее содержаніе. Какъ же быть, чтобы хоть сколько-нибудь оградить себя отъ безсовѣстной эксплуатаціи?—спросилъ я г. Попова.—Пока не узнаете сами существующихъ цѣнъ и не войдете въ суть жизни и обращенія съ китайцами, они будутъ васъ обманывать, но это скоро проходитъ, а затѣмъ безъ всякаго снисхожденія зачеркивайте и уменьшайте слишкомъ большіе ихъ счета, пока не остановитесь на среднемъ. Китаецъ никогда не станетъ спорить, если вы правы. Онъ будетъ пытаться васъ надуть, но если увидить, что вы не поддаетесь, онъ самъ остановится на надлежащемъ мѣстѣ, — отвѣчалъ мнѣ мой руководитель. Впослѣдствіи я имѣлъ полную возможность убѣдиться въ справедливости словъ г. Попова.

ГЛАВА V.

Выйдя на другой день на улицы Пекина, я все еще не могъ разобраться въ обступавшемъ меня со всѣхъ сторонъ хаосъ звуковъ и сутолокъ уличной жизни этого своеобразнаго города-муравейника.

Повсюду, куда только ни обращался я глазомъ, я видѣлъ только схожія, какъ двѣ капли воды, лица людей, ихъ движенія, весь обиходъ ихъ жизни, повсюду я видѣлъ однѣ и тѣ же головы, выбритыя со лба и съ спускающейся отъ затылка черной косой, повсюду я видѣлъ одну и ту же преобладающую синюю одежду, отовсюду на меня глядѣли одни и тѣ же глаза съ однимъ и тѣмъ же выраженіемъ загадочности, чего-то недосказаннаго.

Вся эта движущаяся непрерывно человеческая масса производила на меня впечатлѣніе какой-то необъяснимо страшной, стихійной силы, которая подавляла меня своей спокойной, стойкой, но всесокрушающей энергіей.

Чувствовалась потребность начать разби-

ратся въ полученныхъ впечатлѣніяхъ и ощущеніяхъ не сразу, не въ общей массѣ, а по частямъ, по отдѣльнымъ проявленіямъ, наиболѣе виднымъ и рѣзкимъ.

Началъ я знакомиться съ китайскою жизнью съ предмета самаго доступнаго, но въ то же время и самаго необходимаго и важнаго для китайца, съ косы. Коса у китайцевъ имѣетъ свою исторію.

Въ прежнія отдаленныя времена китайцы косъ не носили, а носили длинные волосы, которые закручивали на головѣ шишкой, подобно тому, какъ это дѣлаютъ и теперь корейцы.

Въ 1627 году манджуры, завоевавъ Матунчскій полуостровъ, чтобы наглядно отмѣтить подчиненность и подвластность себѣ покоренныхъ китайцевъ, предписали всѣмъ китайцамъ выбривать лобную и височныя части головы, и носить спущенную косу. Ослушникамъ опредѣлена была смертная казнь.

✓ | Скоро, однако, и побѣдители манджуры подпали подъ вліяніе культуры китайцевъ и вмѣстѣ со всѣми обычаями покореннаго народа приняли и бритье части головы, и ношеніе косы.

Въ настоящее время коса для китаецъ все, и безъ косы китаецъ не мыслимъ. Право носить косу китаецъ получаетъ, какъ знакъ совершеннолѣтія. Дѣти косы не носятъ. До трехъ

мѣсяцевъ у новорожденнаго ножницы даже не касаются волосъ, и первая стрижка послѣ этого времени совершается торжественно и у мальчиковъ, и у дѣвочекъ. Выстригается вся голова, исключая двухъ хохоловъ, волосы на которыхъ собираются въ пучечки и перевязываются красненькой ленточкой. Пучечки волосъ оставляютъ у мальчиковъ на обоихъ вискахъ или на одномъ лѣвомъ, а у дѣвочки такой пучекъ оставляется на темени.

Съ такими пучечками волосъ дѣти остаются до 6 лѣтъ, когда мальчиковъ начинаютъ учить грамотѣ и когда уже оставляютъ заростать всей верхушкѣ головы, выбривая только лобную и затылочную часть. Волосы заплетаются въ косичку и связываются ленточкой на макушкѣ, спущенная косичка заплетается съ красной ленточкой и право спустить заплетенную косу и надѣть на голову черную, круглую, граненую шапочку китайскій юноша получаетъ только на 16-мъ году, когда онъ признается совершеннолѣтнимъ. Коса для китайца это и гордость, и почетъ. Китаецъ-франтъ нѣжитъ и холить свою косу и обязательно она должна при ходьбѣ касаться пятки ноги, но такъ какъ далеко не у каждого китайца такіе длинные и хорошіе волосы, то настоящіе франты вплетаютъ въ свои волосы или фальшивыя косы, или черные шелковые шнуры, которые

и спускаются до пятъ, оканчиваясь шелковою черною кистью. Но и не у франта, а у всякаго китайца забота объ убранствѣ головы и косы прежде всего, и коса, во всякомъ случаѣ, должна быть ниже пояса. Китайцы и зимой, и лѣтомъ ходятъ съ открытой головой и закрываютъ ее, когда только снѣжно или идетъ дождь; во время самыхъ сильныхъ жаровъ они прикрываютъ голову только вѣеромъ, а рабочій людъ, который проводитъ весь день на солнцѣ, надѣваетъ самодѣльную широкополую шестиугольную или круглую соломенную шляпу, рабочіе, чтобы не мѣшала имъ коса, закручиваютъ ее. Китайцы чиновные и богатые безъ шапки не показываются на улицѣ и, вообще, знатный китаецъ иначе какъ въ носилкахъ или телѣжкѣ не выйдетъ изъ своего дома.

Страшная пыль на улицахъ Пекина и жара лѣтомъ, помимо уже франтовства, заставляютъ каждаго китайца заботиться о чистотѣ своей головы и ухаживать за своими косами. И надо отдать справедливость всѣмъ китайцамъ вообще, что въ одеждѣ своей они всегда чисты и опрятны, а за чистотой своей головы особенно ухаживаютъ. Такъ какъ вся жизнь китайца проходитъ на улицѣ, то здѣсь можно видѣть картину мытья и причесыванья головы особыми цирюльниками, ходящими по ули-

цамъ съ своими инструментами. Такой цирюльникъ на длинной палкѣ черезъ плечо несетъ слѣдующее: на переднемъ концѣ скамейку, окрашенную въ красный цвѣтъ, а на заднемъ—два круглыхъ короба, въ которыхъ находятся ножницы, бритва, тряпки и вода. О своемъ шествіи цирюльникъ даетъ знать не крикомъ—въ Пекинѣ выкрикиваютъ продавцы только съѣстныхъ припасовъ,—а дребезжащимъ громкимъ звукомъ, извлекаемымъ имъ на ходу изъ желѣзнаго инструмента, напоминающаго камертонъ, быстро проводя по немъ и сжимая его концы щипцами. Тутъ же на улицѣ нуждающійся въ убранствѣ своей головы китаецъ садится на скамейку, тутъ же расплетается ему коса, моется, расчесывается большимъ деревяннымъ гребнемъ и снова заплетается. И сколько сладостнаго томленія и нѣги бываетъ выражено за это время на лицѣ китайца. Такія омовенія, какъ и всѣ бытовые нужды и обычаи китайцевъ, освящены и узаконены временемъ. Каждый китаецъ непременно расчешетъ съ утра свои волосы, заплететъ ихъ въ косу, завернетъ вокругъ головы и закрѣпитъ шнуркомъ. Черезъ пять дней обязательно каждый моетъ и чиститъ голову и это совершается неуклонно. Потерять свою косу для китайца равносильно потерять свою честь.

Въ случаяхъ уличныхъ ссоръ и дракъ китайцы прежде всего хватаютъ своихъ противниковъ за косы и стараются пригнуть голову къ землѣ. Волоса у китайцевъ чернаго цвѣта, красивы, густы, но жестки и толсты. У мужчинъ прическа волосъ у всѣхъ одинакова, только макушка покрыта волосами и съ макушки спускается коса, остальная-же вся голова гладко выбривается. Прическа у женщинъ имѣетъ нѣсколько видовъ. Смотря по тому, кто ее носитъ: китаянка, манжурка или монголка. У китаянокъ-дѣвушекъ прическа волосъ обычная: заплетенная коса, у китаянки-женщины особенная женская прическа, называемая хвостъ сороки. Прическа эта состоитъ въ томъ, что волоса съ головы всѣ гладко зачесываются на затылокъ въ твердо-стянутый клубокъ, чрезъ который проходитъ большая серебряная или костяная булава. Къ этому волосяному природному клубку привязывается прядками волосъ готовая прическа, состоящая изъ длинной нѣсколько выгнутой на подобіе конца форменной гражданской шляпы - „пирога“,—плотно оклеенная волосами приставка. Эта приставка, по сходству съ хвостомъ сороки, который принять за образецъ, и носить у китаянокъ подлинное названіе. Манжурки носятъ такую-же приставную прическу, но весьма напоминаю-

щую своей формой перевязанный посрединѣ съ острыми концами бантъ.

Какъ китаянки, такъ и манжурки, украшаютъ свою голову въ мѣстахъ приложенія накладныхъ причесокъ яркими искусственными цвѣтами — розами, астрами, которыя, вообще, являются самыми распространенными въ Китаѣ. Манжурки особенно любятъ украшать всю прическу съ боковъ цвѣтами, китаянки-же втыкаютъ только нѣсколько цвѣтковъ съ одной стороны. Ни одна женщина въ Пекинѣ, будь хоть самая дряхлая и беззубая старуха, не выйдетъ на улицу безъ цвѣтовъ и съ неубранной головой. Женщины китаянки и манжурки столь же опрятны и чисты по отношенію къ своей внѣшности и такъ-же любовно ухаживаютъ за своими волосами, какъ и мужчины. Булавку для втыканія въ косу китаянки получаютъ на 14 году, какъ знакъ совершеннолѣтія и права выхода замужъ.

На улицахъ очень рѣдко можно встрѣтить китаянку, такъ какъ ходить по улицамъ женщинѣ считается неприлично и признается для нихъ удобнымъ ѣздить только въ телѣжкахъ. Вообще, китаянки некрасивы, черты лица грубы, зубы большіе и еще болѣе онѣ себя уродуютъ раскрашиваніемъ яркою красною краскою щекъ и около глазъ. Что касается

прически монголокъ, то здѣсь практикуется нѣсколько видовъ прически, въ каждомъ княжествѣ своя. Прически являются то въ видѣ вѣера, въ который подняты и склеены волосы на затылкѣ клеємъ, то въ видѣ расходящихся роговъ, то въ видѣ перевитыхъ узловъ. Монголки не украшаютъ своихъ волосъ цвѣтами, нолюбятъ украшать ихъ серебряными подвѣсками, цвѣтными каменьями въ ожерельяхъ и каменными цвѣтными бусами. Женщины монголки не отличаются такою опрятностью и чистотою, какъ китайянки и манжурки. Кромѣ отличія въ типѣ, самое рѣзкое отличіе манжурокъ и монголокъ отъ китайянокъ то, что только китайянки такъ уродуютъ свои ноги, давая развиваться и расти одному только большому пальцу на ногѣ и сдавливая остальные. Идеаль женщины китайянки—это имѣть такія маленькія ножки, чтобы не быть въ состояніи твердо стоять на ногахъ и падать при дуновеніи вѣтерка. Непріятно и досадно видѣть это уродованіе ногъ на китайянкахъ даже простыхъ, которыя съ трудомъ переходятъ отъ дома къ дому, широко разставляя ноги въ сторону и балансируя руками. Башмачки на ногахъ всегда цвѣтные и часто изъ красной матеріи. Ноги свои китайянки бинтуютъ всегда и надѣваютъ чулокъ на забинтованную ногу. По размѣру

своему ноги китаянокъ остаются какъ-бы въ возрастѣ дѣвочки до 6—8 лѣтъ, причемъ одинъ только большой палецъ является развитымъ; вся-же плюсневая часть и стопа крайне сдавлены и на стопѣ видны вдавленными, совершенно плоскими, какъ-бы бѣлыми пластинками, совершенно безжизненныя задавленные очертанія пальчиковъ. Въ общемъ китаянки гораздо миниатюрнѣе и нѣжнѣе по сложенію манжурокъ и особенно монголокъ; изрѣдка попадаются среди китаянокъ и чрезвычайно симпатичныя, нѣжныя личики, изумленно провожающія европейца своими черными узенько-косыми глазками изъ-за занавѣски китайскаго экипажа.

Женщина китаянка ведетъ жизнь замкнутую и не показывается въ обществѣ мужчинъ, почему европеецъ только въ исключительныхъ обстоятельствахъ можетъ увидать женщину-китаянку въ ея домашней обстановкѣ.

Костюмъ китайцевъ очень разнообразенъ и въ то же время очень простъ. Въ основѣ своей костюмъ состоитъ у каждаго китайца, начиная отъ простолюдина и до мандарина, изъ однѣхъ и тѣхъ же частей одеждъ, одного и того же покроя, разнообразясь лишь количествомъ и качествомъ матеріала и нѣкоторыхъ особенностей, присвоенныхъ для ноше-

нія тому или другому сословію. Самымъ простымъ костюмомъ одеваются рабочіе: лѣтомъ они ходятъ безъ рубахъ, въ однѣхъ только шароварахъ, очень широкихъ, завязываемыхъ тесемкой, у щиколокъ и холстяныхъ башмакахъ. Голову защищаютъ отъ солнца соломенной шляпой, чрезвычайно разнообразной по фасонамъ. Есть шляпы громаднхъ размѣровъ и совершенно круглыя, есть шляпы конусомъ, есть шляпы шестигранныя, почти плоскія, есть шляпы съ приподнятыми полями.

Китаецъ горожанинъ и вообще не рабочій, а всякой иной профессіи, носить обычно поверхъ тѣла халатъ изъ бумажной голубой или сѣрой матеріи, надѣваемый лѣтомъ на голое тѣло. Халатъ этотъ плотно застегивается на лѣвой сторонѣ шеи и подъ мышкой лѣвой руки.

Зимой весь простой народъ одевается въ стеганую ватную одежду, надѣвая шаровары, рубашку, а поверхъ цѣлый рядъ кофты и кафтановъ.

Чиновный міръ носить одежду изъ шелковыхъ матерій, обычно цвѣтныхъ, а зимою надѣваетъ и мѣховые халаты и курмы, причемъ право носить дорогіе мѣха, каковы соболя, бобръ, предоставлено только высшимъ сановникамъ, а низшіе сановники имѣютъ

право носить бѣличьи мѣха и лисьи. Вообще одежда чиновниковъ строго опредѣляется законоположеніями.

Но есть у всего народа одна часть, одинаково употребляемая всѣми, начиная отъ рабочаго и до богдыхана,— это вѣеръ, который служить и для защиты отъ солнечныхъ лучей, и для прохлады.

Безъ вѣера нельзя встрѣтить лѣтомъ ни одного китайца и на вѣерѣ, болѣе чѣмъ на какой либо иной части туалета, сказывается вся изобрѣтательность китайской моды. Разнообразіе формъ вѣеровъ и величины, рисунковъ на нихъ, надписей ежегодно мѣняется. Вѣеръ составляетъ не только необходимую часть туалета, но является необходимымъ и для взаимнаго этикета. При встрѣчѣ, напри- мѣръ, чиновниковъ другъ съ другомъ, они, по этикету, должны выйти изъ носилокъ, или телѣги и совершить обязательныя присѣданія другъ передъ другомъ, обмѣняться любезностями и снова сѣсть въ свои экипажи и продолжать путь. Такихъ встрѣчъ можетъ быть нѣсколько, что составило бы большое неудобство для ѣдущихъ. Тутъ-то и помогаетъ вѣеръ. Встрѣчаясь другъ съ другомъ, чиновники прикрываются вѣерами и, какъ бы не замѣчая другъ друга, слѣдуютъ дальше.

Вѣеръ служить также самымъ изящнымъ

и самымъ подходящимъ подаркомъ во всѣхъ слояхъ общества. Между хорошими знаковыми принято также дарить вѣера съ своими автографами и съ надписью какихъ нибудь стиховъ или изреченій философовъ. Костюмъ женщинъ въ общемъ схожъ съ костюмомъ мужчинъ. Китайки носятъ такія же шаровары, какъ мужчины, такъ же завязываемыя у щиколокъ, только верхняя одежда женщинъ болѣе широка и нарядна. Женская курма имѣетъ широкіе разрывные рукава и надѣвается сверху на юбку. Курмы бываютъ обычно шелковыя красныя, голубыя, зеленыя съ вышитыми крупными цвѣтами, бабочками, пейзажами, и застегиваются также на лѣвой сторонѣ. Рукава имѣютъ широкіе отвороты, также заполненные вышивками.

Юбка бываетъ подъ цвѣтъ курмы и по подолу также вся вышита. Старинное шитье и старинная матерія очень цѣнятся и составляютъ, вмѣстѣ съ различными шелковыми вышивками, предметъ торговли многочисленныхъ продавцовъ, которые ходятъ изъ дома въ домъ и торгуютъ этими вещами.

Что касается до костюма дѣтей, то онъ въ миниатюрѣ тотъ же, что и у взрослыхъ.

Дѣтскій міръ въ Китаѣ чрезвычайно интересенъ, но мало доступенъ наблюденію, такъ какъ остается скрытымъ вмѣстѣ съ жен-

скимъ отъ глазъ европейца. Но главнымъ препятствіемъ для изученія этихъ двухъ міровъ является не столько недовѣріе китайцевъ и страхъ ихъ передъ европейцами, сколько незнаніе нами китайскаго языка, полная невозможность разговориться, подойти къ общенію. Если бы была возможность проникнуть въ жизнь дѣтскаго міра въ Китаѣ, то яснѣе и опредѣленнѣе понято было бы и міровозрѣніе взрослыхъ.

Совершивъ путь черезъ селенія и города Китая, я былъ пораженъ тѣмъ обиліемъ дѣтей, которыхъ встрѣчалъ многочисленными группами, или сидящими у воротъ своего дома или миролюбиво играющими тутъ же на улицѣ. Вглядываясь въ ихъ личики, я видѣлъ общій всѣмъ дѣтямъ пытливый, но съ выраженіемъ боязни, взглядъ симпатичныхъ глазъ, хотя эти глаза и высматривали изъ узенькихъ, косыхъ щелокъ, словно пугливые звѣрьки. Въ Китаѣ очень много дѣтей. Китайцы чрезвычайно чадолюбивые родители, и если бы судить о счастьи народа по словамъ китайскаго поэта, сказавшаго, что счастливъ тотъ домъ, который полонъ дѣтьми, какъ колчанъ стрѣлами, то китайцы несомнѣнно счастливый народъ. Не только вся страна переполнена дѣтьми, но на протяженіи судоходныхъ рѣкъ встрѣчаются на каждомъ шагу

плавучія селенія джонокъ, баржъ, гаусъ-ботовъ, на которыхъ можно видѣть жизнь нѣсколькихъ поколѣній. Тутъ и дряхлая бабушка, и молодая мать, и пятеро — шестеро представителей молодого поколѣнія. Плавучія селенія эти принадлежатъ труженикамъ рѣкъ, которые занимаются при помощи наемной бурлацкой силы перевозомъ товаровъ на своихъ баркахъ отъ портовъ во внутрь страны и обратно.

Заговоривъ о дѣтяхъ въ Китаѣ, я, чтобы не возвращаться далѣе къ этому вопросу, сообщу, что я могъ узнать за время пребыванія моего въ Пекинѣ о жизни дѣтей и мѣстѣ, которое они занимаютъ въ китайской семьѣ.

Какъ и повсюду въ мірѣ, китайцы отецъ и мать въ высшей степени заинтересованы въ вопросѣ о рожденіи ребенка: кого Богъ дастъ, — мальчика или дѣвочку. Задолго еще бабы-повитухи, на основаніи различныхъ признаковъ, опредѣляютъ полъ ребенка и подкрѣпляютъ свои опредѣленія „научными“ выкладками китайскихъ мудрецовъ, которые увѣрены, что можно безошибочно предсказать полъ ребенка, если извѣстны года женщины и время зачатія ребенка, т. е. въ какой лунѣ оно произошло. Китайцы считаютъ время лунными мѣсяцами, поэтому лунный годъ

китайцевъ имѣть 12 лунѣ, изъ которыхъ однѣ имѣютъ 29 дней, а другія 30 дней. Високосный годъ у китайцевъ бываетъ черезъ 19 лѣтъ и состоитъ изъ 13 мѣсяцевъ. Вставочный мѣсяцъ образуется такимъ образомъ отъ остатка дней луннаго года, который состоитъ только изъ 354 дней, а не изъ 365 дней, какъ годъ солнечный. Если послѣдняя цифра въ годахъ женщины и цифра луны обѣ четныя или обѣ нечетныя, то будетъ мальчикъ; если же одна цифра четная, а другая нечетная, то будетъ дѣвочка. Слѣдовательно, если женщина имѣетъ 22 года и беременность началась въ 4-й лунѣ, или женщина 23 года, а беременность началась въ 5-й лунѣ, то будетъ мальчикъ. Этотъ признакъ, однако, относится къ женщинѣ незамужней; у женщины замужней счетъ видоизмѣняется: считается послѣдняя цифра ея лѣтъ и цифра мѣсяцевъ замужества, причемъ обѣ четныя или обѣ нечетныя цифры указываютъ полъ мальчика, а одна четная и другая нечетная полъ дѣвочки. Существуетъ еще одинъ способъ, принадлежащій даосистамъ и записанный въ книгахъ въ 1593 году. Этотъ способъ узнавать полъ ребенка основанъ на числовыхъ выкладкахъ. Въ основаніе берется число 49. Къ этому числу надо приложить число луны, въ которой произошла беремен-

ность; отъ полученной суммы надо отнять безусловно правильно лѣта женщины. Затѣмъ отъ получившагося остатка послѣдовательно отнимаются слѣдующія числа: 1 для неба, 2 для земли, 3 для человѣка, 4 для временъ года, 5 для элементовъ, 6 для музыкальныхъ инструментовъ, 7 для планетъ. Напримѣръ: женщинѣ 28 лѣтъ, беременность началась въ 8-й лунѣ, кто будетъ—мальчикъ или дѣвочка? Къ $49+8=57$. Отнимаемъ 28: $57-28=29$. Отнимаемъ $1+2+3+4+5+6+7=28$. Въ остаткѣ, отнявъ отъ 29-ти 28, получаемъ 1, число нечетное, знаменующее полъ мальчика. Четное число въ остаткѣ указываетъ полъ дѣвочки. Если въ остаткѣ получилось бы большее число, то отнимаютъ еще 8 для восьми вѣтровъ.

Полъ ребенка въ Китаѣ имѣетъ громадное значеніе для родителей бѣдныхъ, для которыхъ насколько желателенъ мальчикъ, настолько лишнимъ обремененіемъ является дѣвочка. Родившагося мальчика завертываютъ въ пеленки и выдерживаютъ въ теченіе одного мѣсяца въ комнатѣ. По истеченіи же трехъ мѣсяцевъ совершается обрядъ стрижки волосъ и нареченія имени. Дается первое имя „молочное“, состоящее или изъ прозвища, подходящаго къ характеру и виду ребенка, или названія цвѣтка, растенія—если это дѣ-

вочка, или просто числовой нумеръ—первый, второй и т. д. Судьба родившагося мальчика даже въ бѣдной семьѣ обезпечена: при всей нищетѣ ему не угрожаетъ насильственная смерть; наоборотъ, огромное большинство дѣвочекъ уничтожаются родителями, или выбрасывающими ихъ на улицы, или же бросающими ихъ въ канавы, рѣки, пруды, на дорогу. Дѣтоубійство въ Китаѣ, хотя и считается наказуемымъ дѣяніемъ, но составляетъ обычное явленіе народной жизни, и хотя губернаторы обращаются въ воззваніяхъ къ народу съ запрещеніемъ дѣтоубійства, но въ то же время не преслѣдуютъ его. Причинами убійства дѣвочекъ служатъ прежде всего ужасная бѣдность китайскаго населенія, а также и условія жизни, при которыхъ мужчины всегда уходятъ на заработки изъ деревень, а явившіяся въ отсутствіе мужей незаконныя дочери уничтожаются. Нерѣдко также рожденіе дѣвочекъ вызываетъ у мужа нелюбовь къ женѣ, побои, переходящіе въ безчеловѣчное обращеніе; отсюда также частыя убійства и самоубійства. Мальчики въ бѣдной семьѣ являются подспорьемъ и помощью. Ихъ продаютъ наичаще въ евнухи для двора: маленькіе евнухи очень цѣнятся, такъ какъ составляютъ забаву и развлеченіе придворныхъ дамъ, которыя держатъ такихъ евнуховъ при

себѣ до десятилѣтъ, послѣ чего они переходятъ въ разрядъ слугъ при домѣ и замѣняются новыми, въ возрастѣ отъ 5 лѣтъ. Такіе евнухи имѣютъ особое имя „непорочныхъ“, въ отличіе отъ „маленькихъ евнуховъ“,—имя, которое дается послѣ десяти лѣтъ евнухамъ. Бѣдные родители охотно продаютъ мальчиковъ въ евнухи, такъ какъ обезпечиваютъ этимъ и свое существованіе, а при счастіи, если современемъ сынъ ихъ евнухъ будетъ пользоваться вліяніемъ, они получаютъ хорошія средства. Надежда на лучшее будущее заставляетъ хранить и беречь мальчика. Общее количество евнуховъ при китайскомъ дворѣ достигаетъ внушительной цифры 6 тысячъ человѣкъ. Затѣмъ мальчиковъ покупаютъ разныя труппы актеровъ, фокусниковъ, рассказчиковъ народныхъ сценъ, которыми полны улицы Пекина и профессія которыхъ считается въ глазахъ китайца не заслуживающей уваженія. Нерѣдки, наконецъ, случаи, когда мальчика покупаютъ бездѣтные люди для усыновленія. При культѣ почитанія предковъ чрезвычайно важно имѣть потомство мужское, такъ какъ только мужчина можетъ приносить жертвы предкамъ и возносить молитвы объ упокоеніи ихъ душъ, участвовать въ церемоніяхъ. Охотно также берутъ мальчиковъ къ себѣ въ ученики и прислугой монахи мона-

стырей. Не то съ дѣвочкой. Самое частое—покупають уже въ возрастѣ отъ 6 до 8 лѣтъ съ цѣлью наполнять очень распространенные въ Китаѣ безнравственные притоны или отправлять ихъ для той же цѣли въ открытые для европейцевъ порты. Существуетъ цѣлая профессія такихъ женщинъ, которыя промышляютъ покупкой дѣвочекъ и приготовленіемъ изъ нихъ пѣвицъ, служанокъ и наложницъ для домовъ богатыхъ китайцевъ, составляющихъ себѣ гаремъ или въ лучшемъ случаѣ берущихъ себѣ „вторую или маленькую“ жену въ случаѣ, если первая и законная жена остается безплодной.

Продажа дѣтей разрѣшается китайскими законами, съ ограниченіемъ лишь, что купившій не имѣетъ права уже перепродавать вторично, но имѣетъ право возвратить купленного ребенка или взрослого обратно, если они окажутся дурного и безчестнаго поведенія. Купля-продажа утверждается документально. Что касается стоимости ребенка и взрослого, то установленныхъ цѣнъ, конечно, не существуетъ. Въ Пекинѣ, напр., можно купить взрослую дѣвушку, въ зависимости отъ ея физическихъ и нравственныхъ качествъ отъ 20 ланъ (40 р. с.) до 100 ланъ и болѣе. Тяжелая судьба китайской женщины вообще, а дѣвушки въ частности вполне

объясняетъ причину, по которой крайне чадолюбивые китайцы часто предпочитаютъ убивать свою дочь, нежели сохранять ей жизнь. Много добра дѣлаютъ въ этомъ отношеніи католическіе миссіонеры, которые подбираютъ по улицамъ выброшенныхъ дѣтей, а также охотно берутъ у бѣдныхъ родителей, давая имъ пособія, и помѣщаютъ такихъ дѣтей въ свои орфелинаты, обучая ремесламъ и давая кусокъ хлѣба на всю жизнь. Дѣвочка въ китайской семьѣ это, во всякомъ случаѣ, несчастное существо: на нее исключительно возлагаются только заботы и работы по дому и не дается никакихъ знаній. Съ изуродованными ногами, она съ малыхъ лѣтъ только нянька своихъ братьевъ и прислуга для всей семьи. Отсюда понятными являются частыя массовыя самоубійства дѣвушекъ-китаянокъ, которыя не могутъ имѣть никакого честнаго труда, чтобы существовать, а жизнь рабы среди бѣдности или разврата является слишкомъ тяжелой и непосильной для многихъ.

Первые мѣсяцы жизни ребенка въ невѣжественной и суевѣрной китайской средѣ далеко не всегда проходятъ благополучно. Горе тому ребенку, который, въ силу болѣзненности или отъ дурного питанія, бываетъ беспокоенъ, часто вскрикиваетъ или кричитъ особенно по ночамъ. Въ силу убѣжденія ки-

тайцевъ въ существованіи двухъ началъ въ природѣ—добраго и злого, демоническаго, тотчасъ же приписывается овладѣваніе ребенкомъ злого демоническаго начала, почему и начинаютъ приниматься мѣры сперва къ запугиванію, а затѣмъ и изгнанію демона. Для этой цѣли, когда ребенокъ закричитъ, его щиплутъ, колютъ, бьютъ; если это не помогаетъ и безпокойное состояніе ребенка продолжается, то во время приступа крика ребенка со всего размаха бросаютъ о полъ. Это или изгоняетъ демона и ребенокъ оправляется, или же онъ умираетъ, взятый демономъ, обратившимъ его въ злого духа. Бываютъ ли случаи выздоровленія при такомъ способѣ лѣченія отъ „злого глаза“, какъ вѣруютъ у насъ на Руси, сказать нельзя, такъ какъ въ Китаѣ ни одна отрасль народной жизни не освѣщается статистикой; но что смертность среди китайскихъ дѣтей громадна, это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Умершихъ дѣтей хоронятъ на своихъ кладбищахъ, но безъ всякихъ похоронныхъ церемоній, только богатые люди, зарывая дѣтскіе трупы въ выкопанную яму; бѣдное же городское населеніе предоставляетъ эту заботу особо назначаемымъ для этого правительствомъ китайскимъ могильщикамъ. Въ четырехъ частяхъ Пекина находятся особые зданія, въ

которыя сносятся жителями всѣ умершія дѣти ежедневно; тѣ, кому далеко нести трупъ ребенка въ эту дѣтскую мертвецкую, выносятъ трупъ прямо на улицу, оставляя его на видномъ мѣстѣ, прикрытымъ цыновкой (рогожкой). Ежедневно раннимъ утромъ объѣзжаетъ улицы Пекина крытая телѣга, въ которую возница-могильщикъ собираетъ дѣтскіе трупы и вывозитъ за городъ, гдѣ въ полѣ вырываетъ одну яму и сваливаетъ въ нее всѣ дѣтскіе трупы. Кто разъ видѣлъ эту дѣтскую колесницу смерти, тотъ никогда не забудетъ того ужаснаго впечатлѣнія, которое она производитъ. Возница-могильщикъ, съ тупымъ выраженіемъ лица, до невозможности грязный, грубо беретъ руками дѣтскіе трупы и бросаетъ ихъ въ телѣгу. Телѣга уже полна; трупы голые, въ одеждѣ, полуодѣтые, съ посинѣлыми лицами, бьются въ грудѣ тѣлъ одинъ о другой; телѣга прикрыта только занавѣской, отбрасываемой вѣтромъ и при толчкахъ въ рытвинахъ улицъ открываетъ взору живого человека эту ужасную картину смерти. Трупы скользятъ, вотъ выпадаетъ рука, вотъ нога свѣсилась и бьется. Замѣтивъ выбивающійся трупъ, возница грубо хватаетъ его и отбрасываетъ вглубь телѣги. Зарываются дѣтскіе трупы въ полѣ крайне плохо и еле прикрываются землею. Прибытія этой ко-

лесницы смерти уже ждутъ голодные стаи собакъ и воронъ, оспаривающихъ другъ у друга добычу. Сдѣлавъ свое дѣло, могильщикъ уѣзжаетъ обратно въ городъ за новыми жертвами, а на взрытой землѣ начинается пиръ; разрываются дѣтскіе трупы и растаскиваются по всѣмъ направленіямъ. Ремесло могильщиковъ, какъ говорили мнѣ китайцы, довольно прибыльно: бѣдные приносятъ трупы, завернутые въ цыновки, а богатые приносятъ трупы, одѣтые въ новыя, хорошія одежды. Одежды снимаются могильщиками и продаются, а трупы вывозятся голыми.

Если такое тягостное впечатлѣніе производятъ похороны дѣтей въ Китаѣ (Пекинѣ), то за-то отдыхаешь, когда видишь, съ какою любовью ведетъ по улицѣ за руку своего сынишку счастливый отецъ. Съ какою гордостью онъ на него смотритъ, съ какимъ удовольствіемъ покупаетъ ему нехитрую игрушку у уличнаго разносчика игрушекъ. За жизнь въ Пекинѣ я ни разу не видалъ на улицахъ Пекина иного обращенія съ дѣтьми, кромѣ самого ласковаго, самого отечески любящаго.

Дѣтство китайскаго ребенка изъ народа проходитъ на улицѣ до семилѣтняго возраста, когда настаетъ время посылать его въ школу. Сколько развлеченій и удовольствій доставляетъ ему улица: постоянныя многолюдныя

торжественныя процессіи, свадебныя и похоронныя, особенно послѣднія, съ ихъ блестящей, поражающей воображеніе ребенка, мистической обстановкой, суета уличнаго движенія, множество уличныхъ продавцовъ игрушекъ, крайне первобытнаго производства и замысла, но поразительно дешевыхъ по матеріалу, уличные рассказчики народныхъ сценъ и фокусники, водящіе съ собою ученыхъ животныхъ. Какъ только мальчикъ подросъ, его ждутъ тутъ же, на улицѣ, дѣтскія игры, а главное—пусканіе змѣевъ, составляющее народную китайскую забаву, въ которой принимаютъ участіе и мальчуганъ, и подростокъ, и взрослый мужчина. Такого разнообразія змѣевъ по замысламъ фантазіи, по виду и по величинѣ нигдѣ нельзя встрѣтить, какъ только въ Китаѣ. Тутъ и разрисованныя непременно маленькія рыбки, и птички, и китайскія дилауры (цикады), и громадныхъ размѣровъ размалеванные китайцы и китаянки, драконы, птицы, скорпіоны, угуны (стоножки) и пр. Пусканіе змѣевъ имѣетъ свой опредѣленный періодъ, какъ и гонка голубей, до которой китайцы большіе любители, и начинается въ февралѣ мѣсяцѣ, послѣ китайскаго Новаго года, когда начинаютъ дуть вѣтры, продолжаясь всю весну, вплоть до начала періодическихъ дождей. Надъ Пе-

киномъ тогда на разныхъ воздушныхъ высотахъ носятся чудовища съ трескомъ и жужжаніемъ привязанныхъ къ нимъ различныхъ звукъ издающихъ снарядовъ. Изъ любимыхъ дѣтскихъ игръ, которыя можно наблюдать на улицахъ, наичаще встрѣчаются игра въ лошадки, игра въ камешки или орѣхи (подобіе нашей игры въ бабки), игра въ пятнашки, игра подбрасываніемъ ногой тряпичнаго мяча. Всѣ игры дѣтей носятъ на себѣ необыкновенно миролюбивый характеръ. Ни разу я не видалъ на улицахъ Пекина среди играющихъ дѣтей ссоръ и дракъ. Дѣти-китайцы такъ же степенно-молчаливы, какъ и взрослые. Нѣкоторыми предметами запрещаетъ играть дѣтямъ народное суевѣріе. Такъ, никогда не позволять ребенку играть голою костью, не позволяютъ даже брать ее въ руки изъ страха, чтобы судьба не наказала его въ будущемъ ужасною казнью лин-чи, т. е. разрубленіемъ на 10 тысячъ кусковъ, когда отъ живого преступника остается только окровавленный костный остовъ. Казнь эта полагается за преступленіе, ужаснѣе котораго не можетъ быть по понятіямъ китайца, воспитаннаго въ культѣ почитанія предковъ,—за отцеубійство.

Если дѣтямъ богатыхъ людей доступны игры и удовольствія, то на долю бѣдняковъ съ самаго ранняго возраста достаются лишь

невзгоды и лишенія. На улицахъ Пекина можно ежедневно видѣть, какъ дѣти — подростки пяти—шести лѣтъ роются въ кучахъ мусора, выбрасываемаго изъ домовъ на улицы, и выскиваютъ въ нихъ кусочки не вполне перегорѣлаго каменнаго угля, который можно еще пустить въ употребленіе на очагъ бѣдной семьи. Эти сѣробурые кусочки они тщательно выбираютъ, производя свою работу въ кучѣ мусора тихо, безъ разговоровъ, безъ брани, и бережно складываютъ въ свои корзинки. Часто можно видѣть также, какъ эти несчастныя дѣти вступаютъ въ борьбу съ такими же несчастными и голодными уличными собаками, оспаривая у нихъ выброшенный обглодокъ какого-нибудь сѣдомаго лишь для голоднаго бѣдняка кусочка. По несчастнымъ дѣтямъ на улицахъ можно убѣдиться, въ какой часто ужасной нищетѣ живетъ многочисленное населеніе Пекина.

Въ семь лѣтъ кончается дѣтство китайскаго мальчика, и его отдають въ школу учиться. Въ Китаѣ есть казенныя школы городскія, уѣздныя, сельскія, въ которыхъ обученіе производится бесплатно; но казенныя школы посѣщаются крайне неохотно и только одними бѣдняками, такъ какъ казенные учителя и плохи, и небрежны въ обученіи. Поэтому дѣти китайцевъ посѣщаютъ главнымъ

образомъ платныя частныя школы или школы, содержимыя на средства благотворителей. При большихъ монастыряхъ есть также школы, куда принимаются мальчики для подготовки изъ нихъ монаховъ и послушниковъ въ монастыряхъ. Состоятельные китайцы приглашаютъ обыкновенно учителя къ себѣ въ домъ, причемъ нерѣдко близкія и родственныя семьи соединяются вмѣстѣ, и получается такимъ образомъ домашняя школа, въ которой дѣти оставаясь дома, изучаютъ съ большимъ успѣхомъ все, что требуется знать.

Китайскую школу издалека можно слышать по тому безпорядочному гулу, который, подобно шмелиному жужжанію, доносится до слуха. Школы народныхъ нищѣмъ не отличаются отъ обыкновенныхъ жилищъ и представляютъ изъ себя одну или нѣсколько китайскихъ комнатъ, въ которыхъ располагаются группами ученики разныхъ возрастовъ и познаній. Въ китайской школѣ нѣтъ ни подраздѣленія на классы, ни разнообразныхъ методовъ преподаванія. Все идетъ по разъ и давно заведенному порядку безъ всякихъ переменъ. Приведенному въ школу новичку учитель прежде всего даетъ „школьное“ имя, присоединяя его къ первому „молочному“ имени, или же первое отбрасывая, а оставляя одно школьное имя. Въ китайской школѣ нѣтъ никакихъ вспомо-

гательныхъ для первоначальнаго обученія средствъ, ни книжекъ съ раскрашенными картинками, ни приспособленныхъ къ возрасту и пониманію ребенка учебниковъ. Всѣ начинаютъ одинаково, т. е. садятся за изученіе наизусть каракуль китайской науки — „цзырь“. Ребенокъ сразу садится за книжный языкъ, все изученіе котораго состоитъ въ заучиваніи наизусть десятковъ, сотенъ, тысячъ фигурныхъ знаковъ, ни смысла, ни значенія которыхъ большею частью не понимаетъ. Когда запасъ гіероглифовъ достаточенъ, тогда ребенку даютъ заучивать наизусть изреченія китайскихъ философовъ и на первомъ мѣстѣ Конфуція. Въ такомъ зубреніи изреченій философско-религіознаго содержанія проходятъ черезъ мозгъ ребенка въ утомительномъ изученіи страница за страницей ряды гіероглифовъ, покрывая мысль его, какъ паутиной, непонятнымъ значеніемъ и содержаніемъ. Школьникъ-китаецъ трудится съ утра до поздняго вечера въ школѣ, онъ не знаетъ ни праздничныхъ дней, ни школьныхъ игръ во время отдыха. Школа только для работы, — говоритъ китайскій учитель, — а всякое развлеченіе служить помѣхой занятіямъ. Поэтому время отдыха въ школѣ — только время ѣды, которую или ему приносятъ родные, или онъ получаетъ ее отъ учителя.

Въ школѣ ученики проводятъ цѣлый день до пяти—шести часовъ вечера; въ школѣ же они готовятъ уроки на слѣдующій день. Все ученіе идетъ вслухъ, причемъ „цзыры“ заучиваются не только по формѣ своей, но и по тону голоса, какимъ они произносятся. Европейцы при изученіи китайскаго языка примѣняютъ систему тоническую, что значительно облегчаетъ усвоеніе китайской рѣчи. Суть дѣла въ томъ, что въ китайскомъ языкѣ мало словъ, но много цзыръ, т. е. отдѣльных понятій, которыя выражаются однимъ и тѣмъ же словомъ. Чтобы быть мало-мальски образованнымъ человѣкомъ, надо знать не менѣе двухъ тысячъ гіероглифовъ; ученые китайцы знаютъ до десяти тысячъ гіероглифовъ и болѣе. Одно и то же слово, напримѣръ, „ши“, смотря по тому, какъ будетъ произнесено, то есть съ повышеніемъ голоса или пониженіемъ, растянуто или кратко, будетъ имѣть и свое отдѣльное значеніе, и свой отдѣльный знакъ. Такъ слово „ши“ значитъ: да, десять, камень, освобождать и др.; слово „бинъ“ значитъ: солдатъ, ледъ, больной, лепешка и др. Каждый ученикъ въ китайской школѣ—самъ по себѣ; онъ зубритъ вслухъ, на тысячи ладовъ, выкрикивая цзыры и цѣлыя изреченія, чтобы самому закрѣпить ихъ въ памяти и чтобы учитель слышалъ его голосъ. Такимъ

образомъ ученики способные, т. е. обладающіе хорошою памятью, идутъ впередъ въ глубину того мрака, въ которомъ не проскользнетъ даже слабый лучъ современнаго знанія, современной живой мысли, а ученики тупые не мѣшаютъ при такой системѣ ученія способнымъ; но и тѣ, и другіе одинаково уродуютъ свою мысль, развивая чрезмѣрную память, но уничтожая всякую пытливость ума и самодѣятельность.

Изученіе философовъ продолжается до 13—14 лѣтъ, и за это время должно вы зубрить девять книгъ, которыя служатъ основаніемъ всесторонняго знанія, а именно: И-цзинъ—книга переменъ; Шу-цзинъ—древняя исторія Китая; Ши-цзинъ—древнія стихотворенія; Чунь-цю—весна и осень; Ли-цзи—записки объ обрядахъ. Изъ этихъ пяти классическихъ книгъ китаецъ получаетъ свое нравственное, религіозное и политическое образованіе и воспитаніе. Затѣмъ изучаются книги: Лунь-юй, т. е. разговоры; Мэн-цзы—философско-нравственныя сочиненія мудреца Мэн-цзы; Та-сіо—великая наука и Джунъ-юй—обычная средина. Когда книги эти будутъ вызубрены, тогда начинается вторичное ихъ толковое изученіе съ толкованіями и объясненіями. Задаются темы для самостоятельнаго сочиненія въ духѣ тѣхъ образцовъ, которые прочно за-

сѣли въ мозгу учениковъ. Что касается содержанія изучаемыхъ книгъ, то книга И-цзинъ содержитъ въ себѣ понятіе о Богѣ и чело-вѣкѣ, представленныхъ различными видами и чертами въ 64 расположеніяхъ. Шу-цзинъ,—древняя исторія—содержитъ событія Китайскаго государства съ самыхъ древнихъ временъ, т. е. съ 2365 до 255 г. до Рожд. Хр. Чунь-цю весна и осень—историческія записки, приписываемыя Конфуцію. Ши-цзинъ—древнія стихотворенія, собранныя и записанныя при династіи Шанъ почти за 1700 лѣтъ до Р. Хр. Эта книга состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣловъ: нравы царствъ, гимны и оды, которые пѣлись въ честь государей или при совершаемыхъ жертвоприношеніяхъ въ храмѣ предковъ или въ храмѣ Неба и земли. Всѣ эти книги приписываются или Конфуцію, или его ученикамъ. Въ XII вѣкѣ одинъ изъ знаменитыхъ ученыхъ Чжу-си написалъ изъясненіе и толкованіе на всѣ классическія книги и объединилъ ихъ значеніе для преподаванія. Эти толкованія держатся и до сего времени во всѣхъ китайскихъ школахъ.

Къ 16—17 годамъ юноша кончаетъ ученье и сдаетъ государственный экзаменъ въ уѣздномъ или губернскомъ городѣ у казенныхъ учителей и получаетъ первую ученую степень—по-цай, т. е. студентъ. Получивъ зва-

ніе студента, онъ зачисляется кандидатомъ на государственную службу и въ то же время обязуется продолжать дальнѣйшее образованіе подъ руководствомъ казенныхъ учителей и наблюденіемъ учебнаго начальства, готовясь держать дальнѣйшія испытанія на полученіе слѣдующихъ ученыхъ степеней въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, имѣющихся въ каждомъ областномъ городѣ.

Раздѣленія по спеціальностямъ не существуетъ, такъ какъ, по убѣжденію китайцевъ, всѣ ученые люди должны быть подготовлены одинаково къ прохожденію государственной службы по разнымъ отраслямъ управленія. Изъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній въ Пекинѣ имѣются только два: педагогическій институтъ, имѣющій цѣлью приготовленіе учителей для казенныхъ училищъ, и астрономическій институтъ, преподаваніе въ которомъ исключительно сосредочивается на предметахъ, относящихся до астрономіи. Закончившіе свое образованіе педагоги входятъ членами въ такъ называемый приказъ ученыхъ, на обязанности котораго лежитъ составленіе учебниковъ и ученыхъ книгъ, отвѣчающихъ потребностямъ даннаго времени. Студенты раздѣляются на казенныхъ, получающихъ стипендіи, на сверхштатныхъ и прибавочныхъ. Штатъ студентовъ опредѣленъ для

каждой провинціи особыми положеніями. Занятія студентовъ, приготовляющихся за полученіе второй ученой степени „цзюй-жень“, т. е. представляемый человѣкъ, состоитъ въ дальнѣйшемъ изученіи и толкованіяхъ все тѣхъ же классиковъ и изученіи религіозныхъ обрядовъ въ дни главныхъ четырехъ праздниковъ, т. е. въ день рожденія богдыхана, въ Новый годъ и въ дни весенняго осенняго равноденствія. Студенты приносятъ уже жертвы предъ таблицей „древняго учителя“ и совершаютъ поклоненіе предъ таблицей съ титуломъ императора. Подъ названіемъ „древній учитель“ почитается Конфуцій, настоящее имя котораго не осмѣливается произнести ни одинъ китаецъ, равно какъ и напечатать его въ книгахъ, дабы, сознавая свое ничтожество, не оскорбить звукомъ своего голоса духъ великаго человѣка. Занимаются студенты по книгамъ, высылаемымъ ученымъ приказомъ въ библіотеки училищъ. Перепечатка этихъ книгъ разрѣшается всѣмъ книгопродавцамъ, но при непремѣнномъ условіи — не измѣнять никоимъ образомъ текста и не прибавлять отъ себя никакихъ поясненій, чтобы тѣмъ не подрывать въ народѣ нравственности и его религіозныхъ вѣрованій. Студентамъ задаются темы для самостоятельныхъ сочиненій по вопросамъ юри-

дическимъ, государственнымъ, политическимъ, а также сочиненіе стихотвореній. Поэзія считается обязательной для каждого ученаго китаецца. Каждые три мѣсяца производятся повѣрочныя испытанія въ знаніи и пониманіи классиковъ, исторіи, уголовного права, политической экономіи. Для повѣрочнаго письменнаго испытанія заранѣе уже выработаны планъ и методъ: сочиненіе должно быть ясно и литературно изложено и не должно превышать извѣстнаго предѣльнаго количества знаковъ. Слова „небо“, „предокъ“ должны быть написаны выше обычныхъ словъ. Слова „государь“ и „древній учитель“ должны начинаться всегда съ красной строки. На основаніи поданныхъ сочиненій и устныхъ отвѣтовъ студенты раздѣляются по успѣхамъ на разряды. Высшая, третья ученая степень получается въ столичной экзаменаціонной залѣ въ Пекинѣ, которая является такимъ образомъ университетомъ для всей Китайской имперіи. Въ каждомъ училищѣ при главномъ зданіи поставлены каменные плиты съ высѣченными на нихъ наставленіями для студентовъ слѣдующаго содержанія: „Верховная власть основала училище, студентовъ освободила отъ земскихъ повинностей, опредѣлила имъ содержаніе; въ высшія губернскія училища опредѣлила надзирателей и учителей. Чинов-

ники должны быть примѣромъ для людей, приготовляемыхъ на государственную службу, студенты же должны стараться оказывать себя достойными милостей государя и должны утверждать себя въ правилахъ нравственности“. Затѣмъ перечисляются обязанности студентовъ въ отношеніи почтенія и повиновенія благоразумнымъ родителямъ, а у кого родители грубые, тѣхъ студентъ долженъ умолять о перемѣнѣ поступковъ. Указывается студентамъ объ ихъ обязанности быть всегда вѣрными государю, быть правосудными и т. д. Относительно характера и повиновенія студентовъ сказано, что сварливаго характера студентовъ въ наказаніе слѣдуетъ заставлять слушать лекціи стоя на колѣняхъ, и проч. Испытанія студентовъ производятся черезъ годъ, причемъ не получившіе ученой степени казенные студенты лишаются казеннаго содержанія. Что касается до своекоштныхъ студентовъ, то таковымъ предоставлено право являться на экзаменъ до 30-ти разъ или до 70-тилѣтняго возраста. Бываютъ, говорятъ, такіе субъекты, которые съ несокрушимымъ постоянствомъ добиваются получить ученую степень и являются изъ году въ годъ на экзаменъ. Достигшихъ 70-ти лѣтъ разрѣшается наградить платьемъ и уже уволить отъ экзамена навсегда.

На получение ученой степени студенты допускаются съ большой осмотрительностью. Они должны представить одного поручителя и пятерыхъ свидѣтелей-товарищей, которые удостовѣрили бы ихъ личность, происхождение и положеніе. Въ число студентовъ-кандидатовъ на государственную службу безусловно не допускаются рожденные отъ слугъ, отъ полицейскихъ сыщиковъ, рабовъ, актеровъ, музыкантовъ, цирюльниковъ, проститутокъ. Третья ученая степень гунъ-ши, т. е. представляемый ко двору, получается только въ Пекинѣ, гдѣ производится испытаніе въ экзаменаціонной залѣ съ большою строгостью для всѣхъ кандидатовъ, прибывающихъ сюда изъ провинціи. Въ Пекинѣ экзаменаціонная зала — чао-као — представляетъ отдѣльный кварталъ, обнесенный каменною стѣною и заключающій въ себѣ десятка два каменныхъ рядовъ, въ которыхъ помѣщаются отдѣльныя, не сообщающіяся другъ съ другомъ комнатки. Въ каждомъ рядѣ помѣщается до 20-ти комнатъ, имѣющихъ каждая свою дверь. Въ разныхъ мѣстахъ возвышаются надъ этими рядами открытыя бесѣдки, съ которыхъ наблюдаютъ надзиратели, чтобы ищущіе ученой степени и заключенные въ комнатки для исполненія письменныхъ работъ не могли бы сообщаться другъ съ другомъ. Приняты всѣ

предосторожности, чтобы экзаменъ выполненъ былъ добросовѣстно: студентамъ, собраннымъ всѣмъ вмѣстѣ, въ день экзамена объявляется тема и раздается штемпелеванная казенная бумага какъ для черновой, такъ и для переписки на-бѣло. По окончаніи работы оба листа возвращаются обратно экзаменаторамъ, которые уже при устномъ экзаменѣ провѣряютъ и письменные отвѣты. Выдержавшихъ всѣ экзамены по успѣшности ихъ распредѣляютъ по степенямъ, и въ честь лучшихъ по успѣхамъ устраивается при министерствѣ обѣдъ. Фамиліи всѣхъ выдержавшихъ расклеиваются на воротахъ министерства и печатаются во всѣхъ казенныхъ газетахъ.

Такимъ образомъ, въ Китаѣ имѣлось до сего дня три разряда училищъ: 1) элементарныя, народныя школы, гдѣ изоощряется память въ заучиваніи наизусть и вслухъ словъ-гіероглифовъ и изреченій, безъ объясненія ихъ смысла; 2) среднія школы, гдѣ объясняются уже классическія книги, и 3) высшія школы, въ которыхъ въ толкованіи на классиковъ при изученіи ихъ преподаются всѣ государственныя знанія. Экзамены на ученныя степени происходятъ: первый — въ уѣздномъ городѣ, второй — въ губернскомъ и третій — въ Пекинѣ. Только полученіе высшей ученой степени открываетъ всѣ двери для

карьеру и создаетъ китайцу почетъ и болѣе или менѣе высокое значеніе. Самое названіе степеней поясняетъ это: сю-цай,—студентъ по нашему понятію,—по понятію китайцевъ означаетъ „пробуждающійся къ развитію талантъ“, способный къ дальнѣйшему совершенствованію, вообще образованный человѣкъ; цзюй-жень—это уже человѣкъ, заслуживающій производства въ ученую степень съ правомъ на занятіе государственной должности, соответствующей его знаніямъ, поведенію, опытности и т. д.; гунъ-ши—это уже человѣкъ, способный быть прекраснымъ чиновникомъ. Каждая изъ этихъ степеней имѣетъ по нѣскольку подраздѣленій. Выдержавшіе экзаменъ пріобрѣтаютъ право носить почетные знаки чиновниковъ—шапки съ шариками и особаго рисунка чиновничьи сапоги. Одежду надѣваютъ также голубую шелковую, съ особыми оплечьями и, смотря по степени, различныхъ оттѣнковъ; есть одежда скромности, одежда почтенія, одежда облачная и др. Несмотря на трудность полученія ученыхъ степеней въ Китаѣ, сопряженную съ большими денежными расходами, желающихъ является всегда много, такъ какъ образованіе въ Китаѣ цѣнится и уважается болѣе, нежели въ Европѣ. Человѣкъ, не получившій школьнаго образованія и не имѣющій доброй семьи, считается „ни-

чтожнымъ“, „несчастливымъ“ человекомъ; это—чернь, для которой недоступны никакія положенія въ жизни, въ которыхъ выражалось бы уваженіе, даваемое образованіемъ—этимъ высшимъ идеаломъ въ жизни китаецъ. Кромѣ этихъ трехъ экзаменовъ, для лучшихъ по успѣхамъ получившихъ третью ученую степень—гунъ-ши совершается еще почетный экзаменъ въ присутствіи богдыхана въ тронной залѣ бао-хо-дянь: это—такъ называемое дворцовое испытаніе. Экзаменующіеся поселяются въ дворцовыхъ помѣщеніяхъ, экзаменаторы назначаются самимъ богдыханомъ. Испытанія производятся при соблюденіи всѣхъ мѣръ предосторожности, чтобы уединить исполняющихъ письменный экзаменъ отъ всякаго внѣшняго вліянія. По окончаніи этого экзамена десять кандидатовъ представляются богдыхану и при соотвѣтствующей этому случаю церемоніи получаютъ указы, которые чиновникъ расклеиваетъ на императорскихъ воротахъ. По окончаніи церемоніи ученымъ, получившимъ теперь уже званіе шень-ши, — мудрый, способный вліять на другихъ, — выдается форменное почетное одѣяніе, предлагается угощеніе, и съ музыкой они отправляются въ храмъ Конфуція принести жертву. Эти ученые зачисляются членами высшей корпораціи ученыхъ, составляющихъ пекинскую академію.

Экзамены на получение ученыхъ степеней производятся обыкновенно черезъ два года въ третій, но иногда и черезъ болѣе долгій промежутокъ времени.

Кромѣ общихъ высшихъ ученыхъ степеней, въ Пекинѣ имѣется специальное заведеніе, дающее специально ученыя званія для педагоговъ, это—педагогическій институтъ. Въ институтъ поступаютъ студенты или тѣ, которые долго пользовались казеннымъ содержаніемъ, были воспитанниками казенныхъ училищъ въ Пекинѣ, или изъ студентовъ, представляемыхъ ко двору и принимаемыхъ по милости богдыхана. Поступающіе въ педагогическій институтъ, имѣющій цѣлью готовить опытныхъ учителей для народныхъ училищъ сельскихъ, уѣздныхъ, губернскихъ и окружныхъ, такъ и называются: 1) ежегодно представляемые; 2) представляемые по милости государевой,—это дѣти и потомки извѣстныхъ ученыхъ и ученики изъ военныхъ училищъ, дѣти чиновниковъ, принимаемые за службу своихъ отцовъ; 3) представляемые по превосходству,—это лучшіе ученики изъ уѣздныхъ и военныхъ училищъ, въ которыхъ обучаются и математикѣ. Срокъ ученія въ педагогическомъ институтѣ для студентовъ изъ гражданскихъ училищъ полагается три года, а изъ военныхъ училищъ—десять лѣтъ.

Если гражданская учебная и ученая часть поставлены на высоту въ Китаѣ, то военныя школы находились до послѣдняго времени на низкомъ уровнѣ. Обучаются въ военныхъ школахъ, кромѣ общихъ предметовъ, мянчжурской и китайской словесности, математикѣ, а специально—верховой ѣздѣ, стрѣльбѣ изъ лука въ цѣль, фехтованью оружіемъ какъ въ пѣшемъ, такъ и въ конномъ строю. Гимнастика состоитъ въ развитіи ловкости при бросаніи тяжестей и борьбѣ. Изъ классиковъ изучаются наизусть главнымъ образомъ военные. Военные экзамены совершаются обыкновенно черезъ, три года. Въ общемъ должно сказать, что не смотря на общее уваженіе, которымъ пользуется образованность среди китайскаго народа, образованіе дается ему очень трудно, а для бѣдняковъ оно недоступно. Народныя школы казенныя пользуются дурной репутаціей, такъ какъ въ нихъ попадаютъ только отбросы изъ учительскаго сословія, которые требуютъ отъ родителей подарковъ и денежныхъ приношеній и занимаются съ дѣтьми крайне дурно. Въ частныхъ школахъ учитель беретъ съ ученика по три и болѣе доллара въ мѣсяцъ, въ зависимости отъ школьнаго расположенія и достоинства школы. Внутренность школы очень проста: столъ и скамьи для учениковъ, ка-

едрѣ для учителя, въ переднемъ углу ставится таблица или на стѣнѣ дѣлается надпись, посвященная Конфуцію или богу ученыхъ. Конфуцій названъ учителемъ и господиномъ на всѣ времена, и въ честь его постоянно курится еиміамъ. Учениковъ въ школахъ набирается до 30—40 человекъ. Отвѣчая уроки, ученики становятся спиною къ учителю и нерѣдко изумляютъ постороннихъ наблюдателей своею памятью.

Такъ обставлено было дѣло образованія китайскаго юношества до 1860 года, когда стали раздаваться одинокіе голоса среди самихъ китайскихъ чиновниковъ, что времена измѣнились и требуютъ совершенно другихъ условій образованія, какъ гражданскаго, такъ и военнаго, примѣнительно къ европейскому. Немало способствовали проясненію взгляда китайцевъ на образованіе школы, открываемыя миссіонерами.

Въ этихъ школахъ дѣти китайцевъ не только научались какому-нибудь европейскому языку, французскому или англійскому, но научались и ремесламъ, которыя давали имъ въ будущемъ кусокъ хлѣба. Эта возможность выбиться бѣдному китайцу изъ нищеты при помощи европейскаго ученія всего болѣе пропагандировала въ массѣ населенія пользу европейскихъ школъ. Миссіонерскія школы

явились первымъ проблескомъ среди вѣкового застоя мысли. Миссіонеры-католики и протестанты самыхъ разнообразныхъ сектъ, раскинувъ сѣть школъ и институтовъ среди народа, внесли не только христіанство, но и обученіе ремесламъ, дали знаніе англійскаго или французскаго языковъ и краткое общее образованіе. Благодаря миссіонерамъ, все побережье Китая въ портахъ, открытыхъ для европейцевъ, дало китайцамъ хорошій кусокъ хлѣба, такъ какъ во всѣхъ магазинахъ, конторахъ, складахъ, гостиницахъ, таможенныхъ заняли мѣста китайцы, знающіе англійскій языкъ.

Все побережье Китая, Кореи и Японіи живетъ въ своихъ сношеніяхъ съ европейцами англійской культурой и при посредствѣ англійскаго языка.

Во всѣхъ учрежденіяхъ частныхъ или общественныхъ заведенъ англійскій распорядокъ. Миссіонеры - протестанты, преимущественно американцы, распредѣлились главнымъ образомъ по побережью, такъ какъ они занимаются не только миссіонерскою - дѣятельностью, но и коммерческой. Миссіонеры-американцы это — аристократія миссіонерства. Большинство изъ нихъ люди семейные, получающіе весьма хорошее содержаніе, которое увеличивается съ увеличеніемъ семей-

наго состава. Жена миссіонера, если она тоже миссіонерка, получаетъ отдѣльное отъ мужа содержаніе за миссіонерскую дѣятельность. Въ этой миссіонерской дѣятельности школы составляютъ безусловно доброе дѣло миссіонерства.

ГЛАВА VI.

Повседневная жизнь наша зависит во многом от нашей домашней прислуги. Если попадаетея прислуга умѣлая, честная и добраго характера, то жизнь выигрываетъ въ благополучіи, и наоборотъ: прислуга неумѣлая, распущенная и злая вноситъ отраву въ нашу, и безъ того неособенно богатую свѣтлыми впечатлѣніями внутреннюю домашнюю жизнь. Къ сожалѣнію должно признать, что въ нашей русской жизни отъ прислуги чаще приходится терпѣть и переносить зло, нежели встрѣчать добро. Вслѣдствіе этого переходъ отъ русской прислуги къ слугамъ-китайцамъ бываетъ поразительно рѣзкимъ и въ первое время вызываетъ только одно восторженное къ нимъ отношеніе.

Китайская прислуга столь самобытно типична и всѣ ея достоинства и недостатки столь тѣсно связаны съ общимъ строемъ китайской бытовой жизни, что пройти молчаніемъ китайскую прислугу нельзя. Достоин-

ства китайской прислуги сразу бросаются въ глаза, а недостатки узнаются только путемъ опыта жизни и прибывающіе изъ Россіи новички дорого платятъ за опытъ. Въ виду этого я прежде всего скажу объ отрицательныхъ сторонахъ характера китайской прислуги. Вся прислуга въ Пекинѣ исключительно мужчины; изъ женщинъ, да и то воспитанныхъ въ миссіонерскихъ пріютахъ, можно имѣть только „аму“, т. е. няню къ дѣтямъ или домашнюю швею. Прислуга дѣлится на три главныхъ категоріи: старшій слуга—„генбанди“, называемый по примѣру англичанъ „бой“, помощникъ ему—„кули“ и поварь—„чуцза“. Въ большихъ домахъ у старшаго слуги всегда нѣсколько кули. Старшій слуга является какъ бы управляющимъ домомъ, второй господинъ „эр-ладэ“, какъ называютъ его другіе слуги. Онъ нанимаетъ остальныхъ всѣхъ слугъ, черезъ него происходятъ всѣ сношенія, необходимыя въ обиходѣ жизни, начиная съ отдачи въ стирку бѣлья прачкѣ, тоже китайцу, заказовъ платья портному, приглашенія парикмахера, покупки вещей, сношеній съ прислугой. Безъ старшаго слуги въ Пекинѣ обойтись европейцу нельзя, почему и приходится волей-неволей быть въ полной зависимости отъ своего слуги, который, пользуясь этимъ, считаетъ своею

обязанностью извлекать, сколько только можетъ, для себя выгоды изъ такого положенія. Старшій слуга облагаетъ своего хозяина налогомъ не менѣе 20⁰/о со всего, что только проходитъ черезъ его руки. Налогъ этотъ весьма удачно и остроумно китайцы-слуги называютъ „жуань“, т. е. выжимки. Чтобы яснѣе представить себѣ ту систему „выжиманія“ доходовъ, которую практикуетъ китайская прислуга, приведу нѣсколько примѣровъ. Слуга нанимаетъ для поѣздки извозчика и говоритъ, что заплатилъ ему рубль, на самомъ дѣлѣ онъ заплатилъ 40—50 коп., а излишекъ беретъ себѣ какъ „выжимку“. Посылаете въ магазинъ купить матеріи, слуга всегда говоритъ цѣну большую, такъ какъ выгадываетъ излишекъ себѣ. Портной за сшитое вамъ платье назначаетъ плату большую, нежели стоить платье, такъ какъ онъ уже обязанъ выплатить извѣстный доходъ слугѣ. Что бы ни купили, что бы ни заказали, слуга со всего беретъ себѣ „выжимку“. На первыхъ порахъ страшно возмущаетъ это безцеремонное обкрадываніе; вновь прибывшіе начинаютъ бороться противъ этой системы, вошедшей въ плоть и кровь китайской прислуги, но скоро убѣждаются, что, пока существуетъ китайская прислуга, борьба съ ней невозможна. Всѣ слуги составляютъ одну

тѣсно сплоченную артель, дружно поддерживающую другъ друга. Китайская прислуга никогда не будетъ предана и расположена къ своему хозяину, она цѣнитъ его постольку, поскольку видитъ въ немъ для себя доходность наживы. Въ китайской прислугѣ прежде всего поражаетъ упорное стремленіе добыть тотъ процентъ „выжимки“, который назначенъ. Всѣ европейцы обложены извѣстнымъ процентомъ въ зависимости отъ ихъ положенія и получаемого ими содержанія; за стрижку волосъ, напримѣръ, съ посланника берутъ рубль, съ секретаря 70 к., а со студента миссіи 40 к. Такой же точно системы „выжимки“ держится и поварь: на всей провизіи, которую онъ покупаетъ самъ, цѣны ставить повышенныя. Бороться съ прислугой невозможно, такъ какъ при общей круговой поруки нанятый новый слуга будетъ брать еще большій процентъ съ хозяина, такъ какъ онъ обязанъ поддерживать того слугу, который уволенъ, пока не найдется для него мѣста. Выжимка въ обиходѣ китайскаго слуги достигаетъ поразительной виртуозности и охватываетъ всѣ стороны жизни. Въ силу особыхъ условій жизни, въ силу полнаго незнанія языка и невозможности прямыхъ сношеній съ производителями китайцами, каждому европейцу необходимо при-

ходится быть въ рукахъ посредника слуги. Выйти изъ сферы вліянія слуги китайца невозможно.

Первое время, когда эта зависимость чувствуется сильно и стараешься выйти изъ подъ нея, начинаешь обыкновенно самъ ходить на базаръ, въ магазины, къ мастеровымъ и въ концѣ концовъ убѣждаться, что на базарѣ за всѣ продукты съ европейца запрашиваютъ дороже, нежели ставить въ счетъ поваръ, что въ магазинахъ отказываются присылать покупки на домъ, а предлагаютъ самому брать, а ремесленники, помимо слуги, отказываются приходить, отзываясь множествомъ работы и неимѣніемъ времени. По приглашенію же слугъ эти же самые ремесленники являются немедленно.

Въ смыслѣ прямого воровства слуги-китайцы не воры. Изъ квартиры никогда не пропадутъ ни деньги, ни вещи, хотя весь домъ всегда остается на рукахъ слуги, но въ то же время большинство слугъ китайцевъ страшно вороваты, но на свой образецъ.

Они тащутъ мелочи, какъ напр., папирсы, сахаръ, чай; они разбавляютъ водой и безъ того разбавленное жидкое молоко, которое доставляетъ продавецъ, они тащутъ мелкія вещицы, которыхъ можно годами не хватиться. Крупное воровство бываетъ очень

рѣдко и то скорѣе, какъ мѣсть со стороны слуги, если хозяинъ окажется очень ужъ строгъ и скупъ, нежели какъ умышленное присвоеніе собственности. Я по крайней мѣрѣ имѣлъ случай наблюдать одну такую чрезвычайно скупую семью, которая тѣснила слугъ постояннымъ учитываніемъ ихъ „выжимокъ“ и въ этой семьѣ постоянно происходили случаи кражи вещей, причемъ никогда виновный не находился и постоянная смѣна слугъ нисколько не улучшала положенія дѣла, что, впрочемъ, и понятно: изъ чувства мести слуги навѣрно воровали по уговору, чтобы довести своего хозяина до сознанія безсилія. И въ этомъ я вижу только еще одно доказательство глубокаго пониманія китайцами человѣческаго характера. Кромѣ вороватости, непріятною чертою китайской прислуги является лживость и лѣнь.

Китаецъ лжетъ всегда, чтобы вывернуться изъ неловкаго положенія, въ которое поставить себя, или забывъ что исполнить, или совершивъ какой-либо хотя бы и пустяшный проступокъ, разбивъ, напимѣръ, какую-нибудь вещь и т. д. Въ своей винѣ онъ никогда не сознается и дѣлаетъ это изъ китайскаго принципа „не потерять лицо“. „Потерять лицо“ на языкѣ китайца,—это значитъ признать себя виноватымъ, а едва ли у какого народа больше

самомнѣнія, нежели у китайца. Чтобы понять суть этого выраженія „потерять лицо“, приведу рядъ самыхъ обыденныхъ примѣровъ. Приходить продавецъ разныхъ вещей и съ новаго, только-что прибывшаго человѣка всегда запрашиваетъ несуразную цѣну, — втридорога. Старожилы, наученные опытомъ, обыкновенно предупреждаютъ давать втрое и вчетверо меньше того, что запросить продавецъ. Но всегда, встрѣчая такой отпоръ, когда, вмѣсто 20-ти рублей, за вещь даютъ 4—5, продавецъ обыкновенно въ первый свой приходъ не торгуется и уходитъ, говоря, что нельзя продать такую старинную вещь (всѣ покупатели обычно ищутъ фарфора и другихъ кюріо старинныхъ) такъ дешево, „мейо-фаза“—нѣтъ возможности. Черезъ нѣсколько дней, однако, продавецъ является и уступаетъ вещь подъ предлогомъ, что или очень деньги нужны, или для перваго знакомства, и т. д. Такимъ образомъ лицо сохранено, ему не стыдно, что онъ такъ запросилъ и поставилъ себя въ неловкое положеніе. Слуга разбилъ вещь; онъ никогда этого не скажетъ и не признается въ своей неловкости; онъ эту вещь или склеить, если возможно, и запрячетъ подальше отъ глазъ, или уничтожить, но „лица не теряетъ“; если же хватитесь этой вещи, то онъ тогда очень хладнокровно отвѣтитъ: „это да-

вно“. Лживость, повидимому, очень распространенное свойство китайскаго характера. Очень характерный для этого случай изъ своей жизни передавалъ мнѣ одинъ изъ русскихъ, бывающій по торговымъ дѣламъ наѣздомъ въ Пекинъ, въ которомъ онъ имѣетъ китайца-комиссіонера. Приходитъ разъ комиссіонеръ и проситъ денегъ на лѣченіе жены, получаетъ, и очень благодарный уходитъ. Затѣмъ, черезъ нѣкоторое время снова приходитъ и проситъ помочь въ похоронахъ жены, которая умерла. Похороны у китайцевъ стоятъ всегда очень дорого, а потому снова получаетъ пособіе. Вскорѣ случайно узнаетъ, однако, мой знакомый, что комиссіонеръ его обманулъ, что жена не только не умирала, но даже и не хворала, но что онъ проигралъ деньги. Глубоко возмущенный такою наглою ложью, мой знакомый зоветъ къ себѣ комиссіонера, который, однако, уже узналъ, въ чемъ дѣло и скрылся. Спустя годъ снова пріѣзжаетъ мой знакомый въ Пекинъ какъ-разъ во время эпидеміи холеры. Какъ ни въ чемъ не бывало является и комиссіонеръ и сообщаетъ въ разговорѣ, что въ прошломъ году китайскіе врачи ошиблись въ болѣзни его жены и хотя сказали, что она должна умереть, но она выздоровѣла. Затѣмъ сообщаетъ, что есть одно важное дѣло, о которомъ, однако, здѣсь го-

ворить онъ не можетъ, а просить посѣтить его квартиру. Зная любовь къ скрытности китайцевъ и предполагая какой-либо вопросъ конкуренціи, мой знакомый идетъ на домъ къ китайцу. Въ квартирѣ предлагается угощеніе прибывшему, начинается затѣмъ изда-лека разговоръ о пустякахъ, а уже потомъ комиссіонеръ переходитъ къ дѣлу и говоритъ, что въ прошломъ году жена не умерла, а ужъ теперь она навѣрно умерла отъ холеры, и чтобы вы не думали, что я обманываю васъ, вотъ посмотрите. Съ этими словами онъ отдергиваетъ занавѣсъ, а глазамъ моего знако-маго представляется далеко неутѣшительная картина покойницы, умершей отъ холеры. Не-ожидавшій такого сюрприза, онъ торопится оставить комнату, выговаривая за ненужное совершенно посѣщеніе, такъ какъ онъ охотно дастъ денегъ на похороны, не удостовѣряясь. Такимъ образомъ опять китаецъ „сохранилъ лицо“ и получилъ деньги. Ежедневно при-слуга-китаецъ въ мелочахъ продѣлываетъ мас-су всевозможныхъ ухищреній, до которыхъ никогда не додуматься нашей прислугѣ, и все имѣя цѣлью, „сохранивъ лицо“, приобрѣ-сти себѣ ту или иную выгоду. Лѣность при-слуги-китайцевъ также является обычной чер-той. Пользуясь своей привилегіей не знать обычаевъ европейской жизни, а также и не-

пониманіемъ китайскаго языка со стороны хозяина, китаецъ-прислуга все старается сдѣлать поскорѣе и кое-какъ, чтобы уйти и лечь въ свою комнату и закурить трубку. Научить китайца слѣдить за чистотою въ комнатахъ невозможно; каждый день все одно и то же надо требовать и показывать. Вороватость и нелюбовь къ чистотѣ нерѣдко доходятъ до наглости, особенно у тѣхъ китайцевъ-прислуги, которые служатъ у холостыхъ или въ семьяхъ, въ которыхъ нѣтъ большаго имъ дохода съ „выжимкой“. Ставя, напримѣръ, ежемѣсячно въ счетъ покупку полотенцевъ для посуды, китаецъ-слуга вытираетъ чайную и столовую посуду грязными носками и платками, взятыми изъ грязнаго бѣлья, неотданнаго еще прачкѣ. Бѣлье постоянно воруетъ, и слуга нагло увѣряетъ, что, отдавая бѣлье прачкѣ, невѣрно его записали. Чтобы показать какъ пропадаетъ бѣлье въ Пекинѣ, скажу только, что я привезъ съ собой изъ Россіи четыре дюжины крахмальныхъ рубашекъ, и у меня ихъ черезъ три года осталось только пять! Простыни, скатерти, чулки и т. п. исчезаютъ быстро и безслѣдно.

Указавъ подробно отрицательныя стороны китайской прислуги, слѣдуетъ остановиться и на положительныхъ сторонахъ ея характера. Китаецъ-слуга трезвъ, воспитанъ, никогда не

позволить себѣ дерзкаго отвѣта, особенно когда сознаетъ, что справедливо ему дѣлають выговоръ. Обычно онъ принимаетъ выговоръ молча и тѣмъ обезоруживаетъ гнѣвъ хозяина. Всякое приказаніе онъ исполняетъ безпрекословно, это—человѣкъ-машина. Слова „нельзя“ у китайца-слуги нѣтъ. За часъ до обѣда можно пригласить гостей, и обѣдъ будетъ готовъ вполнѣ приличный. Въ этихъ случаяхъ выручаетъ общность интересовъ всей прислуги. Со всѣхъ домовъ явятся и посуда, и бѣлье, и провизія, и повара, и закипитъ работа. Удобство прислуги еще и то, что китаецъ-слуга имѣетъ свой столъ, и европейцы не знаютъ никакихъ хлопотъ кормить прислугу, давать ей чаевые, дѣлать подарки на праздники и т. д. Получаетъ жалованье китаецъ-слуга сравнительно небольшое: на всемъ своемъ слуга получаетъ 10 рублей въ мѣсяцъ; поваръ—10 рублей и кули—6 руб. Но присоединивъ „выжимку“, эта сумма увеличится для слуги и повара рублей до 30-ти. Кули держатся обычно въ черномъ тѣлѣ, и имъ только перепадаютъ крохи отъ старшихъ слугъ. вмѣсто подарковъ, по разъ уже заведенному обычаю, всѣ слуги получаютъ на новый годъ мѣсячный окладъ жалованья. Какъ ни тягостна возня съ прислугой въ Пекинѣ, какъ ни изводить ихъ система „выжимокъ“, ихъ

вороватость и лживость, но въ концѣ-концовъ все-таки отдаешь справедливость китайцамъ за ихъ исполнительность, трезвость и воспитанность по сравненію съ нашей прислугой.

Что касается другихъ представителей личнаго труда, то къ числу многихъ особенностей, рѣзко отличающихъ общественную жизнь въ Китаѣ отъ таковой же въ Европѣ, принадлежитъ и отсутствіе въ немъ рабочаго вопроса въ томъ видѣ, въ которомъ этотъ вопросъ составляетъ въ Европѣ одну изъ важнѣйшихъ задачъ, хотя въ Китаѣ и существуетъ многомилліонное рабочее населеніе, крайне обездоленное, подавленное нуждой, при очень низкой заработной платѣ. Въ Китаѣ, по меньшей, мѣрѣ, надо считать до 200 милліоновъ тружениковъ, которые, подобно муравьямъ, копошатся съ утра до вечера, зарабатывая лишь возможность не умереть съ голода. Правда, фабричная и заводская промышленность только начинаются въ Китаѣ благодаря послѣднимъ политическимъ событіямъ, открывшимъ двери въ эту житницу Европы на Востокъ, съ моря и съ суши. До сего же дня вся работа, которая въ Европѣ давно уже совершается при помощи машинъ, въ Китаѣ производится исключительно при помощи мускульной силы человѣка и животныхъ. Средній и Южный Китай, какъ бо-

лѣе богатый и давно открытый европейской предприимчивости, началъ уже развивать заводскую дѣятельность, такъ какъ давно тамъ идетъ шелковое производство, разработка минеральныхъ богатствъ, мануфактурное и другія техническія производства.

Пекинъ, хотя и столица Китая, но до сихъ поръ не включенный въ разрядъ городовъ, открытыхъ для европейцевъ, остается внѣ движенія прогресса, внѣ торговой и промышленной жизни. Въ Пекинѣ вся работа совершается посредствомъ живой человѣческой и животной силы,—будетъ ли это перевозка и переноска тяжестей, превращеніе хлѣбныхъ зеренъ въ муку, выдѣлка тканей, металлическихъ вещей, предметовъ, необходимыхъ въ хозяйствѣ земледѣльца. Потребности современнаго китайскаго населенія Пекина и всего Сѣвернаго Края такъ ничтожны, что оно вполне пренебрегаетъ выгодами, которыя доставляютъ машины и паръ, и довольствуется или ручной работой, или предложеніемъ готовыхъ уже товаровъ со стороны англичанъ, нѣмцевъ и японцевъ. Въ Пекинѣ рабочими—„кули“, таково ихъ общее названіе,—совершается все: всѣ городскія и сельскія работы, постройки зданій, переносъ и перевозъ тяжестей и людей по городу и внѣ города, доставка воды и очистка улицъ. О

Пекинѣ смѣло можно сказать, что въ немъ рабочіе-кули конкурируютъ съ рабочими животными и животныя уступаютъ въ работѣ человѣку. Обычное явленіе, что громадныя тяжести перевозятся кули въ ихъ телѣгахъ, подобіе плоской тачки-платформы на одномъ большомъ колесѣ. Ставъ въ лямку нѣсколько человѣкъ кули тянутъ этотъ грузъ впередъ, а въ рукоятяхъ удерживаетъ въ равновѣсіи тяжесть одинъ кули, черезъ шею котораго перекинута широкая полоса холстины, прикрѣпленная къ рукоятямъ тачки. Тяжести перевозятъ часто кули совмѣстно съ животными, причемъ можно встрѣтить всѣхъ представителей труда въ общей работѣ,—человѣкъ, мулъ, осель, лошадь тянутъ одну общую лямку! На такого же точно устройства маленькихъ тачкахъ одноколескахъ кули возятъ и пассажировъ, причемъ садятся обыкновенно двое, спиной другъ къ другу. Кромѣ возчиковъ грузовъ и людей въ Пекинѣ существуетъ многочисленный классъ носильщиковъ людей въ паланкинахъ или креслахъ, укрѣпленныхъ на перекладинахъ. Въ самомъ Пекинѣ въ носилкахъ могутъ ѣздить изъ китайцевъ только министры и сановники, остальные же всѣ китайцы и чиновники могутъ ѣздить только въ своихъ телѣгахъ или верхомъ. Но за городомъ каждый китаецъ мо-

жетъ быть бариномъ и ѣхать въ носилкахъ. Очень многіе изъ кули, несмотря на крайне плохое питаніе, поражаютъ силою и крѣпостью своихъ мышцъ; глядя на ихъ мышцы, видишь какъ бы бронзовыя изваянія, а не человѣческое тѣло. Нерѣдко встрѣчаются между ними рослые, геркулесовскаго сложенія, люди.

Хотя въ Пекинѣ нѣтъ крупныхъ фабрикъ, но есть много мастерскихъ съ 10—15—20 человѣками рабочихъ, смотря по сезону. Мастерскія, изготовляющія фаланъ-клуазонэ, очень любимы китайцами и едва ли не самое древнее заимствованіе китайцевъ отъ Запада; мастерскія буддъ и разнообразныхъ идоловъ, снабжающія всю Монголію; мастерскія слесарныя, столярныя, ткацкія, ковровыя и т. д. Наибольшій интересъ представляютъ мастерскія, въ которыхъ дѣлается фаланъ-клуазонэ. Чтобы составить себѣ понятіе какъ о самомъ производствѣ работъ, такъ и объ обстановкѣ мастерской, я опишу подробнѣе одну изъ большихъ мастерскихъ. Помѣщается она въ низенькихъ трехъ китайскихъ комнатахъ, съ землянымъ поломъ. Въ первой комнатѣ производится полировка и чистка металлическихъ вещей, какъ-то: мѣдныхъ и бронзовыхъ сосудовъ, вазъ, чашекъ, украшеній; въ слѣдующемъ смежномъ помѣщеніи мастера по данному предмету прокладываютъ сѣть тонень

кихъ мѣдныхъ проволочекъ, создавая тотъ или другой узоръ, наичаще цвѣтокъ или птицу, дракона или какое-либо животное. Когда контуры рисунка готовы, то предметъ передается въ слѣдующее отдѣленіе, гдѣ мастера выполняютъ намѣченные мѣста цвѣтнымъ густымъ сплавомъ эмали. Послѣ этого вещь обжигается на огнѣ, и когда остынетъ, то чистится, шлифуется и поступаетъ къ хозяину. Клуазонѣ, особенно вазы и мелкія вещицы, охотно покупаются не только китайцами, но и европейцами. Работа,—крайне мелкая и кропотливая, требующая большого вниманія и напряженія зрѣнія,—оплачивается однако, чрезвычайно низко: такъ, мастера получаютъ отъ 10 до 40 р. на наши деньги въ мѣсяцъ. Средніе рабочіе получаютъ отъ четырехъ рублей, а ученики, которые исполняютъ сперва грубую только работу, берутся первые годы бесплатно, а затѣмъ получаютъ самое ничтожное вознагражденіе. Въ этихъ же помѣщеніяхъ рабочіе ѣдятъ и спятъ.

Въ лучшихъ условіяхъ находятся мастерскія будды и буддистскихъ идоловъ. Бойко работая осень и зиму, подготовляя къ бывающей монгольской ярмаркѣ въ Пекинѣ свой товаръ, онѣ распродають его по хорошимъ цѣнамъ пріѣзжимъ монголамъ и затѣмъ уже все лѣто сокращають работу до ничтожныхъ размѣровъ.

Мастеровые, чернорабочіе, каменщики, маляры, землекопы и прочіе работаютъ обыкновенно отъ подрядчика. Присматриваясь къ качеству ихъ труда и способамъ его выполненія, дивишься тѣмъ первобытнымъ характернымъ чертамъ, которыя удержалъ ихъ трудъ отъ самыхъ отдаленныхъ временъ. Почтеніе къ памяти предковъ и въ области труда наложило свою властную руку. Особенно рѣзко выдѣляется эта первобытность труда при выполненіи построекъ. Первоначально очищается мѣсто для фундамента. Смотри по величинѣ земляной площади, ставится на нее большее или меньшее число рабочихъ трамбовщиковъ земли. Трамбовщики ставятся въ ряды, въ рукахъ каждаго длинная и узкая трамбовка съ круглымъ широкимъ основаніемъ, очень напоминающая своею формою толкачъ, которымъ бьютъ въ маслобойкахъ. Трамбовки эти очень легкія. Впереди становятся старшіе рабочіе, у которыхъ на трамбовкахъ красныя кисти. Ставъ всѣ въ ряды, рабочіе, подъ команду старшихъ, ударяютъ всѣ вразъ свои трамбовки въ землю, издавая при этомъ крайне тягостный, протяжный звукъ, похожій на вздохъ. Послѣ удара всѣ вразъ и молча поднимаютъ трамбовку вверхъ и снова опускаютъ ее съ такимъ же вздохомъ. Подвигаясь шагъ за шагомъ, они въ продолженіе нѣсколькихъ

дней утрамбовываютъ площадь для зданія. Рвы утрамбовываются плоскими желѣзными плитами, которыя рабочіе поднимаютъ на веревкахъ и бросаютъ на землю. Здѣсь работа сопровождается хоровой пѣсней. Съ началомъ кладки зданія все мѣсто работъ наполняется рабочими, которые во множествѣ копошатся, словно муравьи, таская одинъ въ корзинѣ по нѣскольку кирпичей, другой въ холщевой тряпкѣ, концы которой связаны веревками, тащитъ немного извести, третій тащитъ просѣянную землю. Черезъ каждыя часъ—два работа прекращается, рабочіе садятся на корточки, выкуриваютъ одну свою маленькую трубочку табаку, и снова начинается хожденіе взадъ и впередъ. Глядя на китайцевъ-рабочихъ, видишь работу лилипутовъ, — до того все дѣлаютъ они мѣшкотно, малосильно, поражая количествомъ рукъ, но не споростью работы. Ту работу, которую у насъ мастеровой исполнить въ день, китаецъ можетъ выполнить въ три. Начать какой-нибудь ремонтъ своего помѣщенія въ Пекинѣ, это — цѣлая мука. Нужно выкрасить, напимѣръ, полы, двери, окна; зовешь маляровъ, и, вотъ, начинается мазанье комкомъ пакли, которую обмакиваютъ въ горшечекъ съ краской. Китайцы-маляры производятъ окраску дерева непременно рукой; мажутъ цѣлыми днями,

разминая краску по дереву. Напрасно доказывать преимущество работы кистью, — китаец не придает никакого значенія этимъ доказательствамъ. Нельзя сказать, чтобы китаецъ-рабочій былъ глупъ, лѣнивъ, наоборотъ, — онъ считаетъ всякаго европейца глупѣе себя, а ловкостью своихъ рукъ онъ можетъ буквально приводить въ восхищеніе, но вся его мысль до того забита въ колодку разъ установленныхъ, передаваемыхъ отъ поколѣнія къ поколѣнію обычаевъ, что измѣнить этотъ порядокъ нѣтъ никакой возможности. Присматриваясь къ выраженію лицъ разныхъ группъ рабочихъ, всегда получаешь впечатлѣніе чего-то застывшаго, спокойной покорности своему положенію, которое не назовешь иначе, какъ печальнымъ существованіемъ. Изъ всѣхъ группъ рабочихъ самое тяжелое впечатлѣніе производитъ видъ землекоповъ и трамбовщиковъ. Выраженіе ихъ лицъ до того безучастно-застывшее, что жутко становится смотрѣть на нихъ. Невольно читаешь какъ бы лежащую на ихъ лицахъ надпись: мы обречены на гибель. Вообще весь чернорабочій людъ въ Пекинѣ производитъ крайне грустное впечатлѣніе, встрѣчаешь ли его въ жалкихъ жилищахъ на окраинахъ города, на площадяхъ, гдѣ сбитые въ кучу рабочіе ожидаютъ найма, въ лямкѣ ли тяну-

щихъ по улицамъ тяжести или въ бичевѣ, которою бурлаки тянутъ суда по каналу вдоль стѣнъ Пекина, задыхаясь подъ зноемъ тропическаго солнца. Рабочій-китаецъ трудится изо-дня въ день, не имѣя ни одного дня отдыха, когда бы онъ могъ разогнуть свою усталую спину. Праздниковъ у китайцевъ въ теченіе года, исключая лишь нѣсколькихъ, нѣтъ. Весь этотъ трудъ даетъ только возможность рабочему-китайцу не погибнуть отъ голода. Заработная плата — какъ поденная, такъ и отъ подрядчика—крайне низка. Возчики и чернорабочіе получаютъ подневно не болѣе 15 к., землекопы—20 к., каменщики—25—30 к. При большихъ подрядахъ подрядчикъ держитъ рабочихъ на своемъ продовольствіи. Если вникнуть въ питаніе китайца-рабочаго, то станетъ понятной его мѣшкотность въ трудѣ и малосильность, а также и то громадное, муравьиное раздѣленіе труда по мелочамъ. Питается рабочій-китаецъ исключительно растительной пищей: рисъ, пшено, бобы, редисъ, рѣдька, чеснокъ, капуста, бататъ, а изъ мучной: лепешки изъ маисовой муки, хлѣбцы, вермишель и лапша изъ бобовой муки; очень рѣдко позволяетъ себѣ рыбу или креветокъ, а изъ мяса — баранину или свинину. Если рабочій нанимается къ европейцу, то тогда его заработная плата по-

вышается до 40—50 коп. въ день. Подрядчики, особенно берущіе работу у европейцевъ, получаютъ обыкновенно за работу втрое, вчетверо болѣе, нежели за ту же работу у китайцевъ, но вся излишняя прибыль остается въ карманѣ у подрядчика. Типъ китайскаго подрядчика весьма не симпатиченъ, это—наичаще алчный, хвастливый и жестокій хозяинъ для своихъ рабочихъ и для европейца. Всѣ инструменты китаецъ-рабочаго поражаютъ своею отсталостью, грубостью выдѣлки, громоздкостью. Немудрено, что исполняетъ свою работу китаецъ крайне вяло, апатично, не внося въ нее никакого интереса, скоро утомляется, а потому постоянно прерываетъ ее, чтобы выпить чашку чая, выкурить трубочку табаку. Работу начинаютъ съ 7 часовъ утра и оканчиваютъ въ шесть часовъ вечера съ перерывомъ на одинъ часъ въ 10 часовъ и на два часа послѣ полудня, когда они отдыхаютъ и ѣдятъ. Соли китайцы не употребляютъ, но всѣ блюда приправляютъ или особо приготовляемой соей или уксусомъ, добываемымъ изъ гаулеана. Китайцы-рабочіе всѣ курятъ табакъ изъ маленькихъ трубочекъ, во время ѣды пьютъ теплую водку изъ проса, наливая ее въ маленькія чашечки. Вообще же рабочіе-китайцы чрезвычайно воздержаны, трезвы и выносливы. Одежда китаецъ-рабо-

чаго лѣтомъ—типичная куртка изъ синей китайки, которую онъ имѣетъ лишь въ запасѣ, такъ какъ лѣтомъ онъ работаетъ и живетъ безъ рубашки; изъ такой же синей китайки штаны и башмаки на толстой подошвѣ, въ середину которой вложена плоская дощечка, обшитая прессованной тряпкой. Въ защиту головы отъ жары китаецъ-рабочій носитъ самодѣльную соломенную шляпу или повязываетъ голову тряпкой. Косу свою онъ закручиваетъ вокругъ головы.

ГЛАВА VII.

Китайцы чрезвычайно любят всякія удовольствія и уличная жизнь развита въ Китаѣ въ ущербъ жизни семейной, которая вслѣдствіе низкаго умственного развитія женщины-китаянки, и не можетъ привлечь къ себѣ мужчину. На улицѣ проходитъ и дѣловая, и общественная жизнь, на улицѣ узнаются всѣ новости и получаютъ всѣ удовольствія.

Изъ удовольствій, которыя наиболѣе нравятся и привлекаютъ къ себѣ китайцевъ, на первомъ мѣстѣ должно поставить, послѣ всевозможныхъ азартныхъ игръ, театръ, уличныхъ рассказчиковъ и фокусниковъ.

Театральныя представленія въ Китаѣ чрезвычайно распространены и являются вполне общенароднымъ и общедоступнымъ удовольствіемъ для всѣхъ слоевъ населенія. Но постановка театрального дѣла ничего не имѣетъ похожаго на театръ въ Европѣ и является столь же оригинальной и самобытной, какъ и создавшій ее характеръ народа. Прежде

всего надо сказать, что театр въ Китаѣ есть безусловно предпріятіе частное, не получающее ни отъ кого никакихъ субсидій и, несмотря на любовь къ нему народа, только въ очень немногихъ большихъ городахъ существуетъ постоянный театръ, вообще же по всему Китаю театральныя представленія даются странствующими труппами артистовъ. Въ Пекинѣ, напр., при его 600 тысячахъ населенія имѣется только одинъ постоянный театръ, но за-то на каждой улицѣ можно встрѣтить крытые балаганы, въ которыхъ бродячими труппами даются театральныя представленія, а на людныхъ улицахъ на каждомъ шагу можно встрѣтить и слышать рассказчиковъ сценъ изъ народнаго быта или пѣвцовъ былинь и мнѣическихъ сказаній, фокусниковъ, окруженныхъ многолюдными толпами слушателей и зрителей. Кромѣ такихъ уличныхъ театральныхъ представленій въ домѣ богатаго китайца всегда есть помѣщеніе, въ которомъ по желанію его можетъ быть дано театральное представленіе; такія же помѣщенія имѣются во всякомъ большомъ и посѣщаемомъ ресторанѣ; имѣется также много частныхъ помѣщеній, которыя отдаются подѣ обѣды, гдѣ также можно нанять и залу для театра. Наконецъ театральныя представленія даются въ нѣкоторыхъ монастыряхъ, посѣщаемыхъ богомольцами.

Китайскій театр въ Пекинѣ помѣщается въ китайскомъ городѣ и представляетъ собою большой деревянный сарай обычной китайской архитектуры, т. е. совершенно пустой внутри, безъ всякаго убранства и отдѣлки. Театральная зала заставлена деревянными скамьями для зрителей; по сторонамъ идутъ два яруса, въ которыхъ расположены логи. По деревянной лѣсенкѣ, скрипучей и ветхой, держась за перила, поднимаемся во второй ярусъ, въ которомъ раздѣлены деревянными же рѣшетками огражденные пространства—логи, имѣющія продольныя деревянные скамьи. Всѣ логи выходятъ въ общій корридоръ, въ которомъ толпятся бесплатные зрители, становясь въ проходы ложъ, не имѣющихъ дверей. Сцена помѣщается впереди залы и состоитъ изъ деревянной высокой площадки подъ навѣсомъ, поддерживаемымъ четырьмя колоннами. Въ задней стѣнѣ сцены двѣ двери, ведущія въ уборныя артистовъ, остальные же три части сцены совершенно открыты зрителямъ. Ни декорацій, ни занавѣса, ни суфлерской будки. Сцена остается всегда открытой зрителямъ со всѣхъ сторонъ. На сценѣ же помѣщается въ одномъ изъ ея угловъ, находящихся внѣ дѣйствующихъ лицъ, китайскій оркестръ музыки, состоящій изъ четырехъ—пяти человѣкъ музыкантовъ съ типичными

китайскими инструментами: гонгомъ—мѣдный круглый листъ, подобіе подноса, мѣдныя тарелки, деревянные кастаньеты и деревянные палочки. Этотъ оркестръ не умолкая колотить въ свои звонко-трескучіе инструменты и буквально раздираетъ уши, вызывая своимъ громомъ и непріятнымъ рѣзкимъ звукомъ головную боль у европейца-зрителя и нисколько не тревожа китайца. Иногда въ пьесѣ бываетъ пѣніе; тогда оркестръ стихаетъ, и пѣніе происходитъ подъ аккомпаниментъ свирѣли, прерываемой въ промежуткахъ стукомъ и громомъ оркестра.

Представленіе въ театрѣ начинается обыкновенно съ утра и продолжается до вечера, такъ что зрители приходятъ въ театръ съ съѣстными припасами и здѣсь кушаютъ, пьютъ чай, разговариваютъ съ знакомыми, не обращая часто никакого вниманія на сцену. Тутъ же посреди публики ходятъ продавцы съѣстныхъ припасовъ, фруктовъ, чая, предлагая свои произведенія тѣмъ, которые пришли безъ запасовъ. Временами зрительная зала превращается въ закусочную ресторана съ шумомъ и говоромъ, но представленіе на сценѣ идетъ своимъ порядкомъ. Сами актеры, почувствовавъ жажду, приказываютъ находящемуся на сценѣ же слугѣ принести чаю и въ свободное для себя время тутъ же его выпиваютъ

или съѣдаютъ какой-нибудь пирожокъ или булочку.

Афишъ въ китайскомъ театрѣ не существуетъ, но передъ началомъ пьесы всѣ участвующіе выходятъ на сцену, и главный актеръ называетъ названіе пьесы и имена всѣхъ актеровъ, ихъ участіе въ пьесѣ, поясняя, что такой-то долженъ быть верхомъ, а такой-то будетъ представлять хромого и т. д. Долженствующій быть верхомъ обыкновенно выходитъ уже въ пьесѣ съ кнутомъ и, когда ему надо садиться на лошадь и уѣзжать, онъ говоритъ публикѣ, что „сѣлъ и уѣхалъ“ и, перекидывая ногу на кнутъ, дѣлаетъ на немъ по сценѣ нѣсколько скачковъ. Такъ какъ нѣтъ въ китайскомъ театрѣ ни антрактовъ, ни переменъ декораций, то передъ началомъ cadaго новаго дѣйствія главный актеръ заявляетъ публикѣ, гдѣ происходитъ дѣйствіе и при какой обстановкѣ.

Пьесы, которыя разыгрываются на китайскомъ театрѣ, можно подраздѣлить на бытовые, историческія и мифологическія. Обыкновенные люди въ пьесахъ изображаются актерами съ обычнымъ гримомъ, но если актеръ изображаетъ какого-нибудь героя или мифическое лицо, то тогда онъ надѣваетъ раскрашенную маску. Актеры, играющіе героевъ или военачальниковъ, обязательно совершаютъ на сценѣ рядъ скачковъ, акробатическихъ прыж-

ковъ, кувырканий и т. п., что доказываетъ ихъ храбрость, быстроту и неустрашимость. Костюмы актеровъ составляютъ ихъ гордость и богатство; чѣмъ богаче костюмы у труппы, тѣмъ большимъ она пользуется значеніемъ и успѣхомъ. Пьесы у китайскихъ авторовъ обыкновенно бываютъ одноактныя и рѣдко въ двухъ актахъ; за день успѣваютъ исполнить въ театрѣ пять—шесть пьесъ.

Отношеніе публики къ исполняемымъ актерами ролямъ достойно вниманія: если пьеса исполняется плохо или если плохо исполняется вокальная часть пьесы, то публика хранитъ гробовое молчаніе; не только свистковъ,—не слышно ни одного неодобрительнаго возгласа. Если пьеса исполняется хорошо и зрители довольны игрой и пѣніемъ, то въ лучшихъ мѣстахъ по всему театру единодушно проносятся возгласъ „хао, хао!“, т. е. хорошо, хорошо. Ни рукоплесканій, ни вызововъ, ни перерывовъ, столь непріятныхъ для слушателей въ нашихъ театрахъ, когда эти перерывы производятся съ особымъ шумомъ во время игры артистовъ и прерываютъ ихъ игру, въ китайскомъ театрѣ никогда не бываетъ. Должно отмѣтить, что какъ оркестръ играетъ, правда, чрезвычайно однообразно, но всегда наизусть, такъ и артисты знаютъ всегда свои роли превосходно.

Такъ какъ пьесы идутъ одна за другой, то и актеры постоянно то удаляются черезъ одну дверь, то появляются снова черезъ другую. Находящійся всегда на сценѣ слуга сообразно ходу пьесы дѣлаетъ перестановку мебели, весьма нехитрой, такъ какъ все убранство сцены состоитъ въ нахожденіи на ней деревяннаго стола, нѣсколькихъ такихъ же стульевъ, скамеекъ и ширмъ. Колонны, поддерживающія навѣсъ надъ сценой, обыкновенно украшены шелковыми вышивками и таблицами-письменами, на которыхъ изображены мнѣнія китайскихъ-философовъ о театрѣ. Вотъ что, напр., написано на свиткѣ, повѣшенномъ на колоннѣ театра въ Пекинѣ: „Можно смотрѣть на это представленіе какъ на истинное или какъ на вымышленное, но въ немъ есть изображеніе жизни и ея основъ“.

Театральныя представленія въ частныхъ домахъ бываютъ въ ознаменованіе какого-либо радостнаго событія. Получаетъ ли мандаринъ повышеніе по службѣ, или коммерсантъ совершаетъ выгодную торговую сдѣлку, или родители празднуютъ полученіе сыномъ диплома на ученую степень,—обыкновенно всѣ родные и знакомые приглашаются на театральное представленіе. Нанимается труппа странствующихъ артистовъ, которая появляется съ сундуками костюмовъ, устраиваетъ посреди

двора, если это лѣтомъ, возвышенную площадку съ навѣсомъ, и сцена готова. Мнѣ удалось быть на домашнемъ театральномъ представленіи въ домѣ одного богатаго китайца, который праздновалъ день своего 60-тилѣтія. Возрастъ въ 60 лѣтъ считается у китайцевъ почетнымъ и празднуется торжественно; еще болѣе торжественно празднуется достиженіе 70-тилѣтія. Всѣ родные подносятъ юбиляру подарки, почетныя таблицы съ перечисленіемъ его достоинствъ и чиновъ, художественно исполненныя шелкомъ картины или вышивки и т. д.

Театральное представленіе происходило въ большой комнатѣ; часть ея, ближайшая къ сценѣ, была уставлена табуретами и стульями, а въ остальной части находились столы съ разставленными на нихъ яствами китайской кухни и сладкими печеньями. Приглашенные гости заняли мѣста, покуривая свои длинныя трубочки и подсаживаясь къ столу. Чай подавали всѣмъ безъ исключенія. Хозяинъ и виновникъ торжества расхаживалъ и любезно разговаривалъ съ гостями. По сторонамъ залы шла галлерей, въ которой помѣстились дамы—хозяйка съ дочерьми и гостями. Дамы-китайки были отдѣльно, и считалось бы величайшимъ неприличіемъ, если бы кто изъ мужчинъ подошелъ къ нимъ поздо-

роваться. Но дѣвочки—внучки хозяина, нарядно разодѣтыя, свободно ходили по залѣ среди гостей. Когда всѣ гости расположились въ залѣ и за столиками, на сцену вышли въ богатыхъ костюмахъ пять человѣкъ актеровъ; всѣ они словно по командѣ сдѣлали публикѣ „котоу“, т. е. земной поклонъ, касаясь лбомъ пола. Затѣмъ старшій изъ нихъ подалъ хозяину списокъ пьесъ, которыя играетъ труппа, для выбора. Хозяинъ пустилъ этотъ списокъ по рукамъ всѣхъ гостей, и когда всѣ были ознакомлены съ репертуаромъ труппы, началось представленье. Ознакомленье присутствующихъ съ пьесами заранее до начала безусловно необходимо: не зная пьесы, сами китайцы не понимаютъ ея исполненія на сценѣ. Хотя репертуаръ театра крайне ограниченъ, но благодаря тому обстоятельству, что многія пьесы исполняются на провинціальныхъ нарѣчіяхъ, на которыхъ онѣ составлены, пьесы эти остаются недоступными для пониманія пекинскаго населенія: настолько рѣзко различіе въ говорѣ разныхъ, даже сосѣднихъ другъ съ другомъ провинцій. Что касается до пѣнія, то должно сказать, что и пѣніе китайское столь же мало гармонично, какъ и ихъ музыка. У китайцевъ нѣтъ полной гаммы съ полутонами, а вся музыка основана лишь на пяти тонахъ, которые и

служать основаніемъ для арій. Напѣвы чрезвычайно однообразны, мало гармоничны и могутъ назваться речитативами, произносимыми на-распѣвъ съ повышеніями и пониженіями голоса. Самая игра на сценѣ состоитъ изъ крикливаго речитатива, причемъ артисты постоянно берутъ то высокій, то низкій тонъ. Получается какъ бы волнообразная кричащая рѣчь, скачущая съ одного слова на другое въ произношеніи словъ роли. При всей, такъ сказать, несуразности китайской театральной игры, чувствуется несомнѣнная талантливость артистовъ въ передачѣ душевныхъ движеній героевъ или героинь. Такъ какъ въ Пекинѣ женщинамъ-китайкамъ недоступны никакія общественныя удовольствія и вся бытовая жизнь женщины проходитъ лишь въ средѣ ея дома и родныхъ, то въ Пекинѣ имѣется спеціальнѣйшій театръ для женщинъ. Въ большихъ ресторанахъ даются обыкновенно театральныя представленія два—три раза въ недѣлю. Посѣтителѣ заказываютъ пьесу, слушаютъ ея исполненіе и платятъ главному актеру, кладя деньги на поднось. Если пьеса сыграна была хорошо и плата была щедрая, то актеръ показываетъ эту плату всѣмъ присутствующимъ, чѣмъ удовлетворяетъ тщеславіе щедраго дателя и свое самолюбіе.

Театральныя представленія въ храмахъ

несомнѣнно составляютъ остатокъ религіозныхъ церемоній. Въ нѣкоторыхъ большихъ монастыряхъ существуютъ постоянныя театральныя площадки передъ одной изъ кумиренъ, на которыхъ и устраивается представленіе. Китайскій монастырь, буддійскій или даоскій все равно, всегда обнесенъ каменной стѣной, выкрашенной въ красный цвѣтъ. Внутри стѣны расположены храмы, т. е. рядъ каменныхъ одноэтажныхъ зданій съ круто выгнутой крышей, крытой черепицей. По виду храмъ напоминаетъ большой сарай; двѣ боковыя его стѣны глухія каменные; передняя и задняя—деревянные. Передняя стѣна вся обыкновенно створчатая, составленная изъ рамъ, мелкіе переплеты которыхъ заклеены обычной бѣлой китайской бумагой, замѣняющей стекла и пропускающей много разсѣяннаго свѣта. Задняя стѣна глухая, но имѣетъ входную дверь. Въ передней стѣнѣ также есть дверь, но во время празднествъ рамы раздвигаются, и вся внутренность храма открывается передъ богомольцами. Кумирни отдѣлены одна отъ другой площадками, вымощенными каменными плитами или кирпичемъ. Передъ каждой кумирней всегда имѣется два священныхъ дерева—сосны, туи, кипарисы, дубы, орѣшины. Въ большихъ монастыряхъ имѣются рощицы ки-

парисовъ и туй, среди которыхъ ставятся каменные плиты въ память тѣхъ покойниковъ, которые завѣщали монастырю имущество или деньги на свое поминовеніе. Памятники эти состоятъ изъ мраморныхъ или вытесанныхъ изъ камня высокихъ досокъ, укрѣпленныхъ на спинахъ каменныхъ же черепахъ. На этихъ каменныхъ таблицахъ высѣчены родъ, имена, званія и всѣ должности, которыя проходилъ при жизни покойный, и восхвалены его добрыя качества. Въ нѣкоторыхъ монастыряхъ имѣются отдѣльныя еще зданія, въ которыхъ изображены адъ и рай; въ первомъ—всевозможныя мученія грѣшниковъ, а во второмъ—торжество праведниковъ.

Театральныя представленія въ монастыряхъ имѣютъ всегда миѳическій характеръ, съ участіемъ злыхъ и добрыхъ демоновъ. Даются они въ честь какого-либо добраго духа по обѣщанію или за избавленіе отъ какой-либо угрожавшей опасности, или въ благодарность за исцѣленіе какого-либо тяжкаго недуга, или же въ умиловленіе при началѣ какого-либо большого предпріятія. Всякое театральное представленіе является для населенія желательнымъ праздникомъ, такъ какъ на него сходятся всѣ окрестныя селенія, располагаясь даровыми зрителями подъ открытымъ небомъ вокругъ театральной пло-

щадки. Тутъ же открывается торгъ всевозможными китайскими яствами и сластями. Всѣ женскія роли исполняются мужчинами, и ни одна китаянка не рѣшится выступить на подмосткахъ театра какъ актриса,—настолько это считается для женщины унижительнымъ. Въ ресторанахъ имѣются китаянки-пѣвицы, но не бываетъ китаянокъ-актрисъ. Что касается до придворнаго, богдыханскаго театра, то тамъ всѣ актеры евнухи; считаютъ актеровъ-евнуховъ до 300 человекъ. Театральныя представленія во дворцѣ даются отдѣльно для придворныхъ дамъ и отдѣльно для богдыхана и его сановниковъ. Искусство и талантъ, однако, оцѣнивается довольно своеобразно: такъ, одинъ изъ придворныхъ артистовъ былъ приговоренъ къ наказанію 20-ю ударами бамбука за то, что, исполняя роль одного изъ заговорщиковъ исторической драмы, такъ напугалъ зрителей, что заставилъ ихъ трястись отъ страха во время представленія.

Несмотря на любовь китайцевъ къ театру, профессія актеровъ считается унижительной; не только сами актеры лишены права состоять на государственной службѣ, но и дѣти актеровъ не допускаются въ высшее китайское учебное заведеніе, дающее право поступленія на службу при полученіи диплома на ученую степень. Будучи паріями среди ки-

тайскаго общества и пополняя свои ряды изъ уличныхъ отбросовъ, быть можетъ, потому и ведутъ китайцы-актеры исключительно бродячій образъ жизни, кочуя изъ одной мѣстности въ другую. Были времена, что актеры даже преслѣдовались китайскимъ правительствомъ какъ развратители народа, заключались въ тюрьмы и даже предавались казни.

Въ настоящее время хотя актеры и не преслѣдуются, но театръ стоитъ все на одномъ уровнѣ народнаго творчества, какимъ создало оно его столѣтія назадъ. Вотъ для образца одна изъ пьесъ, наиболѣе часто даваемая въ пекинскомъ театрѣ. Называется она: „Рабъ денегъ, который самъ стережетъ“. Содержаніе ея слѣдующее. Одинъ молодой ученый—сю-цай желаетъ получить слѣдующую ученую степень, чтобы занять затѣмъ выгодное и доходное мѣсто. Онъ съ женой и сыномъ отправляется въ Пекинъ, а всѣ свои деньги зарываетъ въ землю, надѣясь ихъ снова взять, когда вернется обратно. Въ то же время одинъ бѣднякъ усердно молится Фо—богу счастья и богатства, чтобы Фо сдѣлалъ бѣдняка богачемъ, и обѣщаетъ за это благодареніе всегда быть милосерднымъ къ бѣднымъ. Фо слышитъ его мольбы и указываетъ мѣсто, въ которомъ зарыты деньги ушедшаго въ Пекинъ молодого ученаго. Найдя эти деньги,

бѣднякъ, однако, прежде всего открываетъ ссудную кассу и харчевню и скоро становится богачемъ. Но чѣмъ болѣе онъ богатѣетъ, тѣмъ болѣе становится скупымъ и безсердечнымъ. Такъ какъ дѣтей у него нѣтъ, то, по обычаю китайцевъ, онъ хочетъ купить себѣ ребенка, усыновить его и имѣть такимъ образомъ сына, который бы почиталъ его память послѣ его смерти. Ради этого скупецъ распространяетъ объявленіе о своемъ желаніи купить себѣ сына. Молодой же ученый, придя въ Пекинъ, проживаетъ всѣ свои средства, проваливается на экзаменъ и вынужденъ возвратиться обратно къ себѣ домой, гдѣ однако не находитъ спрятанныхъ денегъ. Не имѣя никакихъ средствъ, онъ предается полному отчаянію. Въ это время до него доходитъ вѣсть о богачѣ, желающемъ купить для усыновленія мальчика. Несчастные отецъ и мать идутъ къ богачу, которому ребенокъ нравится. Богачъ даетъ понять родителямъ, что щедро заплатитъ за ребенка, и торопитъ ихъ скорѣе составить документъ на продажу, не указывая суммы, какую онъ пожелаетъ дать. Когда документъ составленъ и подписанъ родителемъ мальчика, скупой отказывается что-либо заплатить родителямъ, доказывая, что разъ отецъ продаетъ ребенка, то, значить, ему нечѣмъ его кормить, а поэтому

для родителей вполне уже достаточно и того, что сын их будет всегда сытъ и не потребуетъ отъ нихъ издержекъ на пропитаніе. Но родители не соглашаются оставить своего сына и не уходятъ изъ дома скупого. Чтобы покончить куплю, онъ предлагаетъ дать одинъ ланъ серебра (2 руб.).

— Какъ ланъ серебра!—воскликнула мать.— Да, вѣдь, за ланъ-то нельзя сдѣлать мальчика даже изъ обожженной глины!

— Правильно, — возражаетъ скупой, — но вѣдь мальчикъ изъ глины и не ѣстъ ничего, и не требуетъ никакихъ издержекъ.

Является приказчикъ скупого, прося свое жалованье. Скупой ему платитъ, а приказчикъ, сжалившись надъ бѣдняками, даетъ имъ деньги, и они уходятъ. Скупой очень доволенъ такой развязкой, благодаритъ своего приказчика, что тотъ сумѣлъ такъ хорошо прикончить это дѣло.

— Я бы хотѣлъ тебя пригласить, — говоритъ онъ ему, — пообѣдать со мною, но у меня столько дѣла, что нѣтъ даже времени на обѣдъ. Но все-таки я тебѣ подарю кусочекъ пирога, ты его найдешь въ моемъ шкафу. Пирогъ, правда, уже заплеснѣвъль, но съ чаемъ ты его охотно скушаешь.

Этимъ кончается первый актъ, и главный актеръ заявляетъ, что промежутокъ между

вторымъ актомъ равняется 20-ти годамъ и что пріемному сыну скупого исполнилось уже 25 лѣтъ, а самъ скупой сталъ хилымъ, истощеннымъ, умирающимъ. За нимъ ухаживаетъ пріемный сынъ.

— Какъ тяжки дни для больного,—говоритъ старикъ сыну и добавляетъ въ сторону:—однако прошло уже 20 лѣтъ, какъ я купилъ этого сорванца. Для себя я ничего не трачу, ни одной чехи ($\frac{1}{6}$ копѣйки), а онъ цѣны не знаетъ деньгамъ. Для него деньги служатъ лишь средствомъ для мотовства; онъ покупаетъ себѣ одежду, пищу, онъ цѣнить деньги одинаково, какъ грязь. Можетъ ли онъ понять всѣ мои мученія, когда я вынужденъ истратить нѣсколько дяо (одно дяо равняется 10 коп.).

— Отецъ, не хочешь ли чего покушать?—спрашиваетъ сынъ.

— Развѣ ты не знаешь, что моя болѣзнь началась съ той минуты, какъ я страшно разсердился. Мнѣ какъ-то очень захотѣлось поѣсть жареной утки, я пошелъ въ лавку,—ты знаешь, вѣдь, гдѣ продаютъ ихъ. Утка была только-что зажарена, сокъ изъ нея такъ и сочился. Подъ видомъ покупки я ее взялъ и запустилъ всѣ свои пять пальцевъ, выжимая на нихъ сокъ. Затѣмъ я ушелъ изъ лавки, не купивъ утки, конечно; дома сварилъ

въ водѣ чашку риса и сталъ ѣсть, обсасывая при каждой ложкѣ риса одинъ изъ своихъ пальцевъ. Когда я съѣлъ четвертую ложку и обсосалъ четвертый палецъ, то задремалъ, сидя на краю скамьи. Когда я заснулъ, то подлая собака подкралась и облизала мой пятый палецъ. Пробудившись, я пришелъ въ бѣшенство отъ этого воровства и съ тѣхъ поръ заболѣлъ и таю день ото дня. Я скоро умру и хочу, забывъ свою скупость поѣсть бобоваго пюре.

— Я сбѣгаю куплю на нѣсколько чехъ.

— Довольно на одну чеху, мнѣ достаточно одной половины ложки. Только продастъ ли кто такую бездѣлицу? Я чувствую, что скоро наступитъ мой конецъ. Въ какомъ же гробу ты меня похоронишь?

— Если случится такое горе, то я для своего отца куплю самый лучший гробъ изъ сосноваго дерева.

— Нѣтъ, не дѣлай этой глупости! Сосна стоитъ дорого, а мертвый не отличить сосноваго дерева отъ обычнаго вяза. Посмотри, нѣтъ ли ненужныхъ яслей въ конюшнѣ, изъ нихъ можно прекрасный гробъ сдѣлать.

— Ясли-то есть, да вѣдь онѣ больше въ ширину, нежели въ длину: ни за что нельзя будетъ положить въ нихъ ваше тѣло.

— Вотъ и хорошо! Возьми топоръ, только

не нашъ, а одолжись у сосѣда и разруби мое тѣло на двѣ части; положи одну на другую, и тогда онѣ прекрасно уложатся.

Подобныя сцены особенно нравятся слушателямъ.

Благодаря аудіенціи, которой удостоила китайская императрица европейскихъ дамъ 1 декабря 1899 года, имъ удалось видѣть представленія и въ придворномъ театрѣ. Императрица очень любитъ сама театръ и пригласила европейскихъ дамъ на представленіе. Изъ разсказовъ присутствовавшихъ видно, что придворный театръ ничѣмъ не отличается отъ народнаго театра, если не брать въ сравненіе чистоту залы и богатство костюмовъ исполнителей. Театръ при дворцѣ богдыханши представлялъ собою большую залу, въ которой стояли въ рядъ поставленныя скамьи и кресла. По сторонамъ залы шла галлерей, въ которой были устроены логи. Въ передней части залы возвышалась довольно обширная эстрада съ колоннами, поддерживавшими надъ нею крышу. На эстраду выходили двое дверей изъ помѣщенія, за нею находящагося. Ни занавѣса, ни декораций, ни суфлерской будки. Сцена остается всегда открытой зрителямъ. На сценѣ же располагается въ сторонѣ китайскій театраль- ный оркестръ, состоящій обыкновенно изъ

мѣднаго гонга, мѣдныхъ тарелокъ, деревянной трещетки и маленькой флейты. Оркестръ этотъ для уха европейца играетъ довольно громко. Афишъ не существуетъ, и, начиная пьесу, актеры выходятъ на сцену, причемъ главный изъ нихъ называетъ пьесу, которую они собираются играть, и рекомендуетъ всѣхъ остальныхъ исполнителей, которые отвѣшиваютъ публикѣ по китайскому обычаю низкій поклонъ, и пьеса начинается. Женскія роли исполняются мужчинами. Актеры въ богдыханскомъ театрѣ и театрѣ богдыханши всѣ евнухи.

Для гостей были исполнены небольшія пьески съ обычнымъ для китайскихъ исполнителей участіемъ акробатовъ, исполнявшихъ всевозможные прыжки, скачки, хожденіе на рукахъ, верченіе колесомъ и т. п. Всѣ эти упражненія должны были знаменоватъ ловкость, храбрость, находчивость дѣйствующихъ лицъ. Театральное представленіе продолжалось полтора часа и носило на себѣ патріархальный китайскій характеръ. Хотя на представленіи присутствовала сама богдыханша, прибывшая вслѣдъ за гостями и занявшая мѣсто въ креслѣ передъ сценой, но всѣ гости-мужчины по примѣру главнаго евнуха и китайскихъ сановниковъ, размѣстившись на заднихъ скамьяхъ, не только вели бесѣду между со-

бою, но и совершенно спокойно покуривали свои коротенькія трубочки. Содержаніе пьесъ, которыя давались на богдыханской сценѣ, уловить не удалось: благодаря крайней неясности китайскаго разговорнаго языка и особенностямъ языка, которымъ написаны самыя пьесы, даже китайцы сами не понимаютъ содержанія пьесы, если слышать ее въ первый разъ и не ознакомились съ нею предварительно. Костюмы артистовъ отличались роскошью.

О репертуарѣ китайскаго театра, объ артистахъ и ихъ игрѣ, поскольку она удовлетворяетъ европейца, можно сказать, что всѣ пьесы съ историческимъ содержаніемъ, съ ихъ героями, разбойниками и демонами для европейца мало интересны и чужды. Но какъ только актеры ставятъ пьесу изъ дѣйствительной жизни, какъ только являются обычные люди съ понятными намъ общечеловѣческими слабостями, то тотчасъ же становится очевиднымъ, что среди китайскихъ актеровъ не мало есть выдающихся и весьма талантливыхъ артистовъ, съ художественнымъ пониманіемъ передающихъ намъ характеръ скупого, ревнивца, обманутаго мужа, лжеца.

Въ частныхъ домахъ послѣ театральнаго представленія нерѣдко приглашаются для развлеченія гостей пѣвицы.

Пѣвица, скромно одѣтая въ голубой шелковый кафтанъ, выходитъ передъ публикой, сопровождаемая аккомпаниаторомъ, который несетъ съ собою струнный инструментъ, очень похожій на гитару.

Передъ пѣвицей ставятъ на подставкѣ маленькій барабанъ. Въ правой рукѣ она держитъ палочку для аккомпанированія себѣ на барабанѣ, а въ лѣвой—кастаньеты.

Ставъ передъ публикой, она поетъ довольно монотонную пѣсенку, ударяя палочкой въ тактъ по барабану, постукивая кастаньетами. Аккомпаниаторъ подыгрываетъ мотивъ на струнахъ.

Неизмѣримо большое удовольствіе доставляетъ европейцу искусство китайскихъ фокусниковъ и жонглеровъ, достигающихъ часто величайшаго совершенства въ исполненіи.

Среди китайскихъ фокусниковъ встрѣчаются истинные художники. Не стану говорить о такихъ обыденныхъ китайскихъ фокусахъ, когда на глазахъ зрителей вынимаютъ изъ-подъ покрывала съ полу или съ самихъ себя тазы и миски, наполненные водой, съ плавающими золотыми рыбками, и проч.; но скажу о томъ фокусѣ, который былъ въ особенности изящно исполненъ передъ нами въ этотъ вечеръ. Явился обычный огне-

глотатель. Проглатывая зажженную бумагу, онъ выпускалъ изъ себя столбъ дыма и искръ. Продѣлавъ все это, фокусникъ сталъ вытягивать изо рта лентами красную бумагу. Когда бумаги набралась на полу большая кучка, онъ прикрылъ ее покрываломъ и черезъ нѣсколько секундъ вынулъ изъ-подъ покрывала складной фонарь, состоявшій изъ 12 красныхъ четырехугольныхъ бумажныхъ фонарей, которые всѣ были соединены другъ съ другомъ, причемъ въ каждомъ горѣла свѣчка. Быстрота и чистота исполненія этого фокуса, чарующее впечатлѣнiе отъ освѣщенныхъ красивыхъ фонарей вызвали общее одобренiе.

Китайцы — также очень ловкiе гимнасты, а особенно жонглеры. Продѣлана была, напр., слѣдующая штука. На голову жонглеру поставлена высокая башня,—въ аршинъ, если не больше,—составленная изъ фарфоровыхъ, въ нѣсколько ярусовъ другъ на друга поставленныхъ блюдецъ, тарелокъ, чашекъ, блюдъ съ прикрѣпленными по краямъ восковыми свѣчками. Вѣсу во всей этой башнѣ было около 30 фунтовъ.

Установивъ ее на головѣ, жонглеръ сталъ продѣлывать рядъ смѣлыхъ упражненiй. Онъ садился, ложился на полъ, переворачивался съ живота на спину, вытягивался и держалъ

ся только на рукахъ, переползалъ черезъ скамью и спускался на полъ и т. п.

За фокусниками выступилъ звукоподражатель и чревовѣщатель, въ совершенствѣ передававшій крики осла, лай собакъ и мяуканье кошекъ, пискъ цыплятъ и пѣніе пѣтуховъ въ разныхъ возрастахъ, крикъ птицъ, очень искусно подражавшій скрипу колесъ телѣжки и закончившій представленіе цѣлой сценой утра въ деревнѣ, когда пробуждаются и кричатъ домашнія животныя, птицы и плачетъ грудной ребенокъ. Насколько было искусно его подражаніе мяуканью кошки, видно изъ слѣдующей сценки. Когда раздалось его мяуканье, то спокойно лежавшая по близости кошечка встала и быстро пошла на голосъ, но, съ изумленіемъ, не найдя своего собрата, стала искать по разнымъ мѣстамъ двора; когда же онъ перешелъ на громкое мяуканье кота, то кошечка, поднявъ хвостъ, убѣжала безъ оглядки.

Уличные фокусники водятъ съ собою и ручныхъ животныхъ. Нерѣдко можно встрѣтить медвѣдя, обезьяну, собаку, нерѣдко также фокусники показываютъ обученныхъ бѣлыхъ мышей.

ГЛАВА VIII.

До боксерскаго 1900 года жизнь европейской колоніи въ Пекинѣ была совершенно обособленной отъ китайской общественной жизни. Китайское общество совершенно чуждалось европейскаго и сношенія между европейцами и китайцами существовали только или дѣловыя, или служебныя.

Первый шагъ къ ознакомленію съ европейцами сдѣлала императрица 1 декабря 1899 года, удостоивъ пригласить къ себѣ во дворецъ супругъ посланниковъ, находившихся въ Пекинѣ.

Съ каждымъ годомъ кругъ дамъ, получавшихъ разрѣшеніе представиться императрицѣ, всерасширялся и распространился на всѣхъ посольскихъ дамъ безъ различія служебнаго положенія ихъ мужей.

Тѣмъ не менѣе дѣло сближенія китайскаго общества съ европейскимъ отъ этого впередъ нисколько не подвинулось и жизнь китайская осталась столь же чуждой и замкнутой для европейцевъ, какъ и прежде.

И нынѣ, какъ и десятокъ лѣтъ тому назадъ, европейцы живутъ своею собственною жизнью, не соприкасаясь съ китайскимъ обществомъ, съ тою только разницей, что послѣ боксерскаго 1900 года въ Пекинѣ образовался совершенно свой европейскій участокъ на всемъ томъ громадномъ пространствѣ, которое было охвачено боксерскимъ движеніемъ.

Количество европейцевъ значительно увеличилось въ Пекинѣ, но главный контингентъ изъ нихъ составляютъ или принадлежащіе къ дипломатическому корпусу, или миссіонеры, или служащіе въ китайской таможенѣ и банкахъ, и многіе владѣльцы лавокъ и магазиновъ.

Послѣ боксерскаго года количество лавокъ и магазиновъ значительно увеличилось.

Весь европейскій участокъ распланированъ широкими улицами, на которыхъ много уже выстроено новыхъ европейскихъ зданій. Главная улица остается по прежнему посольская, на которой расположены европейскія миссіи.

Всѣ старыя зданія посольствъ обнесены высокими кирпичными стѣнами и каждое изъ нихъ представляетъ собою закрытое отъ улицъ укрѣпленіе.

По занимаемой площади и количеству построекъ самое большое посольство—англійское, а самое маленькое—испанское. Съ улицы

въ зданія посольства ведутъ большія ворота, по бокамъ которыхъ находятся помѣщенія для сторожей.

Русское посольство занимаетъ довольно пространную площадь, состоящую изъ трехъ частей. При въѣздѣ въ ворота открывается маленькая площадка и сквозная веранда съ черепичной крышей и украшеніями изъ небольшихъ каменныхъ драконовъ и львовъ. Веранда поддерживается рядомъ колоннъ, выкрашенныхъ въ красный цвѣтъ, и освѣщается китайскими фонарями. За верандой открывается рядъ, расположенныхъ какъ-бы въ паркѣ, одноэтажныхъ небольшихъ каменныхъ зданій, въ которыхъ помѣщаются первый и второй секретари, студенты, канцелярія, драгоманъ. Рядъ зданій прерывается, съ одной стороны, второй сквозной верандой, черезъ которую ведетъ ходъ въ посольскій дворъ. Въ посольскомъ дворѣ, среди деревьевъ восточнаго кипариса, стоитъ православная церковь и отдѣльно отъ нея—колокольня, имѣющая видъ китайскаго павильона, очень изящная. Церковь построена болѣе двухсотъ лѣтъ тому назадъ, когда сношенія Россіи съ Китаемъ уже достаточно упрочились и велись исключительно при посредствѣ посылавшихся для этой цѣли на десять лѣтъ трехъ іеромонаховъ съ архимандритомъ во главѣ. Первое

начало нашихъ сношеній съ Китаемъ положили взятые китайцами въ плѣнъ казаки изъ станицы (городка) на Амурѣ Албазина. Потомки этихъ казаковъ и донинѣ носятъ имя албазинцевъ; они сохранили православную вѣру и нѣкоторыя черты европейскаго типа, но во всемъ остальномъ стали вполне китайцами. На сѣверной стѣнѣ церкви замѣтенъ слѣдъ трещины, происшедшей во время бывшаго сто лѣтъ тому назадъ землетрясенія. Напротивъ церкви находится домъ посланника, большое каменное зданіе, свѣтлое, съ колоннами; домъ русскаго посланника самый большой и самый красивый по архитектурѣ изъ всѣхъ домовъ другихъ посланниковъ. Въ громадной залѣ, съ паркетнымъ поломъ, съ окнами, изящно задрапированными шелковыми занавѣсями, свободно размѣщается весь иностранный дипломатическій корпусъ во время торжественныхъ пріемовъ или обѣдовъ. Во всѣхъ другихъ посольствахъ помѣщенія посланниковъ тѣсны. За посольскимъ дворомъ идетъ, отдѣленный узорчатымъ черепичнымъ заборомъ, такъ сказать, дворъ служилыхъ людей: казарма казаковъ, конюшни и разныя хозяйственныя постройки.

По населенности посольствъ, самое многолюдное англійское, къ которому причисляется для изученія китайскаго языка однихъ только

студентовъ 12 человѣкъ. Самое малолюдное посольство голландское, итальянское, испанское, состоящее лишь изъ посланника и секретаря. Составъ остальныхъ посольствъ болѣе или менѣе одинаковъ.

Китайская таможня—правительственное китайское международное учрежденіе, вѣдающее ввозную и вывозную торговлю Китая въ открытыхъ для торговли портахъ, находится также вблизи посольствъ и занимаетъ своими зданіями цѣлую площадь. Главнымъ директоромъ таможни состоитъ англичанинъ сэръ Р. Гартъ, прожившій въ Китаѣ около 40 лѣтъ. Громадное большинство служащихъ въ таможнѣ—англичане, но есть и французы, и русскіе, и нѣмцы, и итальянцы.

Изъ миссіонерскихъ братствъ и общинъ въ Пекинѣ, главнымъ образомъ, сосредоточены католическія; католики имѣютъ здѣсь четыре большихъ и красивыхъ въ архитектурномъ отношеніи храма; при каждомъ изъ нихъ существуютъ школы для китайцевъ, а при храмѣ „Бей-танъ“, принадлежащемъ конгрегациі Лазаристовъ и настоятелемъ котораго состоитъ пользующійся среди католиковъ въ Пекинѣ большою популярностью А. Favier, находятся широко организованная типографія, прекрасный оркестръ, состоящій изъ китайцевъ, школа для китайцевъ, изучающихъ

французскій языкъ, пріютъ для дѣтей-подкидышей и сиротъ, находящійся въ завѣдываніи монахинь. Въ этомъ пріютѣ содержится до 500 дѣтей разныхъ возрастовъ.

Современный Китай покрытъ цѣлой сѣтью миссіонерскихъ общинъ, монастырей, школъ, церквей самыхъ разнообразныхъ вѣроисповѣданій. Въ недавно вышедшей въ свѣтъ книгѣ католическаго епископа въ Пекинѣ А. Favier мы находимъ чрезвычайно поучительную исторію развитія миссіонерства въ Китаѣ. Первымъ проповѣдникомъ христіанства въ Индіи былъ апостоль Ѳома, которому, какъ гласитъ преданіе, по жребію пришлось идти на проповѣдь въ Индію и Китай. Пребываніе апостола въ Индіи не подлежитъ сомнѣнію, а миссіонеры-доминиканцы и знаменитый путешественникъ Марко Поло утверждаетъ, что апостоль Ѳома проповѣдывалъ Евангеліе въ южномъ Китаѣ. Въ Индіи, въ городѣ Меліапорѣ, въ 1548 году открыта была могила апостола Ѳомы, узнанная по слѣдующей, сохранившейся на каменномъ крестѣ, надписи, прочитанной однимъ ученымъ браминомъ: „спустя 30 лѣтъ послѣ благовѣстія вѣры Христовой во всѣхъ странахъ, св. Ѳома, апостоль, умеръ въ Меліапорѣ, призвавъ къ Богу весь здѣшній народъ. Господь заповѣдалъ распространеніе вѣры 12 апостоламъ, и одинъ изъ

нихъ пришелъ, имѣя посохъ въ рукѣ, въ Меліанпоръ“. Преданіе называетъ также имена апостоловъ Филиппа и Вареоломея, которые достигали Монголіи и Тибета. Въ одномъ изъ городовъ южнаго Китая открытъ желѣзный крестъ, формою похожій на крестъ св. Андрея. Крестъ этотъ находится въ языческой кумирнѣ и до сего дня почитается населеніемъ, какъ чудотворный. Передъ крестомъ ставятъ курительныя свѣчи, приносятъ въ жертву плоды и птицъ. Въ другихъ провинціяхъ южнаго Китая также находимъ каменные кресты, относимые къ IV и V вѣкамъ, но тщательно изучить и разобрать надписи на нихъ не представляется возможности, такъ какъ всѣ они находятся въ кумирняхъ.

Въ гор. Си-нан-фу при раскопкахъ найдена была каменная плита съ надписью по-китайски, гласящей, что въ 635 году въ царствованіе второго императора изъ Таиской династіи, пришли и проповѣдывали здѣсь евангеліе священники и принесли съ собой иконы и священное писаніе. Въ періодъ 651—782 есть указаніе, что христіанство распространилось въ Китаѣ и пользовалось расположеніемъ императоровъ, которые давали собственныя средства на построеніе церквей. Съ перемѣной династіи начались гоненія, храмы разрушались, а христіане преслѣдовались. Первыми

проповѣдниками послѣ учениковъ апостоловъ были, какъ думаютъ, несторіане изъ Персіи, а затѣмъ уже проникаютъ въ Китай и католическіе миссіонеры по пути перваго путешественника венеціанскаго купца Николая Поло, прибывшаго въ Пекинъ въ 1261 году, прожившаго здѣсь три года, пріобрѣвшаго большое расположеніе Кубилай-Хана, который, отпуская Николая Поло съ богатыми подарками, выразилъ желаніе, чтобы папа прислалъ ученыхъ и свѣдущихъ проповѣдниковъ.

Возвратясь въ Италію, Николай Поло передалъ результаты своего путешествія папѣ Григорію X. Папа отправилъ въ Китай двухъ миссіонеровъ доминиканцевъ, которымъ сопутствовали опять Николай Поло и юноша, сынъ его, Марко Поло, оставившій намъ подробное описаніе, какъ своего путешествія, пребыванія въ Пекинѣ, такъ и всѣхъ событій, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ. Въ дальнѣйшихъ сношеніяхъ папъ развертывается передъ глазами вся картина дѣятельности миссіонеровъ. Такъ, посвященный уже епископомъ Іоанномъ Монте-Корвино въ донесеніи своемъ изъ Пекина въ 1305 году сообщаетъ, что имѣлъ аудіенцію у императора, всецѣло преданнаго язычеству и высказавшаго убѣжденіе, что вѣра вездѣ одна, но что мудрецы въ разныхъ странахъ разнообразятъ ее въ интере-

сахъ мѣстныхъ требованій и своего времени. Монте-Корвино передаетъ, что при дворѣ большимъ вліяніемъ пользовались несторіане, отъ интригъ которыхъ пришлось вытерпѣть много невзгодъ Монте-Корвино. Тѣмъ не менѣе, въ 11 лѣтъ своего пребыванія въ Пекинѣ ему удалось построить двѣ церкви и обратить въ христіанство до 30 тысячъ человѣкъ. Новая династія съ 1368—1644 гг. ниспровергаетъ все, что пользовалось расположеніемъ при старей. Христіанство было только терпимо въ лучшемъ случаѣ, но нерѣдки были и преслѣдованія христіанъ, а въ 1618 г. всѣ миссіонеры были изгнаны изъ Пекина, а китайцамъ запрещено было принимать христіанство. Возникшая междоусобная война правителей Китая помогла вернуться миссіонерамъ, которые привели на помощь въ Пекинъ отрядъ португальскихъ солдатъ изъ Макао. Вскорѣ миссіонеры пріобрѣтаютъ опять важное значеніе.

Китайцы до сего дня придаютъ громадное значеніе движенію свѣтилъ и вѣрятъ, что жизнь на землѣ находится въ зависимости отъ неба. Изученіе неба, астрономія, составленіе календаря, указывающаго счастливые и несчастливые дни, считается очень важнымъ и почетнымъ дѣломъ. Въ Китаѣ занятіе астрономіей и составленіе календаря было въ рукахъ магометанъ, допустившихъ въ теченіе

времени множество ошибокъ и несообразностей. Среди миссіонеровъ былъ ученый и образованнѣйшій іезуитъ Адамъ Шалль, прибывшій въ Пекинъ въ 1622 году, при династіи Минговъ, цѣнившихъ вообще ученыхъ людей. Ему поручено было исправленіе календаря и завѣдываніе астрономическимъ приказомъ. Вліяніе его при дворѣ было громадное и сохранилось при новой династіи Тзинговъ, низпровергнувшихъ династію Минговъ. Онъ не только сохранилъ отъ разрушенія всѣ христіанскія церкви, но получилъ въ подарокъ отъ новаго императора участокъ земли, на которой началъ въ 1650 году постройку храма Nang-tang, сожженного и разрушеннаго боксерами въ 1900 году.

Желая особенно почтить выдающіяся способности Шалла, императоръ издалъ декретъ, которымъ присвоилъ ему титулъ „человѣка мудраго и ученаго“, а по обычаю китайскому почтилъ и память предковъ, издавъ эдикты въ честь его отца и матери, назвавъ перваго „человѣкъ удивительнаго благочестія“, а вторую „женщина великой святости“. По смерти богдыхана управленіе государствомъ перешло къ 8-милѣтнему Канси, будущему знаменитому государю. Избраны были четверо регентовъ, которые обвинили миссіонера въ распространеніи ложныхъ ученій, въ составленіи

заговора противъ государя и заключили въ тюрьму, въ цѣпи, вмѣстѣ съ тремя другими миссіонерами. Большой, истощенный 75-лѣтній Шалль былъ приговоренъ сперва къ удавленію, но судьи замѣнили эту казнь расчѣченіемъ на площади на 10 тысячъ кусковъ, что совершается только надъ отцеубійцами. Землетрясеніе и пожаръ императорскаго дворца заставили отложить приведеніе казни въ исполненіе и тѣмъ временемъ несчастный умеръ въ 1666 году. Нѣсколько лѣтъ спустя, невиновность его была установлена и императоръ Канси повелѣлъ на государственный счетъ поставить великолѣпный мавзолей на его могилѣ. Миссіонеры подверглись также преслѣдованію и астрономическія наблюденія опять попали въ руки магометанъ. Разслѣдовавъ дѣло объ миссіонерахъ, Канси отмѣнилъ преслѣдованія и пригласилъ опять занять должность астронома извѣстнаго ученаго Фердинанда Вербиста, который вскорѣ сталъ имѣть громадное вліяніе на императора и сохранилъ это вліяніе до самой своей смерти. Вербистъ устроилъ въ Пекинѣ замѣчательную обсерваторію, инструменты которой поражали изящностью отдѣлки и точностью исполненія, каковы напр. глобусы звѣзднаго неба, млечный путь, расположеніе свѣтилъ въ полушаріяхъ. Эти инструменты нѣмцы

увезли изъ Пекина въ Берлинъ въ 1901 году. По смерти Вербиста враги старались возстановить Канси противъ миссіонеровъ, но императоръ остался справедливымъ и не подвергалъ ихъ преслѣдованіямъ. Вскорѣ даже приблизилъ нѣкоторыхъ къ себѣ, такъ-какъ миссіонеры, впервые получивъ хининъ, вылѣчили отъ ужасной лихорадки многихъ сановниковъ и самого императора, за что онъ подарилъ имъ участокъ земли, на которомъ построены былъ еще новый храмъ. Къ концу царствованія отношенія Канси къ іезуитамъ значительно ухудшились, что объяснялось постояннымъ участіемъ ихъ въ политическихъ и придворныхъ интригахъ, а также выражаемыми ими порицаніями соблюдающимся строго при дворѣ церемоніямъ. Отношенія обострились даже до того, что Канси издалъ указъ, запрещающій пріѣздъ тѣхъ миссіонеровъ, которые не дадутъ подписки, что навсегда останутся въ Пекинѣ и не будутъ вмѣшиваться въ дѣла церемоній. Надежды такимъ образомъ іезуитовъ сдѣлать изъ Канси китайскаго Константина не удались. Послѣ смерти Канси въ 1722 г. преемники его относились подозрительно къ дѣятельности миссіонеровъ, а придворные сановники и губернаторы требовали изгнанія миссіонеровъ, какъ людей вредныхъ, и обращенія ихъ цер-

квей и зданій въ зданія для общественныхъ нуждъ, какъ напр. въ склады зерна и т. д. Въ Пекинѣ многія церкви были обращены въ склады, а утварь и священныя картины сожжены. На поданное миссіонерами императору прошеніе послѣдовалъ суровый отвѣтъ, выяснившій вредъ христіанской религіи для китайской самостоятельности. „Вы хотите—отвѣчалъ богдыханъ,—чтобы всѣ китайцы сдѣлались христіанами, этого требуетъ ваша вѣра, но что же станетъ съ нами? Мы станемъ подданные вашихъ королей! Христіане, которыхъ вы создаете, признаютъ только васъ; въ годину смутъ они слушаютъ только вашего голоса. Я разрѣшаю вамъ жить только въ Пекинѣ и Кантонѣ, и то если вы не дадите повода къ жалобамъ на васъ, иначе нигдѣ не будетъ позволено вамъ жить. Отъ вашего отсутствія Китай ничего не потеряетъ“. Такой суровый отвѣтъ объясняется интригами, въ которыхъ были замѣшаны родственники короля, бывшіе христіанами, изгнанные затѣмъ, а частью заключенные въ тюрьму. Несмотря на посольства изъ Рима отъ папъ съ подарками и просьбами оказывать содѣйствіе миссіонерамъ, послѣдніе теряли все болѣе и болѣе свое значеніе и были лишь терпимы при дворѣ только тѣ, которые были необходимы или своими знаніями или искусствомъ, каковы:

іезуитъ Parrenin, который велъ переговоры на латинскомъ языкѣ съ русскимъ посольствомъ, іезуитъ Castiglione, который живописью украшалъ стѣны дворца богдыхана, или миссіонеры математики, астрономы, строители, техники. Храмы предавались разрушенію, а миссіонеры подвергались преслѣдованіямъ, осужденіямъ и казнямъ. Время отъ 1763 года по 1860 годъ было самымъ тяжелымъ періодомъ въ жизни миссіонеровъ-католиковъ въ Китаѣ. Много погибло изъ нихъ въ тюрьмахъ, приговоренные къ удавленію, а изъ храмовъ осталось всего лишь три не отнятыхъ, въ которыхъ доживали въ страхѣ свой вѣкъ старики. Въ 1783 году всѣ церкви и учрежденія, бывшія до этого въ вѣдѣніи іезуитовъ, переданы въ вѣдѣніе лазаристовъ. Насколько тяжело было время это для миссіонеровъ, видно изъ слѣдующаго факта: въ 1838 году въ Пекинѣ скончался оставшійся единственнымъ миссіонеромъ епископъ Pires, 71 года, прожившій въ Пекинѣ 38 лѣтъ и охранявшій самый первый храмъ Nang-tang и его богатую старинную библіотеку. Всѣ бывшіе ранѣе миссіонеры были изгнаны и погребеніе епископа Pires совершилъ архимандритъ православной духовной миссіи. Чтобы спасти отъ разграбленія храмъ Nang-tang и его богатую библіотеку, епископъ Pires еще при жизни

передалъ право на него русской православной миссіи. Храмъ послѣ смерти епископа былъ запертъ и только въ 1860 году, когда католическіе миссіонеры получили снова доступъ въ Пекинъ, имъ были въ цѣлости и полной сохранности возвращены какъ богатая старинная библіотека въ 6 тысячъ томовъ, такъ и вся утварь и всѣ принадлежности, которыя покойный епископъ Rigès довѣрилъ русскому православному братству.

Миссіонерскій вопросъ особенно существеннаго значенія самъ по себѣ не имѣлъ бы, если бы имъ не пользовались миссіонеры ради интригъ и дипломаты въ своихъ видахъ. Миссіонерскій вопросъ за послѣдніе годы сразу получилъ значеніе съ легкой руки нѣмецкой политики, пожелавшей получить плату за кровь своихъ проповѣдниковъ, пролитую въ Шандунской провинціи, причемъ плата состояла не только изъ денежныхъ суммъ и земель, но и изъ вмѣшательства въ государственныя права Китая по управленію. Въ настоящее время наиболѣе распространенными въ Китаѣ являются католическіе миссіонеры различныхъ національностей. Есть католическія миссіи, состоящія изъ миссіонеровъ-бельгійцевъ въ Сѣверной Монголіи, есть католическія миссіи, состоящія изъ миссіонеровъ-нѣмцевъ на Шандунскомъ полу-

островѣ, но наиболѣе—миссіонеровъ-французовъ. Во всемъ Китаѣ считается 25 католическихъ епископовъ, въ вѣдѣніи которыхъ насчитывается до милліона христіанъ-католиковъ. Миссіонеровъ-протестантовъ сравнительно немного, но зато съ каждымъ годомъ число ихъ увеличивается. Миссіонеры-американцы и американки образовали уже въ различныхъ мѣстахъ Китая цѣлыя колоніи, по-выстроили себѣ дачи и живутъ семьями. Они насчитываютъ у себя свыше 80-ти тысячъ послѣдователей.

Подозрительность и недовѣріе китайскаго правительства и народа поддерживаются и понынѣ тѣмъ обстоятельствомъ, что они не могутъ уяснить цѣли, съ которою миссіонеры такъ упорно стараются проникнуть въ Китай, чтобы обращать китайцевъ въ христіанство. Даже въ настоящее время мнѣ приходилось слышать отъ образованныхъ китайцевъ слѣдующее недоумѣніе. Миссіонеры, — говорили они, — приходятъ издалека, это путешествіе имъ стоитъ очень дорого, жизнь въ Китаѣ обходится тоже не дешево, но деньги они получаютъ изъ своихъ государствъ. Кто же имъ можетъ высылать такія значительныя суммы денегъ, какъ не ихъ государи? Какая, наконецъ, ихъ цѣль дѣлать непременно китайцевъ христіанами? Несомнѣнно, что они

получаютъ за это какую-нибудь выгоду, такъ какъ ни одинъ человѣкъ ничего даромъ не дѣлаетъ. Что же имъ за забота о томъ, будутъ китайцы христіанами или нѣтъ? Какъ ни старался я доказать своему собесѣднику идею спасенія души за обращеніе язычниковъ въ христіанство, я не могъ достигнуть того, чтобы мой китаецъ понялъ и согласился, что, будучи прекраснымъ во всѣхъ отношеніяхъ человѣкомъ, но не-христіаниномъ, нельзя наслѣдовать райской жизни. Образованные китайцы никакъ не могутъ уяснить себѣ основныхъ догматовъ христіанства, признавая въ то же время Евангеліе великой книгой истины. До сихъ поръ, несмотря на старанія миссіонеровъ, не удалось обратить въ Китаѣ въ христіанство ни одного образованнаго китайца, ни одного чиновника. Мнѣ извѣстно отъ достовѣрныхъ людей, что самъ Ли-Хунъ-Чангъ заставлялъ читать себѣ Евангеліе и старался ознакомиться серьезно съ содержаніемъ христіанскаго ученія; я слыхалъ отъ нашихъ православныхъ миссіонеровъ, къ которымъ приходили серьезные и образованные китайцы знакомиться съ содержаніемъ христіанскаго ученія: они уходили совершенно неудовлетворенные, такъ какъ, задавая вопросъ, „почему такое высокое христіанское ученіе не соблюдается самими европейцами-хри-

стіанами“, получали неудовлетворительный отвѣтъ, что среди европейцевъ нѣтъ истинныхъ послѣдователей въ духѣ христіанскаго ученія. Вотъ почему образованные китайцы, воспитанные на раціоналистическомъ ученіи Конфуція, охотно придерживаются самыхъ дикихъ суевѣрій, но считаютъ христіанство или великимъ заблужденіемъ, или просто обманомъ со стороны распространяющихъ его миссіонеровъ.

Въ недавнее еще время одинъ изъ мандариновъ подалъ докладную записку богдыхану, въ которой высказалъ, что миссіонеры стараются развратить народное сознаніе и тайнымъ образомъ готовятъ революцію. Если бы не эта была цѣль съ ихъ стороны,—говорить онъ,—то миссіонеры довольствовались бы проповѣдью своего вѣроученія въ своей собственной странѣ. Всѣ благодѣянія миссіонеровъ для бѣдныхъ—только хитрость, чтобы привлечь къ себѣ народное сердце. Недовѣріе къ христіанскому ученію поддерживается среди китайцевъ еще и той борьбой и несогласіями, которыя китайцы наблюдаютъ въ средѣ самихъ миссіонеровъ католиковъ и протестантовъ. До 1860 года доступъ миссіонерамъ въ Китай былъ разрѣшенъ только католикамъ, съ этого же года дано было разрѣшеніе и протестантамъ, ан-

гличанамъ и американцамъ, причемъ первые годы протестантамъ не разрѣшалось проникать внутрь страны, а позволено было селиться только въ портовыхъ городахъ. Здѣсь миссіонеры открывали школы, больницы, типографіи, занимались переводомъ Библии и Священнаго Писанія въ извлеченіяхъ на китайскій языкъ и распространяли свои религіозныя воззрѣнія путемъ печати. Такимъ образомъ миссіонеры-протестанты образовали сперва въ Китаѣ библейское Общество. Когда же члены этого Общества получили право посылать и отъ себя миссіонеровъ во внутрь страны, то получился для христіанъ-китайцевъ большой соблазнъ. Китайцы увидали, что бокъ - о - бокъ съ миссіонерами - католиками, строго придерживавшимися обѣтовъ монашества, появились миссіонеры-міряне съ женами, дѣтьми, которые, селясь семьями, устраивали жизнь свою съ полнымъ комфортомъ, а въ проповѣдяхъ своихъ объясняли, что вся организація христіанская правильна только у нихъ, у протестантовъ, такъ какъ согласна съ евангельскимъ ученіемъ, а у миссіонеровъ-католиковъ она неправильная. Можно себѣ представить, какой ужасъ обуялъ миссіонеровъ-католиковъ съ появленіемъ протестантовъ! Китайцы же, столь наблюдательные по своей природѣ, сразу обратили вниманіе на

возникшіи разладъ и открыто высказывали, что если сами миссіонеры несогласны въ своей вѣрѣ, то, значить, и нѣтъ правды въ словахъ ихъ ученія.

Не довольствуясь мирной пропагандой христіанства, миссіонеры въ каждомъ случаѣ возникавшихъ недоразумѣній между китайцами-христіанами и язычниками брали всегда сторону христіанъ и добивались для нихъ благопріятныхъ рѣшеній въ ущербъ интересовъ китайцевъ - язычниковъ. Отсюда — начало враждебныхъ отношеній между тѣми и другими у себя въ селеніяхъ. Китайцы-христіане чувствовали въ себѣ силу, опираясь на миссіонеровъ, а китайцы-язычники видѣли вторженіе неправды въ простую и до появленія среди нихъ миссіонеровъ и христіанъ понятную всѣмъ общую жизнь. Миссіонеры стали вмѣшиваться и въ дѣятельность китайцевъ-чиновниковъ, подавая на нихъ жалобы и опираясь въ свою очередь на вліяніе дипломатовъ, взявшихъ подъ свою защиту пропаганду миссіонеровъ. По жалобамъ миссіонеровъ чиновники подвергались карамъ. Отсюда—озлобленіе и подстрекательства чиновниками китайцевъ-язычниковъ противъ миссіонеровъ и китайцевъ-христіанъ. Чѣмъ настойчивѣе становились миссіонеры и чѣмъ требовательнѣе ихъ защитники - дипломаты,

тѣмъ глубже и упорнѣе расходилась вражда, и подпольная борьба народа противъ миссіонеровъ.

Борьба обострялась. У китайскаго народа вырывали земли, отнимали богатства и отдавали частью европейцамъ, частью миссіонерамъ. Вырастали европейскія предпріятія, отъ которыхъ однако бѣднѣлъ китайскій народъ, воздвигались христіанскіе храмы бокъ-о-бокъ съ его святынями, разорялись могилы предковъ, отчуждаемыя подъ желѣзные дороги чужеземцевъ. Тѣснимый съ двухъ сторонъ и не видя нигдѣ выхода, китайскій народъ, очертя голову, бросился сразу на обоихъ своихъ враговъ, желая поразить ихъ однимъ взмахомъ. Бросившись на враговъ очертя голову, китайскіе патріоты не подумали только о томъ, что не тупой саблей и копьемъ боксера и не обветшалыми формами своей политической жизни освободить имъ свою родину отъ враговъ, вооруженныхъ усовершенствованными ружьями и орудіями и обученныхъ особой наукѣ, состоящей въ ловкости и умѣньи, смотря по времени и обстоятельствамъ, дѣлать изъ чернаго бѣлое, а изъ бѣлаго черное. Китайскіе патріоты не подумали, что бороться съ врагомъ нужно его же средствами: противъ кулака—такой же кулакъ, а вмѣсто „вѣжливости“, въ которой китаецъ

воспитанъ своими мыслителями, должно выдвинуть ту же науку, которая создана въ Европѣ и которую только теперь такъ хорошо уразумѣлъ отставшій отъ Запада, бывшій долгое время неподвижнымъ Китай...

ГЛАВА IX.

Всякій русскій, который входилъ въ Китай десять лѣтъ тому назадъ, т. е. въ то время, когда еще не было ни желѣзныхъ дорогъ, ни быстроходнаго пароходства, а путь приходилось совершать или въ телѣгахъ на лошадяхъ и верблюдахъ, или въ носилкахъ на мулахъ, переживалъ много сильныхъ ощущеній и впечатлѣній.

Ему приходилось самому входить въ народную китайскую жизнь и отказываться отъ всѣхъ своихъ привычекъ и обычаевъ. Теперь не то: благодаря желѣзнодорожному пути китайскій народъ можно видѣть только изъ оконъ вагона, а быта его и жизни его можно и совсѣмъ не видать.

Не смотря на то, что въ настоящее время каждый европеецъ, попадающій въ Китай, много выигралъ въ быстротѣ и удобствахъ сообщеній, онъ очень много потерялъ, не имѣя возможности переживать тѣ旅途ныя ощущенія и впечатлѣнія, которыя и составляли всю прелесть прежняго путешествія и

оставались памятными на всю жизнь, хотя и бывали подчасъ тяжелы. Въ настоящее время народная китайская жизнь ушла отъ взора европейца.

Я еще засталъ конецъ прежняго стараго времени китайской жизни. Я помню и то сильное впечатлѣніе, которое произвела на меня народная китайская жизнь, я помню и то волненіе, почти трепеть, съ которымъ я собирался на аудіенцію во дворецъ къ китайскому императору.

Видѣть китайскаго императора европейцу можно было только или при новогодней аудіенціи, когда приносить новогоднія поздравленія весь дипломатическій корпусъ, или когда представлялъ императору новый посланникъ свои вѣрительныя грамоты, или въ случаѣ какого либо особаго выдающагося событія.

Мнѣ посчастливилось за бытность мою въ Пекинѣ нѣсколько разъ видѣть китайскаго императора и китайскую императрицу правительницу.

Императрица стала принимать новогоднія поздравленія отъ дипломатическаго корпуса только съ 1899 года, когда взяла въ свои руки правленіе государствомъ, а до этого года принималъ европейцевъ на аудіенціи только императоръ.

Я опишу здѣсьту аудіенцію, которая имѣетъ для русскихъ историческій интересъ именно представленіе посольства князя Э. Э. Ухтомскаго съ подарками отъ Его Императорскаго Величества императору китайскому и императрицѣ матери.

Прибытіе посольства князя Э. Э. Ухтомскаго составило цѣлое событіе въ жизни не только китайской и русской, но и европейской.

Всѣ задолго интересовались прибытіемъ этого посольства въ Пекинъ, особенно когда оно уже вступило въ предѣлы Китая.

Уже доходили до насъ слухи о торжественномъ приѣмѣ, оказанномъ посольству въ Шанхаѣ, но особенно блестящъ и „по-царски“ былъ сдѣланъ приѣмъ князю со стороны китайцевъ въ Тянь-Цзинѣ. Китайское населеніе въ Пекинѣ давно уже ожидало приѣзда посольства и первые слухи проникли въ толпу еще въ февралѣ, когда распространилась молва, что въ Пекинъ приѣдетъ русскій Царь и что богдоханъ выѣдетъ на встрѣчу за 20 верстъ. Слухъ этотъ, быстро облетѣвшій Пекинъ, скоро замѣнился подлиннымъ, что ѣдетъ князь съ подарками для богдохана, чтобы благодарить за высокое посольство Ли-Хунъ-Чанга. Когда молва народа ясно подтвердилась назначеніемъ посломъ князя Ухтомскаго, тогда по Пекину стали ходить слухи и до-

гадки самыя разнообразныя, смотря по источнику, откуда они исходили. Изъ усть европейцевъ приходилось слышать, что князь везетъ съ собою особыя таинственныя инструкціи для переговоровъ о заключеніи союза, объ уступкѣ бухты, о постройкѣ Манчжурской дороги, и, наконецъ, предложеніе протектората со стороны Россіи. Китайцы убѣжденно говорили, что идетъ десять тысячъ русскаго войска, которое займетъ Манчжурію, и тогда всѣмъ приказано будетъ обрѣзать косы и носить волосы по-русски. Китайцы въ Пекинѣ съ большимъ интересомъ ожидали прибытія посольства и относились чрезвычайно сочувственно къ русскимъ. Но вотъ настало и 9-е (21-е) мая, день прибытія посольства изъ Тянь-Цзина въ Пекинъ. Толпы народа двинулись къ конечному пункту строящейся желѣзной дороги—Фынъ-тай. Хотя часъ прибытія поѣзда былъ измѣненъ на болѣе ранній, нежели предполагалось по слухамъ, тѣмъ не менѣе встрѣтить посольство князя собралось тысячъ 20 народу.

Плотной стѣной стояла толпа, жадно ловя моменты остановки поѣзда, выхода прибывшихъ изъ вагоновъ, но видѣть кое-что могли только передніе ряды, такъ какъ князь и его свита тотчасъ же сѣли въ паланкины и отнесены были въ раскинутый по близости ша-

теръ, гдѣ предложенъ былъ китайскій завтракъ. Отдохнувъ, всѣ прибывшіе въ паланкинахъ отправились въ Пекинъ, въ русское посольство, въ которомъ отведено было князю помѣщеніе посланника. Посреди тѣсной толпы проносили носилки, но, согласно съ китайскимъ этикетомъ, толпа хранила молчаніе. Кричать и производить шумъ въ присутствіи сановника значитъ нанести ему оскорбленіе, вотъ почему всѣ официальные тосты за здоровье государя, сановниковъ, принимаются у китайцевъ въ глубокомъ молчаніи. По прибытіи князя въ русское посольство черезъ часъ къ нему принесенъ былъ съ визитомъ Ли-Хунъ-Чангъ. Князь представилъ Ли-Хунъ-Чангу своихъ спутниковъ и затѣмъ долго бесѣдовалъ съ нимъ отдѣльно.

Съ прибытіемъ князя Ухтомскаго жизнь забила ключемъ въ русской колоніи. Разборка Высочайшихъ подарковъ, изъ которыхъ большинство дошло превосходно и разбились только мраморныя доски пьедестала подъ громадную вазу изъ лапись-лазури. Подарки были разставлены въ большомъ залѣ посольства и поражали всѣхъ своимъ изяществомъ и цѣнностью. Несомнѣнно, что выборъ большинства подарковъ сдѣланъ весьма удачно и понравится богдохану и китайскимъ сановникамъ. Кромѣ подарковъ императору и импе-

ратрицѣ матери были подарки: дядѣ императора князю Гун-цин-вану, всѣмъ министрамъ цзун-ли-ямыня, начальникамъ чахарскихъ знаменъ (отдѣльныя китайскія войска раздѣляются на знамена), хутухтѣ, амбанямъ и другимъ сановникамъ.

Высочайшіе подарки состояли изъ слѣдующихъ вещей.

Богдохану была предназначена группа изъ серебра работы Овчинникова, представляющая освобожденіе Болгаріи. Русскій витязь на конѣ, котораго ведетъ подъ уздцы русскій крестьянинъ въ лаптяхъ, разрываетъ цѣпь рабства, лежащую подъ ногами коня. Устремени витязя, цѣлуя край спускающагося знамени, стоитъ женщина-болгарка, держа за руку ребенка, имѣющаго на рукѣ щитъ съ гербомъ Болгаріи. Группа поставлена на пьедесталь изъ гранита, по бокамъ котораго находятся отлитыя изъ серебра фигуры черногорца и болгарина. Хотя группа уноситъ насъ къ другому великому событію, которое совершилъ русскій народъ, но китайцы не преминутъ увидать здѣсь намекъ на то, что въ трудныхъ для нихъ политическихъ обстоятельствахъ Россія для Китая можетъ быть таковымъ же витяземъ. Стоимость группы свыше семи тысячъ рублей. Затѣмъ слѣдуетъ хрустальная роскошная ваза отъ Верфиля, *Surtout de table*

отъ Фаберже, братина съ 12-ю чарками отъ Овчинникова роскошной работы въ русскомъ стилѣ съ эмалью, и три шкуры чернобурыхъ лисицъ. Лисицы произвели громадное впечатлѣніе: китайцы любятъ и цѣнятъ мѣха, но такого высокаго достоинства едва ли имъ приходилось видѣть.

Императрицѣ матери подарки состояли изъ знаковъ ордена св. Екатерины, для нехристіанъ установленныхъ, брилліантовой діадемы цѣною свыше 5-ти тысячъ, серебрянаго туалетнаго сервиза, булавки для волосъ, состоящей изъ золотой съ брилліантами змѣйки съ громаднымъ рубиномъ. Этотъ подарокъ, какъ имѣющій тотчасъ же примѣненіе, будетъ оцененъ по достоинству; китайцы чрезвычайно любятъ драгоценные камни. Затѣмъ вѣеръ бѣлый атласный, съ рисункомъ, въ золотыхъ створкахъ, столикъ изъ лаписъ-лазури, фонографъ. Императрица мать весьма интересуется всѣми новыми изобрѣтеніями: въ ея дворцѣ заведено уже и электрическое освѣщеніе, электрическіе звонки, еще въ прошломъ году доставлены были изъ Парижа фонографы; на пруду въ ея паркѣ плаваютъ пароходы, а въ паркѣ ходитъ электрическій локомотивъ. Кромѣ вещей, императрицѣ назначено много матерій: атласы, затканые золотомъ, серебромъ, парча, золотой и серебря-

ный муаръ, бархатъ. Принцу Гун-цин-вану назначены: братина съ шестью чарками работы Грачева, пара каменныхъ вазъ изъ орлеца, серебряная вазочка-цѣтухъ отъ Фаберже, столикъ изъ лаписъ-лазури и малый каменный туалетный сервизъ. Ли-Хунъ-Чангу назначены серебряный чайный сервизъ, пара графиновъ отъ Грачева, бриллиантъ на шапку, модель памятника Петра Великаго, флаконъ для табаку. Ли-Хунъ-Чангъ несомнѣнно будетъ доволенъ подаркомъ модели памятника Петру Великому. Какъ всѣ китайцы, онъ во всемъ будетъ видѣть символъ. Будучи несомнѣнно выдающимся государственнымъ человѣкомъ въ Китаѣ, онъ будетъ польщенъ, что подносятъ ему памятникъ великаго человѣка. Изъ современныхъ государственныхъ дѣятелей Ли-Хунъ-Чангъ особенно высоко ставитъ Гладстона, отъ котораго имѣетъ фотографическую карточку съ собственноручною надписью великаго старца. Въ кабинетѣ Ли-Хунъ-Чанга на столѣ его стоитъ фотографическая группа изъ 3-хъ карточекъ, вставленныхъ въ одну рамку, а именно: посреди карточка Ли-Хунъ-Чанга, по правую руку—Гладстона, а по лѣвую—Бисмарка. Всѣмъ остальнымъ министрамъ цзунъ-ли-ямыня также прислано по бриллианту на шапку и разные подарки, состоящіе изъ серебряныхъ ковшей, ендовъ,

стакановъ, бокаловъ съ эмалью работы Грачева и Овчинникова, каменныхъ вазъ изъ яшмы; нѣкоторыя чрезвычайно изящной рѣзной работы. Такъ, двѣ вазочки изъ темной яшмы, представляющія рѣзной листъ, стоимостью въ 2,200 рублей, поражаютъ тонкостью работы. Серебряные стаканы представляютъ изъ себя изображенія головъ звѣрей. Амбаниямъ, кромѣ вышепоименованныхъ подарковъ, присланы золотые часы съ цѣпочкою и сукна на верхнюю одежду. Общее количество подарковъ простирается на сумму свыше 70 тыс. руб.

Когда всѣ вещи были разставлены и составленъ былъ ихъ списокъ на китайскомъ языкѣ, тогда дано было знать въ цзунъ-лиямынь, и оттуда присланы были чиновники и рабочіе, чтобы принять вещи. Рабочіе принесли съ собою желтые ящики, въ которые должны были быть положены подарки. Желтый цвѣтъ—цвѣтъ императорскаго дома, а потому все, что подносится императору, должно имѣть или быть подносимо на желтоцвѣтныхъ принадлежностяхъ. Переноска подарковъ совершилась самымъ примитивнымъ способомъ: пришедшіе китайцы-рабочіе положили ихъ въ ящики, обвязали веревками, перекинули на длинныя коромысла и длинной процессіей, одна пара за другой, потянулись изъ воротъ посольства посреди толпы и въ

тучахъ пыли, поднимаемой въ этотъ день сильнымъ вѣтромъ и ихъ собственными ногами. Въ этотъ же день Ли-Хунъ-Чангъ давалъ обѣдъ у себя въ домѣ для князя Ухтомскаго и его свиты. Обѣдъ прошелъ чрезвычайно оживленно и отличался радушной искренностью. Ли-Хунъ-Чангъ вспоминалъ свой пріемъ въ Петербургѣ и Москвѣ, то вниманіе и расположеніе, которое онъ тамъ встрѣтилъ, и выразилъ надежду на упроченіе дружбы между Россіей и Китаемъ.

14-го мая 1897 года, въ 7 час. утра, вся русская колонія въ Пекинѣ, во главѣ съ кн. Ухтомскимъ, присутствовала на аудіенціи во дворцѣ богдохана. Императорскій или Красный городъ, по имени окружающей его каменной, краснаго цвѣта, стѣны, находится недалеко отъ посольства, внутри манчжурскаго города, также обнесеннаго на протяженіи 30-ти верстъ стѣной, отдѣляющей его отъ туземнаго китайскаго города. Такимъ образомъ, Пекинъ состоитъ изъ трехъ городовъ, заключенныхъ въ стѣнахъ одинъ другого. Для доставленія русскаго посольства во дворецъ были присланы придворные паланкины.

Выходъ русской колоніи изъ воротъ русскаго посольства представлялъ чрезвычайно живописную и грандіозную картину, видимо производившую на стоявшія толпы китайцевъ

сильное впечатлѣніе. Въ первомъ паланкинѣ въ мундирѣ камеръ-юнкера, имѣя черезъ плечо ленту китайскаго ордена Двойного Дракона, вынесенъ былъ князь Ухтомскій. По сторонамъ паланкина ѣхали по два казака Забайкальскаго войска въ полномъ вооруженіи. За княземъ несли паланкины остальныхъ членовъ посольства и атташе. Все шествіе состояло изъ 22-хъ паланкиновъ, растянувшихся на большое пространство. Но при приѣмѣ этого экстреннаго по значенію для Китая посольства китайцы остались сами собой: всѣ и все оставалось обычно на своихъ мѣстахъ,—улица, по которой направлялось посольство ко дворцу, не была полита, и пыль тучей носилась вокругъ, скрывая изъ глазъ ближайшіе предметы (китайцы поливаютъ улицы только послѣ полудня); навстрѣчу движенію посольства такъ же свободно, какъ и всегда, шли караваны верблюдовъ, галоппировали ослики съ сѣдоками-китайцами, везли полные возы овощей, главнымъ образомъ луку, чесноку, капусты, редиски. Жизнь города не измѣнилась ни на одну линію, все шло своей колеей. Несмотря на такой ранній часъ, съ приближеніемъ къ стѣнамъ Краснаго императорскаго города толпы китайцевъ становились все гуще. Нигдѣ по улицамъ ни одного полицейскаго, и только при входѣ въ первая

ворота города вдоль пути шествія стояли полицейскіе солдаты съ тонкими бамбуковыми палочками, которыми они сдерживали толпу, заставляя сохранять прямую линію и не выдаваться впередъ. Такой ранній часъ аудіенціи не есть исключеніе: дѣловая жизнь во дворцѣ богдохана начинается съ 4-хъ часовъ утра, когда уже пріѣзжаютъ съ докладами министры. Аудіенціи начинаются съ 5-ти часовъ утра и часто даже по ночамъ, когда есть дѣла особой важности. Но зато съ вечера, съ заходомъ солнца прекращается и самая дѣятельность.

Но вотъ шествіе переступило порогъ красной стѣны и вошло въ улицу, проложенную внутри наружнаго дворцоваго двора. По сторонамъ улицы находятся обычныя китайскія лавки, а улицы и дворъ имѣютъ обычный китайскій видъ, хотя менѣе грязный. Вдоль улицы по обѣимъ сторонамъ густо стоитъ толпа съ выдѣляющимися солдатами, поставленными для порядка. Надо отдать справедливость: толпа держитъ себя поразительно сдержанно, не лѣзетъ впередъ, не шумитъ, но молча, съ жаднымъ любопытствомъ нагибается, чтобы только заглянуть внутрь паланкина. При видѣ китайской толпы является всегда желаніе проявить на бумагѣ тѣ типичныя и въ то же время чрезвычайно

разнообразныя выраженія любопытства, которымъ дышатъ лица китайцевъ. Большинство буквально замираетъ, созерцая „заморскихъ чертей“; на лицахъ читаешь и выраженіе безотчетнаго страха и любопытства, преодолюющаго этотъ страхъ. То попадаются лица съ разинутыми ртами и выпученными глазами, то блѣдныя, сосредоточенно устремленныя внутрь паланкина, то смѣющіяся, то глубоко озабоченныя, но глаза всѣхъ прикованы къ одному и тому же.

Наконецъ, носилки поднесли ко вторымъ воротамъ, гдѣ уже группами стояли китайцы-чиновники, которые и приняли прибывшихъ членовъ посольства и проводили чрезъ ворота въ слѣдующій дворъ, также обнесенный каменной стѣной, но уже съ мощеными дорожками и совершенно чистый и незастроенный. Пройдя этотъ дворъ, черезъ маленькую дверку въ стѣнѣ прибывшіе вошли въ третій небольшой дворикъ, гдѣ находится обычное китайской архитектуры зданіе, въ дверяхъ котораго встрѣтили прибывшихъ китайскіе министры и ввели въ павильонъ, состоявшій изъ трехъ комнатъ. Въ средней, проходной, нѣтъ никакого убранства. Только съ потолка спускаются четыре деревянныхъ черныхъ рѣзныхъ китайскихъ фонаря съ красными кистями внизу и съ гіероглифами

на стеклахъ, означающихъ пожеланіе долголѣтія и благополучія, а на стѣнахъ повѣшены картины съ изображеніемъ сценъ изъ китайской мифологіи. Въ боковыхъ двухъ комнатахъ вдоль стѣнъ идутъ широкія скамьи (каны), застланныя сукномъ, съ стоящими около нихъ маленькими красненькими столиками, на которые тотчасъ же слуги-китайцы поставили чашки съ чаемъ. Перегородки комнатъ деревянные, рѣзные, наподобіе рамъ; потолки раскрашены обильно драконами. Въ этомъ павильонѣ, обычно служащемъ помѣщеніемъ дежурныхъ чиновниковъ, собирается обыкновенно дипломатическій корпусъ въ ожиданіи аудіенціи. На этотъ разъ особенно заинтересовалъ китайскихъ министровъ кн. Волконскій, бывшій въ полной кавалергардской формѣ. Внимательно разсмотрѣли они каску, спросили о значеніи орла на каскѣ, подивились кирасѣ, потрогали ее, пощупали и рѣшили—хорошо, но тяжело и неудобно. Въ 8 часовъ пригласили слѣдовать въ аудіенцъ-залу, гдѣ уже находился богдоханъ, встрѣтившій посольство съ нескрываемымъ удовольствіемъ и любезно отвѣтившій поклономъ головы на привѣтствіе вошедшихъ.

Аудіенцъ-зала — большая комната; стѣны ея гладки, потолокъ разрисованъ правильными синими квадратами, въ которыхъ вписаны зеленые драконы. На возвышеніи, по-

крытомъ краснымъ сукномъ и украшенномъ по краямъ золотою тесьмою, находился большой столъ, также покрытый краснымъ; на столѣ стояли курильницы и нѣсколько другихъ предметовъ, имѣющихъ охраняющее значеніе отъ порчи. По бокамъ стола, на высокихъ древкахъ, возвышались опахала изъ павлиньихъ перьевъ. За столомъ на деревянномъ креслѣ съ высокой спинкой сидѣлъ императоръ, сзади котораго на стѣнѣ была красная большая таблица съ гіероглифами, видимо довольно старинная. Императоръ — худощавый, невысокаго роста, лѣтъ 25-ти, очень симпатичный по виду, серьезный, съ озабоченнымъ и утомленнымъ видомъ. Лицо матово-смуглое, глаза миндалевидной формы, черные, съ густыми красивыми рѣсницами. Нѣтъ ни усовъ, ни бороды. Одѣтъ въ обычный китайскій костюмъ — курму темно-синяго цвѣта съ нашитыми на плечахъ и груди драконами. На головѣ шапка манчжурскаго образца, съ соболинымъ околышемъ и краснымъ верхомъ.

Къ возвышенію ведутъ четыре лѣсенки, покрытыя также краснымъ сукномъ съ золотою тесьмой и съ золочеными перилами по бокамъ. Вдоль стѣнъ къ возвышенію стояла въ одинъ рядъ съ обѣихъ сторонъ стража, одѣтая въ коричневые кафтаны, съ саблями у пояса, обращенными рукояткою назадъ.

На рѣчь князя Ухтомскаго богдоханъ отвѣтилъ выраженіемъ удовольствія и дружескихъ чувствъ, которыя онъ питаетъ къ Россіи.

Послѣ обмѣна рѣчей всѣ мы удалились изъ аудіенцъ-залы и тѣмъ же порядкомъ всѣ возвратились въ русское посольство.

Пріѣздъ князя Э. Э. Ухтомскаго совпалъ и съ другимъ важнымъ событіемъ, имѣвшимъ громадное историческое значеніе для русскаго дѣла на Дальнемъ Востокѣ. На другой день послѣ аудіенціи послѣдовало 15-го мая открытіе въ Пекинѣ русско-китайскаго банка. Если мы вспомнимъ тѣ препятствія, которыя приходилось преодолевать представителямъ русской мысли и русскихъ интересовъ, если вспомнимъ все то недоброжелательство и интриги, которыя пускались въ ходъ, чтобы помѣшать, чтобы подорвать довѣріе къ начинаемому русскому дѣлу, то смѣло можемъ сказать, что, благодаря энергіи, смѣлой мысли и политической мудрости представителей нашихъ, это истинно русское дѣло увѣнчалось блестящимъ успѣхомъ. Русско - китайскій банкъ открытъ въ Шанхаѣ 1-го февраля 1896 года, отдѣленія открыты въ Ханькоу, Тянь-Цзинѣ, Владивостокѣ и Пекинѣ въ теченіе одного года. Злорадное чувство англичанъ ждавшихъ скорой ликвидаціи русскаго дѣла,

едва лишь оно открывалось, обратилось на ихъ же голову. Русско-китайскій банкъ въ Пекинѣ открытъ въ помѣщеніи, принадлежавшемъ бывшему корейскому посольству, и помѣщается противъ посольства русскаго. Тотъ фактъ, что китайское правительство уступило свое казенное и бывшее посольское мѣсто подъ русское учрежденіе, ставить это учрежденіе въ глазахъ китайцевъ сразу на прочную почву и заставляетъ отнестись къ нему съ полнымъ довѣріемъ. Въ день открытія банка, помѣщенія его красиво были задрапированы русскими и китайскими флагами. На празднество были приглашены всѣ русскіе, живущіе въ Пекинѣ, и всѣ члены французскаго посольства. Ли - Хунъ - Чангъ лично пріѣзжалъ въ день открытія къ г. Покотилову и поздравилъ его съ начатиемъ дѣла, пожелавъ успѣха, но отъ участія въ завтракѣ, ссылаясь на свои 68 лѣтъ, отказался. Въ 12 часовъ дня іеромонахъ о. Алексій Виноградовъ совершилъ молебствіе и окропилъ св. водою всѣ новыя постройки. Всѣ присутствовавшіе размѣстились за пятью столами, настроеніе у всѣхъ было приподнятое, все напоминало и какъ бы приближало далекую родину. Во время завтрака игралъ оркестръ музыки, выписанный изъ Тянь-Цзина. Первый тостъ предложилъ князь Ухтомскій

за здоровье Государя Императора и китайскаго богдохана. Дружное „ура“ отвѣтило на этотъ тостъ, а звуки русскаго гимна заставили всѣхъ сильно почувствовать свою кровную связь и съ сознательной національной гордостью взглянуть мысленно на иностранцевъ, все еще продолжающихъ смотрѣть свысока на русскую Россію. Второй тостъ г. Покотиловъ предложилъ выпить за здоровье министра финансовъ С. Ю. Витте и министраностранныхъ дѣлъ графа Муравьева, создавшихъ это мощное русское дѣло на Востокѣ и сердца которыхъ радостно и горячо бьются въ эту минуту благополучнаго окончанія дорогаго ихъ дѣла. Послѣ г. Покотилова говорилъ повѣренный въ дѣлахъ русскаго посольства А. И. Павловъ, который, сравнивъ русское банковое дѣло на Востокѣ съ зерномъ, посаженнымъ опытнымъ садовникомъ и давшимъ уже и ростки, и побѣги, и обѣщающимъ дать въ скоромъ времени и добрые плоды, предложилъ тостъ за здоровье этихъ опытныхъ садовниковъ. Французскій посланникъ г. Жераръ, пожелавъ успѣха процвѣтанію русско-китайскаго банка, упомянулъ, что и Франція была искренней помощницей и вносила свои симпатіи въ это связующее два государства учрежденіе. На ту же тему добрыхъ пожеланій и успѣховъ въ дѣлахъ

банка съ присоединеніемъ пожеланій упроченія дружественныхъ отношеній между Китаемъ и Россіей говорили китайцы: Янъ-да-жень по-китайски и Тах-шина по-русски. Знаменательнымъ событіемъ въ глазахъ русскихъ является то обстоятельство, что всѣ тосты на этомъ торжествѣ, за исключеніемъ г. Жерара, говорившаго по-французски, и г. Яна—по-китайски, были произнесены по-русски. Торжество открытія русско-китайскаго банка въ Пекинѣ удалось вполне, всѣ чувствовали себя въ одной родной русской семьѣ и дѣлились между собою впечатлѣніями, говоря: „слава Богу, кажется, настаетъ время, что русскіе становятся на свои твердыя ноги и могутъ не идти на помочахъ иностранцевъ“. Дальнѣйшая дѣятельность русско-китайскаго банка всецѣло оправдала возлагавшіяся на него надежды.

Заговоривъ объ аудіенціи у богдохана, я не могъ не отклониться въ сторону такого событія, которое составило страницу русской исторіи на Дальнемъ Востока.

Возвращаясь теперь къ новогоднимъ китайскимъ празднествамъ.

Счетъ времени китайцы ведутъ по луннымъ мѣсяцамъ, почему и китайскій Новый годъ является подвижнымъ, приходясь то въ январь, то въ февраль нашего времени.

Въ Новый годъ европейцы и китайцы, въ лицѣ посольствъ и представителей китайскаго правительства обмѣниваются поздравленіями. Такъ какъ европейскій Новый годъ бываетъ раньше китайскаго, то, спустя семь дней, китайское министерство иностранныхъ дѣлъ дѣлаетъ визиты и приносить поздравленія съ Новымъ годомъ иностраннымъ посольствамъ. При этомъ китайскіе сановники дѣлаютъ визиты, раздѣляясь по чинамъ на три группы: сперва пріѣзжаютъ министры, затѣмъ начальники отдѣленій, а затѣмъ уже въ третьей группѣ секретари, переводчики и прочіе чиновники.

Ихъ приносятъ въ носилкахъ. Впереди ѣдутъ верхами три-четыре человека изъ свиты, которые заботятся объ удобствѣ дороги для носильщиковъ, расчищая ее отъ пѣшихъ и конныхъ. Ручныя носилки или паланкинъ состоятъ изъ тонкаго ящика въ 2 арш. высоты и 1½ арш. ширины, обитаго зеленой матеріей, съ окошечками по бокамъ, и открытаго спереди. Этотъ ящикъ серединой своей укрѣпленъ въ длинныхъ, круглыхъ деревянныхъ оглобляхъ - палкахъ. Въ ящикѣ сдѣлано сидѣнье наподобіе стула. Когда ящикъ стоитъ на землѣ, то ѣдущій, согнувшись, входитъ въ него и садится; его закрываютъ шелковой занавѣской снизу до рукъ,

для которыхъ имѣется перекладина, чтобы положить ихъ. Сверху такой-же занавѣской закрывается верхняя часть туловища. Въ срединѣ, межъ палками-рукоятями, находится прикрѣпленная къ ихъ концамъ на крѣпкихъ, красныхъ жгутахъ круглая, красная палка, которую носильщики, войдя въ рукояти, какъ въ оглобли, кладутъ себѣ на плечи. Когда носильщики стали на мѣсто, двое впереди и двое сзади носилокъ, они, присѣвъ, кладутъ себѣ палку на плечи и, по командѣ своего старшаго, стоящаго у носилокъ и наблюдающаго за правильностью и порядкомъ движенія, бережно поднимаютъ носилки и, мѣрно ступая, держась одной рукой за оглоблю, а другой подпершись въ бокъ, скоро и плавно выносятъ носилки на улицу. По командѣ старшаго, идущаго сбоку носилокъ и наблюдающаго, чтобы несомый сидѣлъ ровно, не отклоняясь въ сторону (иначе и носилки теряютъ плавность и начинаютъ качаться, и люди, несущіе ихъ, сбиваются съ плавнаго шага), носильщики подставляютъ подъ плечевую палку привѣшенную къ ней вертикально другую палку-подпорку, на которую упирается плечевая палка, оставляя носилки висящими на подпоркѣ. Въ это время носильщики, переложивъ плечевую палку на другое плечо, снова, по командѣ старшаго, отнимаютъ под-

порку-палку и опять идутъ впередъ. Перемѣна палки съ плеча на плечо совершается чрезвычайно скоро и ловко. Видъ плавно несомыхъ носилокъ, всадники, ѣдущіе впереди, съ боковъ и сзади, массы людей въ оригинальномъ китайскомъ костюмѣ — синихъ, короткихъ подпоясанныхъ рубахахъ и широкихъ синихъ-же шароварахъ, бѣлыхъ чулкахъ и черныхъ башмакахъ, въ черныхъ шляпахъ съ покрытымъ красными нитями дномъ — чрезвычайно красивъ и фантастиченъ. Передъ глазами проходитъ словно сказка изъ какого-то волшебнаго міра.

Когда министры цзунъ-ли-ямыня (министры иностранныхъ дѣлъ) дѣлаютъ визиты посольствамъ, то для нихъ готовится угощеніе въ китайскомъ вкусѣ; на столъ ставятся разнообразныя сласти и печенья, подаются чай и шампанское. Встрѣчаютъ въ передней, привѣтствуя китайскимъ поклономъ, т. е. поднявъ до уровня подбородка обѣ руки, сложенныя вмѣстѣ кулаками, и говоря: „нин-на-хао?“, „цинъ-цинъ“ (какъ ваше здоровье, прошу-прошу). Затѣмъ ихъ проводятъ въ парадныя комнаты, а отсюда уже, послѣ привѣтствій и обмѣна вѣжливыхъ пожеланій къ Новому году, министры идутъ съ посланникомъ къ столамъ. Служебное достоинство и старшинство китайскихъ сановниковъ опре-

дѣляются шарикомъ на шапкѣ, вставляемымъ въ металлическую дужку на верхушкѣ шляпы, а также и отличіями на верхней одеждѣ—курмѣ. Самый старшій чинъ выражается розовымъ коралловымъ шарикомъ, затѣмъ—краснымъ коралловымъ, затѣмъ—синимъ стекляннымъ, голубымъ стекляннымъ, бѣлымъ стекляннымъ и т. д. Оттѣнокъ цвѣта, степень прозрачности стекла, все это имѣетъ свое значеніе и большое. Кромѣ коралловыхъ шариковъ, высшіе сановники имѣютъ еще и павлиньи перья, вставляемые подъ шарикъ на верхушкѣ шляпы и спускающіяся внизъ своимъ очковымъ концемъ. На одеждѣ у чиновниковъ разныхъ ранговъ навѣшиваются и разныя изображенія: то круги съ вышитыми шелкомъ аистами, то драконы, то четырехугольные шелковые вышитые платки. Цвѣтъ нашивокъ и шелковой матеріи также различный. Каждый классъ чиновниковъ носить уже извѣстную, опредѣленную правилами, одежду, можетъ употреблять на зимнюю одежду только извѣстные мѣха, можетъ носить только извѣстный цвѣтъ ткани.

Проводивъ тѣмъ-же порядкомъ министровъ цзунъ-ли-ямыня, ожидаютъ вторыхъ чиновъ министерства, а затѣмъ—и третьихъ чиновъ. Большинство китайскихъ чиновниковъ производятъ пріятное впечатлѣніе своей свое-

образной вѣжливостью, своей тактичностью, сознаніемъ своего достоинства. Впрочемъ, замѣчательная выдержка и тактичность—это народная черта характера китайца, одинаково присущая и сановнику, и простолюдину, и поражающая особенно въ послѣднемъ.

Послѣ того, какъ всѣ китайскіе чиновники сдѣлаютъ новогодніе визиты по посольствамъ, назначается день принесенія поздравленія императору.

Въ назначенный день всѣ посольства отправляются во дворецъ и въ аудіенцъ-залъ приносятъ поздравленіе, которое состоитъ въ томъ, что деканъ дипломатическаго корпуса,—а деканомъ избирается всегда старшій изъ посланниковъ по времени пребыванія его въ Пекинѣ,—произноситъ поздравительную рѣчь. Старшій изъ китайскихъ сановниковъ передаетъ эту рѣчь, стоя на колѣняхъ передъ богдоханомъ по-китайски и, возвратясь къ посланникамъ, отвѣчаетъ отъ имени богдохана китайской рѣчью, которую посольскій драгоманъ переводитъ по-англійски или по-французски. Послѣ этого обмѣна рѣчей дипломатическій корпусъ, дѣлая поклоны императору, медленно отступаетъ къ выходу изъ аудіенцъ-залы и оставляетъ дворецъ. Таковъ былъ порядокъ аудіенціи до 1900 боксерскаго года, послѣ котораго порядокъ этотъ

нѣсколько измѣнился, о чемъ я скажу впоследствии.

Послѣ аудіенціи, въ которой принималъ богдоханъ членовъ дипломатическаго корпуса, приносившихъ поздравленіе съ китайскимъ Новымъ годомъ, дается отъ имени богдохана въ цзунъ-ли-ямынѣ парадный завтракъ. Къ назначенному времени всѣ члены посольствъ въ парадной формѣ собираются въ одной изъ залъ министерства. Прибывающихъ гостей встрѣчаютъ во дворѣ министры. Обмѣнявшись привѣтствіями съ министрами по китайскому этикету, т. е. потряса поднятыми до подбородка и сложенными вмѣстѣ кулаками нѣсколько разъ передъ лицомъ cadaго министра одновременно съ нимъ и пріятно улыбаясь, прибывшіе входятъ, поднимая сбоку висѣвшую на двери циновку, въ помещеніе министерства. Помѣщеніе состояло изъ двухъ большихъ комнатъ, соединявшихся аркой. Внутренность комнатъ была въ китайскомъ духѣ, но съ слѣдами уже европейскаго вліянія. Въ первой комнатѣ не было никакой мебели, исключая небольшихъ красненькихъ четырехугольных столиковъ, стоявшихъ вдоль стѣнъ и служившихъ для постановки на нихъ чашекъ съ чаемъ или пепельницъ для курящихъ. Въ двухъ концахъ комнаты стояли пылавшія жаромъ китайскія глиняныя печки, дававшія сильный угарь.

Печки эти—особенность китайской бытовой жизни; безъ нихъ не обходится ни одинъ китайскій домъ, а потому я скажу о нихъ нѣсколько подробнѣе. Китайская печка—это изъ бѣлой глины, выпуклый посерединѣ, полый цилиндръ. Верхняя часть его имѣетъ посерединѣ небольшое круглое отверстіе, черезъ которое кладутъ, особымъ образомъ приготовляемый для этихъ печекъ, каменный уголь-шарики. Уголь-шарики — это каменно-угольная пыль, размѣшиваемая съ водою въ густую кашу, изъ которой потомъ выдѣлываютъ руками шарики. У нижняго края сдѣлано поддувало, служащее также и для очистки печки. Глиняная печка ставится въ ограду изъ желѣзныхъ полосокъ и въ такомъ видѣ уже употребляется повсюду. Горящій уголь даетъ достаточно тепла, чтобы согрѣвать руки и не чувствовать холода въ комнатѣ, но даетъ и такой сильный угаръ, что только привыкшіе къ нему китайцы свободно переносятъ, да и то часто платятся смертію отъ угара, если оставляютъ эти печи въ своемъ помѣщеніи. Стѣны первой комнаты украшены картинами китайскихъ живописцевъ, изображающихъ на шелковой ткани различные эпизоды или изъ мифологіи, или ландшафтъ или сцену изъ наиболѣе любимого романа. Обычная китайская картина

имѣть въ себѣ все: и скалистыя горы, и долины, и горныя ручьи, свергающіеся по долинамъ, и китайскія жилища съ изображеніемъ домашнихъ сценъ жизни: китаянка, пьющая чай, или играющая на музыкальномъ инструментѣ, напоминающемъ своей формой мандолину; тутъ же на картинѣ можно видѣть и деревья, и птицъ, и звѣрей; все это распредѣлено по отдѣленіямъ, но не имѣетъ никакой перспективы и общей связи. Рисунокъ на шелку наклеивается на длинный картонъ и вѣшается на стѣны. Обычная китайская картина имѣетъ въ длину не менѣе двухъ аршинъ, но часто встрѣчаются и длиннѣе. Ширина картины не превышаетъ аршина.

Передняя стѣна вся состоитъ изъ деревянной рѣзбы въ китайскомъ вкусѣ, но вмѣсто бумаги въ окна вставлены стекла. Съ потолка спускаются китайскіе цилиндрическіе рѣзные деревянные фонари, съ красными кистями и красными же гіероглифами, нарисованными на стеклахъ и означающими привѣтствіе.

Во второй комнатѣ посреди имѣется уже европейская мягкая мебель, такъ какъ здѣсь принимаются посланники, пріѣзжающіе по дѣламъ въ министерство. Вдоль стѣны стоятъ также столики, а по угламъ, на подставкахъ,

фарфоровыя вазы. Стѣны украшены тѣми же китайскими картинами. Стѣна, отдѣляющая одну комнату отъ другой, также рѣзная изъ дерева и представляется какъ бы одной большой рамой съ мелкими переплетами.

Послѣ угощенія чаемъ, подаваемымъ слугами въ плоскихъ чашкахъ, собравшіеся приглашаются перейти въ слѣдующее помѣщеніе, гдѣ все уже приготовлено для гостей. Въ 1896 г. столовая была нарочно воздвигнута и представляла обширный, высокій, весь составленный изъ стеколъ залъ. Большія стекла были вставлены въ тонкія рамы, составлявшія лишь гнѣзда для стекла. Потолокъ былъ также стеклянный. Всѣ стекла были разрисованы и расписаны китайскими гіероглифами въ красный цвѣтъ. Вдоль стеклянныхъ стѣнъ стояли столы, густо уставленные вазами съ фруктами и разнообразными лакомствами. Изъ фруктовъ обращали на себя вниманіе китайскіе сорта грушъ: ер-ли, гуан-ли и бей-ли. Ер-ли и бей-ли, словно восковыя, блестѣли своей гладкой и чистой свѣтло-соломеннаго цвѣта кожицей. Ер-ли—груша округло-продолговатая, а бей-ли совершенно сферически-круглая. Ер-ли очень сочная, мясо ея бѣлое, но не имѣетъ ни сладости, ни особаго вкуса; бей-ли тоже сочная, но мясо ея желтовато, она плотнѣе и слаще на вкусъ, Гуан - ли

свѣтло-коричневаго цвѣта, на вкусъ кисло-вата и имѣетъ много вблизи сердцевины крупинокъ. Размѣры грушъ выше средней величины. Кромѣ этихъ трехъ сортовъ, другихъ сортовъ въ Пекинѣ нѣтъ. Яблоки велики, красивы, но мясо ихъ рыхло, сладковато и ничего особеннаго они не представляютъ. Мѣстные апельсины, мандарины, померанцы, привезенные изъ южныхъ провинцій, сочны, сладки и вкусны, но апельсины имѣютъ темно-зеленую кожу и мясо ихъ рыхлѣе итальянскихъ. Изъ разставленныхъ лакомствъ особенно выдавались большіе пресованные, темно-бураго цвѣта, цзауры — порода мѣстныхъ финиковъ, имѣющіе косточку внутри плода финиковую и форму плода тоже схожую съ формой финика, но превосходящіе ихъ по величинѣ и имѣющіе вкусъ сладко-пряный. Выдѣлялись также своей величиной, напоминавшей небольшой арбузъ, плоды соломеннаго цвѣта, которые оказались среднимъ по вкусу между лимономъ и апельсиномъ, съ обиліемъ апельсиновыхъ косточекъ, мало сладкіе, но съ замѣтной горчиной. Плодъ этотъ называется по-китайски юй-цза и привозится съ юга Китая.

Плоды и сласти заняли средину стола, по краямъ же были поставлены приборы, представлявшіе соединеніе китайскаго съ евро-

пейскимъ. У тарелокъ лежали ложки и ножи съ вилками, а также и костяныя двѣ палочки, которыми китайцы ѣдятъ всякую пищу, какъ твердую, такъ и жидкую. Въ-сто салфетокъ положены были листики мягкой бумаги съ виньеткой, отпечатанной красной краской съ эмблематическими изображеніями гражданскаго и военнаго служенія. Передъ каждымъ приборомъ было меню, отпечатанное на красной бумагѣ. За срединный столъ сѣли посланники и китайскіе министры. Слуги стали обносить гостей сперва закусками въ маленькихъ плошечкахъ, изъ которыхъ брали къ себѣ на тарелку. Закуски состояли изъ разнообразныхъ сладкихъ молочныхъ произведеній, соединенныхъ съ начинкой, какъ маленькіе бисквитики. Китайцы молока не ѣдятъ ни въ какомъ видѣ, а потому все молочное — произведенія манчжурской кухни. Закусокъ было подано 18. Послѣ закусокъ слѣдовали блюда болѣе существенныя, начатыя ласточкиными гнѣздами. Первое впечатлѣніе при видѣ ласточкиныхъ гнѣздъ, что это разваренная тонкая вермишель, но когда берете въ ротъ, то получается ощущеніе упругихъ нитей, не имѣющихъ особаго вкуса. Затѣмъ слѣдовали тонко рѣзанные и нѣсколько подсушенные кусочки ветчины, грибки, напоминающіе сморчки, утиныя почки

подъ соусомъ, жареный фазанъ, разваренные плавники акулы, бамбуковые ростки, жаренныя маленькія устрицы, тонко строганное куриное мясо, пирожки съ начинкою изъ молодыхъ ростковъ бамбука, куриный супъ съ ветчиной, жареная утка, рыба подъ краснымъ соусомъ и др. Всѣхъ обѣденныхъ блюдъ было тоже 18.

Между обѣденными блюдами подавалось вино, которое наливали въ маленькія чашечки. Все вино мѣстное, китайское, а именно: шао-синское изъ округа Шао-Синъ въ Чжэ-цзянъ; пьютъ это вино горячимъ, оно желтоватаго цвѣта и очень спиртуозно. Затѣмъ слѣдуютъ разныя настойки: розовая, красная и др. и въ заключеніе европейское шампанское, которое церемонно-вѣжливые китайцы называли: „вино ароматныхъ гостей“, т. е. желательныхъ. За шампанскимъ послѣдовалъ обмѣнъ тостовъ—и гости простились съ радужными хозяевами. Вся обстановка и завтракъ стоили китайскому правительству до 12-ти тысячъ рублей, стоимость стекляннаго помѣщенія.

Въ 1896 году наиболѣе блестяще представилось японское посольство, благодаря тому обстоятельству, что въ это время въ Пекинѣ находилось шестеро японскихъ морскихъ офицеровъ, которые всѣ и присутствовали въ своей парадной формѣ.

Очеркъ аудіенціи у китайскаго императора закончу описаніемъ первой аудіенціи у императрицы правительницы, которой удостоила она посольскихъ дамъ. Это было событіемъ, составившимъ эпоху въ исторіи Китая: китайская императрица удостоила аудіенціи европейскихъ дамъ впервые за все существованіе Китайской имперіи. Богдоханшѣ исполнилось 64 года отъ роду, и, пользуясь случаемъ празднованія дня ея рожденія, супруги посланниковъ изъявили желаніе поздравить ея величество съ этимъ торжественнымъ днемъ. Аудіенція назначена была на 1-е (13-е) декабря.

Къ 11-ти часамъ утра въ англійское посольство (такъ какъ супруга англійскаго посланника старшая по времени пребыванія въ Пекинѣ дама) собрались всѣ супруги посланниковъ, ординарцы, присланные изъ дворца, министры цзунъ-ли-ямыня и драгоманъ русскаго, французскаго, нѣмецкаго и японскаго посольствъ. Изъ англійскаго посольства кортежъ, въ количествѣ 11-ти носилокъ-паланкиновъ, направился во дворецъ императрицы И-луань, который расположенъ посреди парка, на берегу озера, въ западной части императорскаго города. Дворецъ этотъ очень древній и насчитываетъ свыше 800 лѣтъ существованія; путь къ нему лежитъ по самымъ люднымъ улицамъ Пекина. По пути шествія

толпились массы любопытнаго народа, которому извѣстно давно было о назначенной аудіенціи, но нигдѣ порядокъ нарушенъ не былъ. Войдя въ первыя ворота императорскаго города, шествіе направилось среди парка къ замерзшему озеру, и у воротъ, чрезъ которыя нужно войти на Большой мраморный мостъ, посланницы были встрѣчены нѣкоторыми министрами цзунъ-ли-ямыня. Мостъ — выпуклой формы, съ четырьмя пролетами, съ перилами изъ сѣраго мрамора. Перила украшены мраморными же изображеніями львовъ и драконовъ. Мостъ этотъ ведетъ на дворцовую площадь и причисляется уже къ императорскимъ владѣніямъ, почему черезъ него чиновники могутъ идти только пѣшкомъ; какъ исключеніе и особая милость со стороны богдохана, разрѣшается лишь заслуженнымъ государственнымъ сановникамъ переѣздъ черезъ мостъ въ легкихъ носилкахъ. Посланницамъ приготовлены были для переѣзда черезъ мостъ плетенныя кресла, укрѣпленныя наподобіе носилокъ, въ которыхъ онѣ были перенесены вплоть до слѣдующихъ воротъ. Драгомамы же и встрѣчавшіе китайскіе сановники шли все время пѣшкомъ. У слѣдующихъ воротъ дожидался роскошно убранный и отдѣланный шелковыми матеріями вагонъ, въ который и вошли всѣ прибывшіе. Вагонъ по

рельсамъ, проложеннымъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ французскими инженерами, людской тягой довольно быстро по аллеѣ парка достигъ до берега озера, лѣтомъ чрезвычайно живописнаго и обрамленнаго рядомъ старыхъ деревьевъ. Здѣсь находились еще ворота, и ожидала яркоцвѣтная, живописная въ своихъ оригинальныхъ вышитыхъ костюмахъ, съ обиліемъ крупныхъ ярковышитыхъ шелкомъ цвѣтовъ, толпа молодыхъ дѣвушекъ. Въ одеждѣ ихъ преобладали розовый и красный цвѣта. Всѣ онѣ были молоды, обладали прелестными бѣлыми зубами, красивой фігурой, черными, продолговатыми и нѣсколько скошенными глазами, продолговатымъ матоваго цвѣта лицомъ. Всѣ онѣ были или манчжурки, или монголки, вслѣдствіе чего ноги ихъ не были изуродованы. Единственный обычай, который побѣдители-манчжуры не переняли отъ побѣжденных китайцевъ, это—уродованіе ногъ у женщинъ. Остальное все, начиная отъ языка, обычаевъ, одежды, культуры вошло въ жизнь побѣдителей; манчжурскій языкъ совершенно забытъ не только въ правительственныхъ учрежденіяхъ Пекина, но и въ домахъ манчжуровъ, потомковъ побѣдителей-предковъ. Вся живописно-расцвѣченная толпа молодыхъ дѣвушекъ съ искреннимъ весельемъ и любопыт-

ствомъ окружила вагонъ и, не давъ ему еще остановиться, наперерывъ старалась обратить другъ передъ другомъ на себя вниманіе прибывшихъ дамъ, по выходѣ которыхъ изъ вагона онѣ тотчасъ же овладѣли прибывшими и старались провести ихъ въ ближайшую небольшую дежурную комнату у воротъ. Въ этой комнатѣ уже ожидали прибывшихъ дамъ старшая царица, дочь извѣстнаго принца Гуна, умершаго весной этого года, усыновленная богдоханшей, нѣсколько принцессъ и старшій придворный евнухъ. Царица встрѣтила очень радушно дамъ и попросила отдохнуть нѣсколько минутъ послѣ дороги. Отсюда дамы, въ сопровожденіи царицы, принцессъ, старшаго евнуха и драгомановъ, отправились въ дворцовую залу И-луанъ-цзэ.

Названіе это имѣетъ символическое значеніе: „луанъ“ въ китайской мифологіи означаетъ мифическую птицу, живущую въ небесныхъ сферахъ и являющуюся людямъ только въ торжественныхъ случаяхъ. На землѣ имя этой птицы служить символомъ императрицы. Слѣдовательно, европейскія дамы были приняты въ залѣ самой императрицы. Царица, дочь Гуна, одна изъ наиболѣе приближенныхъ къ императрицѣ дамъ; она уже немолода и находится при богдоханшѣ безотлучно. Зала И-луанъ всецѣло представляетъ

собою типичную китайскую постройку. Снаружи это—большое одноэтажное высокое здание на каменномъ фундаментѣ, деревянное, съ большими мелкорѣшетчатыми рамами, заклеенными обычно бѣлою прозрачною китайскою бумагою, съ такими же рѣшетчатыми дверями, съ раскрашенными въ яркіе зеленые, синіе и красные цвѣта узорчатыми деревянными карнизами, съ круто-выгнутою крышею, крытою черепицей, и съ типичными китайскими львами, посаженными на краю крыши. Войдя въ залу, дамы сняли верхнія одежды и положили на стоящій у двери столъ; богдоханша уже была въ залѣ и ожидала на тронѣ,—большомъ китайскомъ креслѣ со спинкою, отдѣланномъ рѣзьбою изъ краснаго лака съ золотомъ. По лѣвую сторону отъ богдоханши на такомъ же точно креслѣ-тронѣ находился и богдоханъ. Болѣзненный видъ показывалъ, что страданія его не поддаются лѣченію врачей, но красивые черные глаза его смотрѣли, какъ всегда, грустно и радушно. Дамы подошли къ трону, а старѣйшій изъ драгомановъ г. Поповъ поименовалъ каждую изъ посланницъ. Старѣйшая изъ посланницъ, леди Макдональдъ, произнесла небольшую привѣтственную рѣчь, въ которой выразила императрицѣ искреннее пожеланіе отъ имени всѣхъ дамъ счастья и здоровья и надежду,

что примѣру богдоханши послѣдуютъ всѣ женщины Китая въ сближеніи съ иностранцами. Рѣчь леди Макдональдъ была переведена на китайскій языкъ. Отвѣчая на привѣтствіе, богдоханша выразила свое удовольствіе, что видитъ у себя европейскихъ дамъ, высказала благодарность за поздравленіе и пожелала всѣмъ счастья и всякаго благополучія. Послѣ этого каждая изъ супруговъ посланниковъ въ порядкѣ старшинства входила на эстраду и подходила къ императрицѣ, которая пожимала каждой изъ дамъ руку, спрашивала, не было ли холодно, освѣдомлялась у каждой дамѣ объ ея здоровьѣ и надѣвала каждой изъ дамъ на палецъ золотое кольцо съ жемчужиной. Послѣ этого богдоханша представила дамамъ молодую супругу богдохана, предлагая и ей пожать руку каждой изъ дамъ. Затѣмъ богдоханша пригласила дамъ въ сопровожденіи царевенъ и княженъ отправиться въ особую, собственную обѣденную залу — Чунь-оу-чжай, т. е. павильонъ весеннихъ лотосовъ.

Обѣденная зала, въ которую перешли дамы въ сопровожденіи драгомановъ, находилась по близости съ залой И-луань, примыкающая къ ней съ другой стороны. Это была громадная комната, убранная совершенно въ китайскомъ вкусѣ. По стѣнамъ висѣли картины

китайской живописи на шелковой матеріи, спускаясь длинными полосами. На картинахъ были изображены пейзажи въ китайскомъ вкусѣ, т. е. и скалы, и горы, и деревья, и низвергающіеся водопады. Были картины, на которыхъ изображены только деревья и птицы на вѣтвяхъ или только цвѣты въ вазахъ. Любимымъ цвѣткомъ, который изображается на картинахъ, служить хризантема. По стѣнамъ стояли въ большомъ количествѣ столики и этажерки, наполненные вещами изъ клуазоне (фаланъ), слоновой кости, нефрита (особенно любимаго китайцами камня) и изъ лака. Въ одномъ изъ угловъ поражала своей мелкой и изящной работой группа изъ дерева алоэ, представляющая сцену изъ китайской жизни. Здѣсь же по стѣнамъ стояло нѣсколько шкафовъ съ книгами. На отдѣльныхъ столикахъ стояло много большихъ фарфоровыхъ вазъ и другихъ вещей изъ фарфора. Съ потолка спускались большихъ размѣровъ китайскіе фонари съ красными кистями. Но вліяніе западной цивилизаціи наглядно уже сказывалось: въ залѣ повсюду были электрическія лампочки и электрическое освѣщеніе. Что поражало въ этой залѣ глазъ европейца, это—въ разныхъ мѣстахъ поставленныя на большихъ блюдахъ горы яблокъ. На вопросъ о цѣли, съ которою заготовлено такое мно-

жество фруктовъ, послѣдовалъ со стороны евнуха отвѣтъ, что запахъ яблокъ очень нравится богдоханшѣ, почему они и ставятся для этого въ ея помѣщеніяхъ. Въ обѣденной залѣ уже были накрыты два стола по сторонамъ залы, а посреди, у стѣны подъ балдахиномъ, на возвышеніи, находилось такое же кресло для императрицы, какое было и въ залѣ И-луань. Оба стола были буквально загромождены всевозможными яствами. За первымъ столомъ заняли мѣста дамы, царевны, княжны и два китайскихъ драгомана, одинъ—французскаго языка, а другой—англійскаго. За вторымъ же столомъ помѣстились драгоманы, министры, члены цзунъ-ли-ямыня, пекинскій генераль-полиціймейстеръ, князь Цинъ и сановники придворнаго вѣдомства. Для любителей и знатоковъ китайской кухни столъ былъ самый изысканный и изобильный. Тутъ были и ласточкины гнѣзда, безъ которыхъ не обходится ни одинъ званый китайскій обѣдъ, и плавники акулы, и ростки бамбука, и жареный фазанъ, и куры, утки, дичь, разное мясо, ветчина, нарѣзанная тоненькими ломтиками; всѣ блюда сопровождались разнообразными соусами. Въ званомъ богатомъ китайскомъ обѣдѣ полагается не менѣе 50-ти блюдъ. Можно представить себѣ, какъ должно ихъ разнообразить и какъ мало въ

концѣ-концовъ получается разнообразіа, такъ какъ всѣ китайскія блюда столь же стереотипны, какъ и вся китайская бытовая жизнь. Всѣ эти блюда подаются всегда въ одномъ и томъ же порядкѣ и готовятся всегда однимъ и тѣмъ же способомъ. Передъ каждымъ приборомъ гостей стояла чашечка изъ превосходнаго бѣлаго нефрита на такой же подставкѣ, накрытая золотою крышечкой. Въ эти чашечки, вмѣщающія не болѣе глотка, наливается китайская рисовая водка, которая пьется теплой.

Вкусна ли китайская кухня? На этотъ вопросъ отвѣтить трудно, такъ какъ на вкусъ и цвѣтъ товарищей нѣтъ. Нѣкоторые изъ европейцевъ, долго прожившіе въ Китаѣ, настолько свыкаются съ общимъ обиходомъ китайской жизни, что съ удовольствіемъ устраиваютъ у себя китайскіе обѣды или время отъ времени посѣщаютъ китайскіе рестораны, заранее заказывая извѣстныя китайскія блюда. Чтобы дать общее понятіе о китайской кухнѣ, должно сказать, что всѣ китайскія блюда приготавливаются прѣсными, но къ каждому изъ нихъ обязательно подается или китайскій уксусъ, очень вкусный и ароматичный, приготавливаемый изъ гаулена (сортъ проса), или особая китайская соя, также очень сильная и рѣзкая на вкусъ. Добавленіе уксуса придаетъ

нѣкоторымъ, особенно растительнымъ, блюдамъ, каковы, на примѣръ, отварные ростки бамбука, ростки огурцовъ, редиса, весьма пріятный оригинальный вкусъ. Очень вкусны также китайскія утки и утиныя печенки, поражающія своей величиной и нѣжностью. Китайцы особеннымъ способомъ откармливаютъ такихъ утокъ. Плавники акулы, быть можетъ, въ виду непріязненнаго чувства человѣка къ этому людоѣду, обыкновенно не нравятся европейцамъ, равно также не нравятся и улитки, а также особые маринованные черви. Не нравятся также большинству столь цѣнимые китайцами и нѣкоторыми гурманами изъ европейцевъ такъ называемыя столѣтнія яйца. Приготовленіе ихъ состоитъ въ томъ, что сваренныя въ крутую яйца зарываютъ въ землю на продолжительное время, пока бѣлокъ не станетъ чернымъ, а само яйцо не будетъ сильно пахнуть сѣроводородомъ. Какъ особенный еще деликатесъ подается, и то только осенью, супъ изъ хризантемъ. Вкуса этотъ отваръ цвѣтовъ не имѣетъ.

По окончаніи обѣда въ залу прибыла богдоханша и заняла мѣсто на возвышеніи, въ креслѣ, покрытомъ дорогимъ собольимъ мѣхомъ. Кресло изъ краснаго лака, съ рѣзбой и золотыми украшеніями, поражало изяществомъ и тонкостью рѣзбы. Вообще издѣлія

изъ лака очень цѣнятся въ Китаѣ и очень дороги, такъ какъ работа представляетъ много труда. Лакъ этотъ готовится слѣдующимъ образомъ: въ корѣ дерева *tsi* (*rhus vernix*), растущаго въ южныхъ провинціяхъ Китая, дѣлаются надрѣзы, изъ которыхъ вытекаетъ густой сокъ, собираемый въ приѣмники, подвѣзанные подъ надрѣзами. Когда достаточно наберется соку, надрѣзы затираютъ особой смазкой, а древесный сокъ растираютъ съ сажей и кинварью или какимъ-нибудь другимъ цвѣтнымъ веществомъ и, получивъ массу густой консистенціи, ею покрываютъ густымъ слоемъ мебель и вещицы, какъ коробочки, ящички, шкатулки и пр. Когда масса застынетъ, ее полируютъ до тѣхъ поръ, пока получится однородный красный или гранатовый цвѣтъ. На этомъ блестящемъ лакѣ вырѣзывается отъ руки узоръ. Работа эта не только трудная, но и вредная. Такъ какъ приходится работать надъ ядовитымъ веществомъ и вдыхать отдѣленія изъ него, то у рабочихъ появляются опухоли на рукахъ и лицѣ, чрезвычайно болѣзненные и легко изъязвляющіяся. Добывается для приготовленія лака сокъ и изъ другого дерева, дающаго также очень яркое вещество. Дерево это приноситъ плоды, облеченные скорлупой, плодъ — величиной съ яблоко. Внутри плода находится четыре ядра,

подобные миндалинамъ, но бѣльшихъ размѣровъ. Зерна эти маслянисты, и при давленіи ихъ подъ прессомъ добывается масло, которое китайцы называютъ тунгъ-ю. Эти ядра варятся вмѣстѣ съ клеемъ и масломъ, и служатъ между прочимъ и для приготовленія краски для половъ, оконъ, дверей и пр. По качеству производства въ Китаѣ считаютъ до 15-ти сортовъ лака разной цѣнности.

Занявъ мѣсто, богдоханша обратилась къ своимъ гостямъ съ вопросомъ на китайскомъ языкѣ, переведенномъ драгоманами по-французски: „Покушали ли вы? Прошу извинить, если что было не такъ,—вѣдь обычаи наши различны“. Дамы отвѣчали искреннею благодарностью за радушный пріемъ. Затѣмъ богдоханша обратилась къ главному еunuху и приказала ему распорядиться, чтобы подали чай. Чай приносили въ китайскихъ чашечкахъ, причемъ каждую чашечку подавали сперва богдоханшѣ. Какъ заботливая хозяйка, богдоханша каждую чашечку предварительно пригубливала, а затѣмъ уже приказывала подавать гостѣй. Послѣ чая богдоханша пригласила всѣхъ гостей въ театръ. Дамы въ сопровожденіи всѣхъ присутствовавшихъ изъ обѣденной залы прошли крытыми корридорами очень значительное пространство и вошли въ театральную залу.

О театрѣ въ Китаѣ вообще и въ частности о придворномъ театрѣ я уже говорилъ раньше, а потому повторять сказаннаго не стану.

По окончаніи театра гости снова были приглашены въ прежнюю обѣденную залу, гдѣ ожидалъ ихъ приготовленный десертъ. Масса разнообразныхъ китайскихъ сладкихъ печеній, плодовъ, засахаренныхъ фруктовъ и сластей, а также и закусокъ, состоявшихъ изъ наръзанныхъ ломтиковъ колбасъ, ветчины, птицы и т. п., покрывала столы. Когда гости закусили и отдохнули, то въ залу снова вошла богдоханша и, сказавъ гостямъ, что онѣ, вѣроятно, довольно уже утомились, пожала каждой изъ дамъ руку и съ радушной улыбкой отпустила ихъ, сдѣлавъ каждой изъ дамъ на память о посѣщеніи подарокъ, состоявшій изъ картины, нарисованной красками по шелку самой богдоханшей, по четыре куска узорчатой атласной матеріи, по коробкѣ различныхъ шелковыхъ платковъ, по набору частыхъ и рѣдкихъ гребней изъ слоновой кости. Драгоманъ получилъ также въ подарокъ четыре куска разноцвѣтной шелковой матеріи. Поблагодаривъ богдоханшу за угощеніе, радушный пріемъ и милостивое вниманіе, дамы удалились тѣмъ же самымъ путемъ.

Богдоханша произвела самое пріятное впе-

чатлѣніе. На видѣ она представляетъ полную жизни и энергіи женщину, которой нельзя дать болѣе 50-ти лѣтъ. Она средняго роста, плотнаго сложенія; продолговатое лицо манчжурскаго типа; глаза черные, пронизательные, очень живые; все выраженіе лица энергичное; одѣта въ обычный китайскій костюмъ: роскошно вышитую красную атласную курму, поверхъ которой надѣта такая же богато вышитая безрукавка. Прическу богдоханша носить манчжурскую, т. е. на двѣ стороны; въ волосахъ съ обѣихъ сторонъ прически цвѣты. На пальцахъ богдоханши надѣты серебряные ноготники для защиты настоящихъ ногтей отъ поломки. Супруга богдохана, находившаяся возлѣ богдоханши, а затѣмъ бывшая все время съ гостями, имѣетъ на видѣ лѣтъ 26. На ней надѣта была курма изъ блѣдно-сиреневаго шелка, зашитаго золотомъ. Остальныя княжны были одѣты такъ же роскошно. Аудіенція длилась болѣе двухъ часовъ и оставила сильное впечатлѣніе.

ГЛАВА X.

Общенье Россіи съ Китаемъ съ каждымъ годомъ все увеличивается, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе русскихъ людей ѣдетъ въ Китай на службу въ правительственныя или частныя учрежденія. Все чаще и чаще приходится слышать вопросы, которые задаютъ русскіе люди: „Скажите, какая жизнь въ Китаѣ? Какой тамъ климатъ, какое общество, какая обстановка, какіе люди, какія потребности“.

Въ Китай ѣдутъ люди не только молодые и одинокіе, но ѣдутъ и люди семейные, которымъ особенно интересны свѣдѣнія о бытѣ и жизни въ Китаѣ.

Не ошибусь, если скажу, что у насъ въ Россіи существуютъ или самыя превратныя понятія о жизни въ Китаѣ, или люди, ѣдущіе сюда жить, не имѣютъ совершенно никакихъ понятій. Полагаю, что не бесполезно будетъ для людей семейныхъ, если я подѣлюсь съ ними опытомъ своего двухлѣтняго пребыванія

въ богдоханской столицѣ. Самое больное мѣсто жизни въ Пекинѣ, это—образование дѣтей; посмотримъ поэтому, кто изъ семейныхъ можетъ ѣхать въ Китай и кому доступно дать дѣтямъ образованіе. Все зависитъ отъ средствъ и получаемого содержанія. Среднее получаемое служащими содержаніе—4,000 р. кредитныхъ, а такъ какъ жизнь идетъ въ Пекинѣ на доллары, то при размѣнѣ это равняется 4,500 долларовъ, иногда больше, иногда меньше, въ зависимости отъ курса на серебро. Говорятъ, что въ Китаѣ жизнь дешева, что получаемое содержаніе даетъ даже возможность составить приличную экономію. Это мнѣніе совершенно ошибочное. Начнемъ съ холостыхъ. Молодежь получаетъ первый окладъ 1,800 рублей. Имъ этой суммы только-только хватаетъ при самой аккуратной жизни. Содержаніе, т. е. столъ, прислуга, прачка обходится среднимъ 85 р. Содержаніе верховой лошади, единственное развлеченіе, доступное и необходимое въ Пекинѣ, 25 руб. Въ клубъ—членскій взносъ ежемѣсячно 5 руб. Остальное уходитъ на платье, обувь и прочіе мелкіе расходы. Если кто хочетъ пользоваться развлеченіями, каковы: участіе въ пикникахъ, спортъ, бывать въ обществѣ, тотъ неминуемо дѣлаетъ долги. Человѣку семейному жить также не дешево: начиная съ прислуги, про-

довольствія, магазиновъ, платья, обуви—все въ настоящее время стало значительно дороже и многого достать нельзя. Въ настоящее время семейному человѣку очень скромно можно прожить въ Пекинѣ на 2,500—3,000 р., но и то если дѣти маленькія, и не болѣе одного—двухъ. Если дѣти взрослые, то никоимъ образомъ нельзя посовѣтовать таковымъ семейнымъ ѣхать въ Пекинъ.

Главная тягость жизни заключается въ томъ, что въ Пекинѣ нѣтъ никакой возможности давать образованіе дѣтямъ. Въ Пекинѣ не только нѣтъ школы для дѣтей европейцевъ, но нѣтъ даже возможности имѣть преподавателя для изученія какого-либо иностраннаго языка. Какъ ни грустно, но надо признать тотъ фактъ, что, живя въ Пекинѣ, дѣти научиться иностраннымъ языкамъ не могутъ, а правильно говорить по-русски забываютъ, чему способствуютъ и полное одиночество ихъ, и окружающій китаизмъ. Получить какое-либо общее образованіе также невозможно, если не выписать изъ Россіи учительницу для русскихъ предметовъ, а изъ Шанхая гувернантку для англійскаго и французскаго языковъ и музыки. Но чего это стоитъ!

Въ Шанхаѣ есть спеціальные пансіоны, подготавливающіе гувернантокъ и боннъ изъ

дѣвушекъ, такъ называемыхъ хавъ-касть, т. е. у которыхъ одинъ изъ родителей европеецъ, а другой изъ туземцевъ, китаецъ или японецъ. Это наичаще уроженки Кантона или изъ Макао. Бонны получаютъ до 300 долл., гувернантки, съ знаніемъ англійскаго, французскаго яз. и музыки—до 600 долларовъ. Очевидно, что при содержаніи въ 3,000 руб. немислимо имѣть ни учительницу, ни гувернантку.

Говорить же о сбереженіи про черный день совершенно напрасно.

Что касается до общественной жизни, то таковой, какъ мы ее понимаемъ въ Россіи, въ Пекинѣ не существуетъ. Здѣсь нѣтъ ни театра, ни общественныхъ развлеченій, ни даже общественнаго сада для прогулки.

Жизнь имѣетъ совершенно замкнутый кружковый, домашній характеръ. Иностранное общество живетъ отдѣльно, русскій кружокъ живетъ отдѣльно, причемъ и самъ русскій кружокъ дѣлится на отдѣльные кружки.

Простоты, доброты и искренности въ отношеніяхъ русскихъ кружковъ искать напрасно, а если и можно встрѣтить добрыхъ, простыхъ людей, то только какъ исключеніе. Вся обстановка жизни настолько непривычна русскому человѣку изъ средняго круга, настолько часто непонятна и не приспособлена для него, что

большинство скоро начинает томиться и рваться изъ Пекина обратно. Я говорю конечно о людяхъ только *средняго* положенія. Люди высшаго положенія, хотя и тяготятся иной разъ жизнью въ Пекинѣ, но, получая громадное содержаніе, имѣютъ утѣшеніе въ обезпеченіи, которое они составляютъ при службѣ въ Пекинѣ и Китаѣ вообще, чего лишены люди средняго положенія. Что касается климата, то, если исключить отвратительное санитарное положеніе туземнаго Пекина и чисто бытовую сторону жизни, то климатъ самъ по себѣ превосходный.

Тяжелъ бываетъ для европейцевъ только одинъ періодъ лѣтнихъ дождей, такъ называемыхъ *футяней*, да тяжелы выдаются иногда зимніе дни, когда воздухъ бываетъ страшно сухъ. Но вообще весна въ Пекинѣ начинается съ половины *февраля* и наичаще бываетъ пріятная и теплая; съ *апрѣля* мѣсяца начинаются уже жаркіе дни, хотя и перепадають между ними дни пасмурные и даже прохладные, нерѣдко бываютъ даже грозы. Въ маѣ уже становится очень жарко, а съ *іюня* начинаются настоящія жары, чувствуется тягостная духота, мало-по-малу начинаютъ перепадать дожди и въ началѣ *іюня* начинается *форменный футянь*. Но годъ на годъ не походить: нерѣдко лѣто проходитъ и дождей

бываетъ мало, наичаще бываетъ фютянь средней тягости и продолжительности.

Въ это время весь Пекинъ стоитъ окутанъ паромъ. Воздухъ, при постоянной температурѣ днемъ и ночью въ 22—24—26° R., насыщенъ парами. Дышется словно въ жаркой банѣ. Ощущается страшная сонливость, слабость; малѣйшее движеніе вызываетъ потоки пота. Китайцы съ наступленіемъ фютяней снимаютъ съ себя верхнюю одежду и остаются полуголыми. Всѣ вещи пропитываются испареніями, чемоданы, обувь, книги, металлическія вещи покрываются плѣсенью и ржавчиной. Особенно тягостенъ второй фютянь, приходящійся на іюль, самый упорный и многоводный.

Небо чаще и чаще заволакивается тучами; перепадаютъ сильные дожди, часто съ грозой, оставляя послѣ себя тягостныя для европейца испаренія. Нѣтъ ни малѣйшаго освѣжающаго вѣтерка; сидишь, словно въ банѣ, всегда въ поту и вынужденъ каждые два — три часа мѣнять бѣлье, такъ какъ оно становится „хоть выжми“.

Съ половины августа устанавливается погода равномерно теплая, утромъ и вечеромъ—22° R. Небо безоблачное темно-голубое, вечерами ясно звѣздное; въ воздухѣ рѣютъ, словно волшебные огоньки, летающіе свѣтящіеся червячки, мелькая въ темнотѣ листвы.

Отсутствіе водяныхъ паровъ и горячаго влажнаго воздуха отнимаетъ характерную, тягостную истому. Тѣмъ не менѣе, цикады немолчно наполняютъ воздухъ своимъ громкимъ пѣніемъ, крайне рѣзкимъ. Хотя цикадъ здѣсь много разновидностей, но китайцы называютъ ихъ однимъ общимъ именемъ дилаурръ, подраздѣляя на два вида. Первые появляются за мѣсяцъ до наступленія футаля, съ первыми жаркими днями, и очень напоминаютъ крикомъ своимъ нашихъ полевыхъ кузнечиковъ, только кричатъ гораздо громче.

Этихъ предвѣстницъ наступленія жаркаго времени китайцы называютъ „жэ-ерръ“, т. е. горячіе, жаркіе. Передъ началомъ футаля, въ первый, второй и третій его періоды появляются разновидности, которыхъ легко отличишь по звуку ихъ крика. Китайцы всѣхъ ихъ называютъ тоже однимъ общимъ именемъ „фу-тя(нь)-эрръ“, т. е. футянные. Куколки ихъ развиваются въ землѣ близъ деревьевъ; передъ превращеніемъ въ насѣкомое онѣ выбиваются на поверхность земли и всползаютъ на дерево, гдѣ сбрасываютъ свою оболочку и являются настоящимъ насѣкомымъ. Послѣ выхода куколокъ, вся земля около деревьевъ словно пробуравлена оставленными отверстіями. Китайцы собираютъ на стволахъ деревьевъ шкурку куколки и употребляютъ какъ лѣкар-

ство, разваривая въ кипяткѣ и давая пить больнымъ. Самихъ дилауровъ китайцы ловятъ или для забавы, или для лѣкарства, примѣняя слѣдующій остроумный способъ. Такъ какъ дилауры живутъ на деревьяхъ, питаются соками, для чего вкалываютъ свой длинный и острый трубчатый хоботокъ въ кору и высасываютъ древесный сокъ, то, чтобы достать ихъ, китайцы смазываютъ клеемъ конецъ длиннаго бамбука и налѣпляютъ такимъ образомъ дилаура, снимая его съ дерева. Забава же состоитъ въ томъ, что, нося дилаура въ рукѣ и нажимая ему на грудину, заставляютъ его кричать. Пѣніе дилауровъ начинается съ восходомъ солнца и, не смолкая, продолжается до наступленія сумерекъ, причемъ самый разгаръ приходится на время отъ полудня до четырехъ часовъ. Такъ какъ всѣ фу-тянь-эрръ кричатъ одновременно, то можно себѣ представить, какой получается оглушительно-трескучій концертъ! Въ пасмурные дни кричатъ они слабѣе, а во время дождя ихъ совершенно не слышать.

Осень въ Пекинѣ самое пріятное время года. Дни стоятъ теплые, но не жаркіе, чудное всегда голубое небо, вѣтряныхъ дней бываетъ мало, изрѣдка бываютъ грозы. Постепенно свѣжѣя, дни переходятъ къ зимѣ, но первый зимній мѣсяцъ, ноябрь, обычно не

бываетъ холоднымъ: бываютъ утренники, термометръ наичаще показываетъ 0, и въ концѣ мѣсяца начинаются небольшіе морозы, когда по утрамъ бываетъ -2° R. Днемъ же при солнцѣ температура воздуха доходитъ нерѣдко до $+5^{\circ}$ R. Изрѣдка прорываются сѣверо-западные вѣтры, и тогда бываетъ очень холодно. Первый снѣжокъ рѣдко когда выпадаетъ въ концѣ ноября. Настоящая зима устанавливается въ концѣ декабря, когда иной разъ выпадаетъ и глубокий снѣгъ.

Но зима въ Пекинѣ рѣдко бываетъ снѣжная. Временами задуваютъ монгольскіе вѣтры, что съ сухостью воздуха заставляетъ многихъ страдать. Воздухъ бываетъ временами настолько сухъ, что приходится искусственно увлажнять его въ комнатахъ. Вода, разлитая по полу, сохнетъ чрезвычайно быстро. Эта сухость воздуха особенно отзывается на нервныхъ людяхъ въ первый годъ жизни въ Пекинѣ.

Такимъ образомъ для европейцевъ въ Пекинѣ бываетъ самымъ тяжелымъ временемъ года это лѣто, именно періодъ фютяня.

Во время сильнаго фютяня прекращается въ столицѣ Сына Неба всякая дѣловая жизнь и Пекинъ, будучи расположенъ въ низменной равнинѣ, въ разгаръ фютяня буквально стоитъ на водѣ. Ливень такъ бываетъ великъ, что

не только прекращается по улицамъ всякое движеніе, но не рѣдки случаи, что пѣшеходы, застигнутые внезапно на улицахъ ливнемъ, тонуть, уносимые быстрыми потоками. Европейцы на время фѣтяня, кто можетъ, выѣзжаютъ на дачи въ храмы, или въ горы или на морской берегъ въ Чифу, Пей-тай-хо или въ Японію. Пекинъ пустѣетъ, дѣятельность политическая затихаетъ и сами китайскіе чиновники въ своихъ учрежденіяхъ сидятъ обнаженные.

Для уха европейца покажется страннымъ, что выѣзжаютъ на дачу въ храмъ, что свою святыню китайцы отдаютъ „заморскимъ чертямъ“. Презрѣнный металлъ—господствующій здѣсь долларъ покорилъ буддистскихъ бонзъ, хотя все же есть не мало храмовъ, которые не только не отдаются въ наемъ на лѣто, но въ стѣны которыхъ не впускается европеецъ, дабы не осквернить святыни. Плата за храмъ зависитъ отъ вышины храма, отъ мѣстности (въ равнинѣ храмы дешевле, нежели въ горахъ) и въ среднемъ колеблется между 300—600 долларовъ. Чтобы дать понятіе о храмѣ-дачѣ, я сдѣлаю описаніе небольшого, сравнительно, буддійскаго храма „Да-бей-сы“—храмъ великаго милосердія, который издавна служилъ для русскихъ мѣстомъ отдыха, на что остались указанія въ видѣ надписей и вырѣ-

зокъ на камнѣ стѣнѣ. Эти надписи гласятъ, что „Россіяне здѣсь квартировали 1828 года, мая 15-го дня“. Затѣмъ: „Здѣсь жили русскіе миссіонеры 1831. А. Легашевъ, Ив. Захаровъ“. Есть даже юмористическая памятка въ стихахъ, приписываемая перу проф. В. В. Васильева и относящаяся къ 1842 году. Храмъ Да-бей-сы расположенъ на предгорьи; къ нему надо подняться по широкой, вымощенной каменистой тропѣ; по одну сторону тропы лежитъ усѣянное большими камнями русло ущелья, по которому во время дождей бѣшено несется, свергаясь съ горъ, бурный потокъ. Другую сторону образуютъ холмы, которые, постепенно возвышаясь, образуютъ нѣсколько горныхъ вершинъ, раздѣленныхъ ущельями. Съ самой высокой скалистой и обрывистой вершины горы Монбрусъ открывается чрезвычайно живописный видъ на всю пекинскую равнину, на озеро загороднаго дворца императрицы, на желтоводную рѣку Гуанго, на разбросанные по ущельямъ и въ горахъ храмы, ярко сверкающіе въ лучахъ заходящаго солнца своимъ краснымъ цвѣтомъ стѣнъ, подобно огромному костру, пылающему среди зелени туй, сосенъ, дубовъ, а также разноцвѣтные ковры луговъ и посѣвовъ, среди которыхъ преобладающими являются высокостебельные сорго и маисъ. Сдѣлавъ нѣсколько

подъемовъ по тропѣ, мы черезъ узкій проходъ входимъ на чистенькую, выстланную плитами камня площадку, ограниченную съ трехъ сторонъ каменной невысокой, выкрашенной въ красный цвѣтъ оградой, примыкающей къ такого же цвѣта одноэтажному зданію, имѣющему посреди овальной формы дверь и по бокамъ по окну овальной же формы. Надъ дверью идетъ широкій красный обводъ, на которомъ изъ извести вылѣплены изображенія дракона, льва, слона и крылатаго коня. На обводахъ подъ окнами вылѣплены только драконы. Это первый храмъ, воздвигнутый, какъ гласить надпись, по приказанію императора. Передъ храмомъ растутъ два огромныхъ священныхъ дуба, впереди которыхъ возвышается деревянная высокая арка, когда-то выкрашенная въ яркіе цвѣта—красный, синій, зеленый, съ изображеніями драконовъ, но нынѣ ветхая и вся облѣзлая и полинялая. На аркѣ надпись: „Милосердіе Будды накладывается подобно облакамъ“. Черезъ маленькую дверь сбоку храма входимъ во дворикъ, изъ котораго по крутой каменной лѣстницѣ поднимаемся внутрь главнаго двора. Здѣсь стоитъ каменная доска, изображающая исторію храма, весьма древняго и возобновленнаго въ 1725 г. Площадка также вся вымощена камнемъ и окружена со всѣхъ сторонъ такими же от-

дѣльными зданіями, а посреди стоитъ одно большое зданіе—главный храмъ. Передъ храмомъ растутъ два священныхъ дуба, обвитыхъ каждый ліанами. Въ промежуткѣ стоитъ каменный сквозной ящикъ, въ который ежедневно вечеромъ ставятъ три курительныхъ жертвенныхъ палочки. Вдоль стѣнъ большого храма стоятъ въ громадныхъ кадкахъ гранатовыя деревья и деревца, имѣющія розовыя мелкія листья и цвѣтушія красивыми ярко-розовыми цвѣточками. Въ большихъ глиняныхъ горшкахъ растетъ лотосъ, живописно покрывая воду своими большими круглыми листьями и высоко поднимая стебель съ чуднымъ нѣжнымъ бѣлоснѣжнымъ цвѣткомъ. Лотосъ цвѣтетъ здѣсь съ начала іюля; цвѣтокъ его нѣжно-ароматный.

Въ большихъ монастыряхъ лотосъ разводится въ прудахъ. Вообще монастыри буддійскіе чисты и изобилуютъ цвѣтами и растительностью. Большой храмъ—такое же обыкновенное зданіе съ высокой изогнутой черепичной крышей. Двѣ боковыхъ стѣны его каменные, а двѣ другія—деревянные, рѣшетчатые, заклеенныя китайской бумагой, и притомъ передняя стѣна можетъ раздвигаться и служить, такимъ образомъ, входомъ въ храмъ. Большой храмъ внутри представляетъ одну большую комнату. Вдоль боковыхъ стѣнъ на

подмосткахъ расположены 18 изображеній буддйскихъ святыхъ въ разныхъ позахъ, сдѣанныхъ довольно художественно изъ дерева : бронзированныхъ, относящихся къ разряду изшихъ боговъ, называемыхъ лоханами. Въ глу у одного края подвѣшенъ большой колоколь. Передняя стѣна свободна, а въ противоположномъ углу на лежащемъ слонѣ находится большой барабанъ съ словами заклинательной молитвы. Посреди стоитъ столъ, на которомъ расположены священныя книги, мѣдныя тарелочки, колокольчики, деревянные барабаны, въ которые во время моленія бонза ударяетъ деревяннымъ молоточкомъ. Средину стола занимаетъ большая бронзовая чаша — неугасимая лампада (хай-дан-хо) и двѣ узорчатыхъ красныхъ большихъ восковыхъ свѣчи. Противъ этой середины, на возвышеніи подъ балдахиномъ находится громадное бронзированное изображеніе Будды-Фо; по бокамъ стоятъ еще два идола меньшихъ размѣровъ. Передъ Буддой въ чашахъ разставлены приношенія, стоятъ искусственные цвѣты, свѣчи. Сверху спускаются разноцвѣтныя ткани и знамена. Въ монастырѣ Да-бей-сы одинъ только бонза, а потому не бываетъ общественнаго буддослуженія; вообще же ежедневное служеніе состоитъ въ томъ, что нѣсколько разъ въ день производится звонъ въ колокола, подвѣ-

шенные у стѣны храмовъ снаружи и въ большомъ храмѣ внутри. Вечеромъ же въ 6 часовъ и въ 4 часа утра происходитъ служеніе въ большомъ храмѣ. Бонза (хошэнь у буддистовъ) входитъ и деревяннымъ молоткомъ производитъ въ край колокола быстро слѣдующихъ одинъ за другимъ семь ударовъ; затѣмъ ожидаетъ прекращенія звука и медленно ударяетъ 18 разъ, затѣмъ снова быстро семь разъ, затѣмъ снова медленно дѣлаетъ всего 62 удара; послѣ этого подходитъ къ большому барабану и тоже ударяетъ въ него, затѣмъ поправляетъ или зажигаетъ большую лампаду. Послѣ всего иногда садится за столикъ и начинаетъ речитативомъ нараспѣвъ читать священныя книги. Въ большихъ монастыряхъ, гдѣ монаховъ 8 — 10 человѣкъ, тамъ совершается въ шесть часовъ общая служба. Всѣ они въ своихъ плащахъ желтаго, краснаго или блѣдно-сѣраго цвѣта, съ широкими рукавами, подобными рясѣ, и закинутой одной полой на плечо, становятся вдоль храма другъ противъ друга по обѣ стороны Будды и начинаютъ громко пѣть. Пѣніе сопровождается ударами въ небольшой барабанъ деревянной палочкой и имѣетъ три перемѣны. Сперва всѣ стоятъ опустивъ руки ровно, затѣмъ поднимаютъ ихъ въ уровень груди и складываютъ ладонями, а передъ окончаніемъ

службы повергаются на землю передъ Буддой и выходятъ въ порядкѣ изъ храма и идутъ за общую трапезу, приготовленную уже и состоящую исключительно изъ овощей, риса и пшена. Въ большихъ храмахъ, кромѣ большихъ изображеній Будды, находится еще масса маленькихъ изъ бронзы, весьма художественно сдѣланныхъ. Но въ настоящее время найти въ ближайшихъ монастыряхъ къ Пекину изваяніе Будды изъ бронзы очень трудно, такъ какъ бонзы попродавали ихъ европейцамъ, составившимъ многія очень цѣнные и рѣдкія коллекціи. Взамѣнъ же выкраденныхъ поставили бронзированныя глиняныя. Пользуется большою извѣстностью близъ Пекина монастырь Пи-юнь-сы, въ которомъ находится самое полное собраніе изображеній учениковъ Будды во весь ростъ, сдѣланныхъ очень искусно изъ дерева и бронзированныхъ. Собраніе это состоитъ изъ слишкомъ 500 и занимаетъ громадное помѣщеніе въ Пи-юнь-сы. Кромѣ этого собранія, въ Пи-юнь-сы есть зданія, въ которыхъ заключаются изображенія ада и рая, съ мученіями грѣшниковъ въ первомъ, и радостію праведниковъ—во второмъ. Зданія эти, однако, сильно пришли въ упадокъ.

Въ Да-бей-сы, кромѣ большого храма, имѣется четыре малыхъ, которые и сдаются

на лѣто. Эти храмы—обычныя зданія, имѣющія въ себѣ двѣ-три комнаты, раздѣленныя перегородками. Въ средней комнатѣ въ глубокой нишѣ стоятъ изображенія Будды. На время эти изображенія бонзы или выносятъ въ ближайшій храмъ, или закрываютъ ихъ занавѣсью. Эти-то помѣщенія вычищаются, полы покрываются циновками, стѣны бѣлятся, разставляется европейская мебель, и вотъ въ буддійскомъ монастырѣ появляется европейская жизнь. Бонзы вообще очень благосклонны къ русскимъ, которые ведутъ себя всегда мирно и привѣтливо, и частенько жалуются на англичанъ, особенно на ихъ студентовъ, которые нарушаютъ тишину и на которыхъ, поѣтому, Будда бываетъ недоволенъ, такъ что бывали случаи, что бонзы охотно отдавали свои храмы русскимъ и отказывали англичанамъ.

Футянный періодъ заканчивается временемъ, которое китайцы называютъ мо-тянь и за которымъ уже начинается осень. Всѣ перемѣны времени года настолько сохраняютъ въ Пекинѣ правильность и постоянство характера, что китайскій календарь, какъ исключеніе изъ другихъ календарей, никогда не вретъ, обозначая начало и конецъ того или другого періода. Наступленіе мо-тяня характеризуется съ перваго же дня по китайскому

календарю тѣмъ, что ночи становятся холоднѣе и пропадаютъ москиты, почему китайцы могутъ снять полога съ своихъ постелей. И дѣйствительно, въ первый же день мо-тяня всѣ китайцы спятъ уже на открытыхъ канахъ (деревянныхъ или каменныхъ нарахъ). Мо-тянь продолжается до конца августа и въ этотъ періодъ не рѣдки „сухія грозы“; иной разъ проходитъ и сильный, но кратковременный ливень.

Лѣтомъ въ Китаѣ нерѣдко проходятъ иногда сильныя бури, особенно въ южной его части. Вообще Дальній Востокъ имѣетъ свои особенности: заканчивается въ Китаѣ періодъ футяня, начинается въ Китайскомъ и Японскомъ моряхъ періодъ тай-фыновъ или тай-фуновъ. Слово это по-китайски значитъ время большихъ вѣтровъ. Причины, порождающія это ужасное морское явленіе, далеко еще не изучены. Состоитъ тай-фынь въ томъ, что въ морѣ движется страшный ураганъ-вихрь, заставляющій клокотать волны и сопровождаемый страшной грозой и дождемъ. Двигается онъ обыкновенно съ юга на сѣверо-западъ, доходя до 30° сѣверной широты. Тай-фынь движется, имѣя центръ и два крыла; въ центрѣ свирѣпствуетъ самъ адъ, а на окружности сила бури постепенно ослабѣваетъ. По наблюденіямъ моряковъ, движется тай-фынь всегда

по параболѣ. Свирѣпствуютъ эти вихри-бури въ Татарскомъ проливѣ у береговъ Японіи, Китая и Кореи и доходятъ до Владивостока. Первые тай-фыны появляются обыкновенно въ іюнѣ мѣсяцѣ, не сильные и рѣдкіе, количественно и качественно увеличиваются въ іюлѣ и достигаютъ высшей силы проявленія въ августѣ и сентябрѣ, уменьшаются въ октябрѣ и прекращаются въ ноябрѣ. Съ неизмѣнною правильностью появляются тай-фыны ежегодно между Японіей и Китаемъ, въ моряхъ, омывающихъ ихъ берега. Тай-фынъ занимаетъ въ своемъ движеніи большое морское пространство и движется не одинаково быстро. Такъ, въ Сѣверномъ Китайскомъ морѣ быстрота его весьма различна и колеблется отъ 5 до 30 миль въ часъ, а въ Японскомъ морѣ быстрота его движенія больше, отъ 17 до 38 миль въ часъ. Чѣмъ далѣе къ сѣверу, тѣмъ болѣе замедляется быстрота его движенія, уменьшаясь до 10—5 миль въ часъ. Что касается пространства, которое захватываетъ тай-фынъ, то наблюденія дали пока мало достовѣрнаго; полагаютъ, однако, что діаметръ пространства, которое занимаетъ тай-фынъ, равняется 800 — 1000 миль. Опасность для судна попасть въ тай-фынъ такъ велика, что въ настоящее время во многихъ мѣстахъ устроены метеорологическія станціи, съ кото-

рыхъ тотчасъ же разсылаются телеграммы во всѣ порты при признакахъ приближенія тай-фына, и суда, готовыя къ отплытію, выжидаютъ минованія этого морского бича. Признаками приближенія этого ужаса служатъ паденіе барометра и особенно глубокая морская зыбь. Въ широтахъ, гдѣ ежедневное движеніе барометра въ высшей степени правильно, самое незначительное колебаніе его въ извѣстное время года служитъ признакомъ безпокойнаго состоянія атмосферы и приближенія бури.

Въ широтѣ 30° и сѣвернѣе колебанія барометра рѣзки, паденіе его достигаетъ величины 11,9 mm. въ теченіе часа, вообще же паденіе барометра въ среднемъ на 0,8 mm. указываетъ уже приближеніе тай-фына въ широтахъ отъ 10°. Паденіе барометра совершается чрезвычайно быстро. Зыбь въ открытомъ морѣ появляется нерѣдко за 30 и 48 часовъ, при слабомъ вѣтрѣ, до того момента, когда корабль попадетъ въ центръ тай-фына. Причинами, производящими тай-фынъ, считаютъ раздѣленіе воздушнаго давленія и господствующихъ воздушныхъ теченій въ западной части Тихаго океана, наблюдаемое къ концу лѣта, т.-е. къ тому времени, когда начинаютъ проявляться въ здѣшнихъ моряхъ тай-фыны. Къ этому же времени въ Средней

Азіи наблюдается барометрическій minimum, захватывающій берега Китая и распространяющійся до Филиппинскихъ острововъ. Подъ его вліяніемъ у Филиппинскихъ острововъ и у береговъ Китая дуетъ въ это время южный муссонъ. Въ это же время встрѣчается minimum воздушнаго давленія въ Охотскомъ морѣ и maximum въ Сибири. Въ этой же области различнаго давленія воздуха, разницы температуры воздушныхъ слоевъ, влажности и получаютъ свое начало тѣ вихри-бури, которые китайцы называли тай-фынь. Вихрь этотъ кружился бы на одномъ мѣстѣ, если бы на всѣ части было равномерное давленіе воздушныхъ теченій, но какъ только давленіе воздушнаго теченія на одну сторону его будетъ большее, нежели на другую, противоположную, то результатомъ такой неравномерности получается движеніе вихря. Кромѣ этихъ общихъ причинъ, въ отдѣльности теченія Японскаго моря, а именно, съ одной стороны, теплое теченіе Куро-Сиво, которое идетъ вдоль береговъ Японіи съ сѣверо-востока, а другое теченіе холодное вдоль береговъ Манчжуріи, образуютъ столь значительное количество тумановъ и влажности, что даютъ возможность предположить о самостоятельной причинѣ, способствующей образованію тай-фыновъ вблизи Кореи. Кто разъ испыталъ тай-фынь въ во-

дахъ Китая или Японіи, тотъ никогда его не забудетъ. Предвѣстниками его появляются сперва необыкновенный зной въ воздухѣ, становится нечѣмъ дышать, ощущается удрученное состояніе духа, ни малѣйшаго движенія воздуха, все на пароходѣ проникнуто запахомъ машиннаго отдѣленія и печей.

Но вотъ появляются и стягиваются низкоползущія свинцовыя тучи, слышатся раскаты грома, прорѣзываетъ наступающую мглу яркая молнія, блескъ которой приводитъ въ содроганіе и ужасъ нервныхъ людей. Вѣтеръ мѣняетъ свое направленіе съ восточнаго на юго-восточный, южный или западный, юго-западный, смотря по направленію идущаго тай-фына. Всѣ прячутся, слышатся возгласы отчаянія и молитвы. Тай-фынъ приближается по 26 миль въ часъ и схватываетъ все встрѣчающееся ему на пути съ яростью бури, урагана, грозы и страшнаго ливня. Вихрь буквально треплетъ и рветъ пароходъ на части; дождь льетъ, море кипитъ и заливаешь волнами всю палубу, снося и уничтожая все, что есть на пути. Ни одно судно, попавшее въ тай-фынъ, не уходитъ цѣлымъ, но всѣ получаютъ болѣе или менѣе серьезныя поврежденія, а многія гибнутъ или бываютъ выброшены на берегъ. Всѣ, испытавшіе тай-фынъ, единогласно свидѣтельствуютъ, что

приступы вѣтра бываютъ ужасны, равно какъ и величина волнъ достигаетъ невѣроятно громадныхъ размѣровъ. Имѣется одно наблюденіе, сдѣланное на клиперѣ „Абрекъ“, о сильномъ фосфорическомъ свѣтѣ и запахѣ сѣры во время ночи, а въ записяхъ обсерваторіи въ Нагасаки указано на землетрясеніе, бывшее въ октябрѣ 1877 года во время тай-фуна на морѣ. Имѣется также одно наблюденіе, что во время тай-фуна въ 1878 году появилась въ очень сильной степени въ Нагасаки холера. По счастью, не каждый годъ бываютъ столь гибельные по своей силѣ тай-фуны. Въ 1891 году въ сентябрѣ мѣсяцѣ былъ страшный тай-фунъ въ переходѣ отъ Нагасаки въ Чифу. На пассажирскомъ японскомъ пароходѣ „Гейкай-мару“ волнами сорваны были шлюпки и снесены кожуха, наконецъ, въ одно мгновеніе волны залили машинное отдѣленіе и топки. Началась отчаянная борьба со смертью, въ которой побѣдителями вышли люди, цѣлую ночь работавшіе помпами и выкачивавшіе воду. Въ 1896 году, 15-го іюля, тоже былъ сильный тай-фунъ, во время котораго погибла близъ Чифу германская канонерка „Ильтисъ“ съ 80-ю человѣками команды. Въ томъ же году довольно сильный тай-фунъ дошелъ до Владивостока, гдѣ сорвалъ крыши съ домовъ, вывернулъ деревья, повыбросалъ

на берегъ множество разбитыхъ лодокъ и баркасовъ. Обычно тай-фынь свирѣпствуетъ сутки, а затѣмъ освобождаетъ свою жертву и несется дальше, но бываютъ тай-фыны, длящіяся двое, трое и четверо сутокъ, каковъ былъ тай-фынь много лѣтъ назадъ въ Нагасаки. Вліяніе тай-фына проявляется и на сушѣ далеко отъ берега моря. Въ томъ же году 15-го іюля 1897 г. я жилъ въ 25-ти верстахъ отъ Пекина и верстахъ въ 300 отъ Чифу. День 15-го іюля былъ жаркій, но не предвѣщавшій ничего особеннаго. Часовъ около шести вечера поднялся вихрь, нашли черныя тучи, освѣщенные пурпурно-огненными лучами заходящаго солнца, загремѣла гроза при сильномъ ливнѣ и все это продолжалось не болѣе трехъ четвертей часа. Затѣмъ все стихло и только на другой день я узналъ о бывшемъ несчастіи въ Чифу во время тай-фына 15-го іюля. Во время этого-же тай-фына погибло много китайскихъ фелюгъ и джонокъ. По нѣкоторымъ погибшимъ жителямъ Пекина родные совершали молитвы объ упокоеніи ихъ душъ. Моленіе совершалось на мосту, перекинутомъ черезъ городской каналъ. Была поставлена красиво сдѣланная и покрытая надписями, указывавшими добрыя качества погибшихъ въ морѣ, джонка. Среди нея былъ поставленъ столъ, за кото-

рымъ сѣли буддистскіе хошэны (монахи) въ своихъ одеждахъ, весьма напоминающихъ рясы нашего духовенства. Моленіе состояло изъ пѣнія молитвъ, сопровождавшагося постукиваніемъ одного хошэна палочкой по краю стоявшаго передъ нимъ колокольчика, въ пѣніи на-распѣвъ, въ стучаніи въ барабанъ. Затѣмъ принесена была духу усопшаго жертва и джонка была зажжена. Родственники стали на коврикъ на колѣни передъ пылавшей джонкой и сдѣлали три земныхъ поклона, какъ бы посылая вѣчное прости ушедшему отъ нихъ навѣки дорогому существу и увѣреніе, что память о немъ останется ненарушима.

ГЛАВА XI.

Всѣ знающіе китайскій народъ единогласно утверждаютъ, что это не только самый вѣро-терпимый народъ, но даже относящійся безразлично къ религіознымъ и духовнымъ вопросамъ.

Китайскій народъ, исповѣдующій раціоналистическіе взгляды на жизнь, всего болѣе одержимъ суевѣріями, которыя держатъ его мысль и чувство въ своей власти, и далекъ отъ отвлеченныхъ религіозныхъ міросозерцаній.

Среди китайскаго населенія господствуютъ три главныхъ религіозныхъ вѣрованія, уживающихся мирно одно съ другимъ. Въ настоящее время первымъ по распространенности вѣрованіемъ является конфуціанство, вторымъ буддизмъ и третьимъ дао-сизмъ, хотя, не имѣя статистическихъ данныхъ, невозможно сказать, какая изъ послѣднихъ двухъ религій имѣетъ больше послѣдователей. Несомнѣненъ только тотъ фактъ, что

буддистскіе храмы въ Китаѣ разрушаются и пустѣютъ, изображенія буддъ раскрадываются и распродаютъ для составленія коллекцій европейцамъ. Только въ Монголіи буддизмъ попрежнему держится прочно, въ Китаѣ же онъ уступилъ свое мѣсто конфуціанству. Независимо отъ принадлежности къ той или другой религіи, китайцы вѣрятъ въ самыя разнообразныя легенды и исполняютъ обрядности народныхъ праздниковъ въ честь какого-либо обоготвореннаго героя или какого-либо легендарнаго событія.

Конфуціанство, собственно, не отвѣчаетъ нашему понятію о религіи; правильнѣе назвать его раціоналистическимъ ученіемъ, вполне отвѣчающимъ духу китайскаго народа, а потому и принятому такъ охотно и сохраняемому съ такимъ упорнымъ постоянствомъ. Конфуцій, какъ извѣстно, былъ, прежде всего, народный учитель и въ основу своего ученія положилъ народность, собравъ всѣ историческія проявленія жизни народа, а также поэзію его въ видѣ народныхъ пѣсень и указавъ на идеалъ народной нравственности, насколько онъ выражался въ народной исторіи — герояхъ, легендахъ и поэзіи.

Создавъ, такимъ образомъ, руководство для своихъ учениковъ, основанное на народныхъ идеалахъ, Конфуцій не касался совер-

шенно вопросовъ духовныхъ. Ученики Конфуція издали его ученіе въ видѣ сборниковъ подъ именемъ Ли-цзи—собрание церемоній и Сяо-цзинъ—о почтительности къ родителямъ. Конфуцію-же приписываются историческій сборникъ Шу-цзинъ и книга пѣсенъ Ши-цзинъ, въ которой и заключается вся душа народная. Любовь къ народу, участіе къ его страданіямъ, жизнь посреди народа и — создали славу Конфуцію, какъ выразителю желаній народа, оформившему эти желанія въ книгѣ церемоній, которыми вся китайская народная жизнь втиснута въ заранѣе опредѣленные рамки.

Церемоніями заранѣе опредѣлено все, начиная съ нравственности, образа жизни каждой семьи, будь это простой земледѣлецъ или знатный сановникъ, правитель государства. На всѣ событія въ жизни народа ясно указано исполненіе соотвѣствующихъ церемоній. И до сего дня эти опредѣленные формы отношеній — церемоніи — составляютъ прочный фундаментъ, на которомъ зиждется весь общественный и государственный строй Китая. Не касаясь совершенно духовной стороны человѣческой жизни, Конфуцій всецѣло передалъ религіозные обряды и вѣрованія, которые господствовали въ его время среди народа и выражались въ жертвоприношеніяхъ

небу, землѣ, вѣтрамъ, горамъ, предкамъ. Онъ самъ совершалъ эти жертвоприношенія и оказывалъ величайшее благоговѣніе памяти предковъ. Послѣдователи Конфуція не строятъ храмовъ на улицахъ, подобно буддистамъ и дао-самъ, но каждый въ домѣ своемъ имѣетъ молельню, гдѣ ставятся дощечки съ написанными на нихъ именами предковъ. Старшій членъ семьи каждое утро является сюда съ привѣтствіемъ; онъ не начнетъ никакого дѣла, не сообщивъ о немъ предварительно предкамъ, а каждое 1-е и 15-е число и въ праздники онъ совершаетъ жертвоприношенія передъ дощечками, олицетворяющими предковъ. Такимъ образомъ, культъ почитанія предковъ и строгое соблюденіе всѣхъ церемоній — сущность конфуціанства, объясненіе стойкости тѣхъ вѣковыхъ традицій, которыя сохраняются неизмѣнно китайцами.

Что касается буддизма, то въ Пекинѣ и сѣвѣрномъ Китаѣ буддистскіе храмы, бывшіе недавно еще образцами богатства и художественной архитектуры, представляютъ или заустѣніе, или полное разрушеніе; усердіемъ послѣдователей поддерживаются очень немногіе. Даже казенные храмы и тѣ разрушаются, а хошэны (жрецы), чтобы добыть себѣ средства къ пропитанію, отдаютъ эти храмы на лѣто подѣ дачи европейцамъ и

распродають потихоньку изображенія бронзовыхъ и золотыхъ буддъ, замѣняя ихъ глиняными, но бронзированными.

Что касается дао-сизма, то это религія, полная самыхъ сложныхъ и разнохарактерныхъ обрядностей. Да-осы признають своимъ учителемъ философа Лао-цзы, современника Конфуція. Послѣдователи Лао-цзы посвятили себя исключительно религіознымъ обрядамъ, занятію астрологіей, медициной, изысканіямъ тайныхъ средствъ для продленія жизни и достиженія безсмертія. Они стали изготовлять различные чудесные талисманы и чудодѣйствующія пилюли. Собравъ все суевѣрія въ народныхъ вѣрованіяхъ, они развили изъ нихъ цѣлую религіозно-мистическую систему „дао“, т. е. путь, которымъ можно достигнуть совершенства и безсмертія. Послѣдователи этого „дао“ стали давать обѣты не убивать живыхъ существъ, не пить вина, не предаваться плотской любви, не воровать и строго соблюдать уваженіе къ родителямъ, къ государю и учителямъ, самопожертвованіе, призрѣніе бѣдныхъ, больныхъ, несчастныхъ.

Съ дальнѣйшимъ развитіемъ этого ученія явилось 18 разнообразныхъ системъ, объяснявшихъ все видимое и невидимое. Небо, звѣзды, солнце, луна—все это въ ученіи даосовъ имѣетъ своего духа - правителя; все

небесное пространство населено духами, высшими и низшими; каждая звѣзда есть олицетвореніе кого - либо живущаго на землѣ. Не довольствуясь видимыми силами природы, даоское ученіе создало легендарныя горы, пещеры, находящіяся на небѣ и на землѣ, обитаемыя бессмертными святыми. Боги и духи, по ученію даосовъ, занимаютъ во всей природѣ уготованныя имъ мѣста. Даосы-жрецы играютъ, поэтому, очень видную роль въ жизни китайцевъ: они умѣютъ строить мостъ для перехода душъ умершихъ въ царство тѣней, они умѣютъ готовить цѣлебныя снадобья, талисманы и лѣкарства, они умѣютъ заклинять духовъ, составлять гороскопы, календари. Даоскіе храмы въ Пекинѣ процвѣтаютъ и многіе славятся, какъ мѣста, гдѣ молящіяся получаютъ просимое. Такъ, близъ Пекина есть даоскій храмъ „Дунь-Йо-мяо“, гдѣ находится чудодѣйственный бронзовый мулъ. Сюда приходятъ молиться неплодныя женщины и, прикасаясь къ одному органу бронзоваго животнаго, исцѣляются отъ своего безплодія. Въ другихъ монастыряхъ такую чудодѣйственною силою обладаютъ священныя деревья, принадлежащія къ семейству Saliburnia. Достаточно, принеся жертву богинѣ Гуанинь-Пусса, посидѣть подъ этимъ деревомъ, чтобы исцѣлиться отъ без-

плодія. Даоскіе жрецы принимаютъ больныхъ въ свои монастыри и занимаются лѣченіемъ.

Къ этимъ тремъ религіямъ примыкаютъ и чисто-народное боготвореніе и чествованіе легендарныхъ героевъ и легендарныхъ событій. Напримѣръ, китайцы совершаютъ ежегодно, 15-го числа 7-й луны, т. е., въ іюнѣ мѣсяцѣ, моленіе за души преступниковъ, умершихъ на висѣлицѣ, и за души умершихъ безпріютныхъ скитальцевъ. Приносить жертвы и молиться за души предковъ въ Китаѣ имѣютъ право только представители мужского поколѣнія, а потому за тѣ души, за которыя молиться некому, молятся монахи.

Вотъ какъ происходило это моленіе въ храмѣ „Да-чжунъ-сы“, т. е. храмѣ великаго колокола. Послѣ захода солнца монахи этого буддистскаго храма, въ числѣ четырехъ, собрались въ одной изъ кумиренъ. Передъ идоломъ Будды поставлены были принесенныя жертвы. Старшій изъ монаховъ, ставъ передъ Буддой, разными знаками и заклинаніями сталъ призывать души умершихъ насладиться жертвами, состоявшими изъ риса, пшена, сорго, овощей. Затѣмъ, всѣ вышли изъ кумирни на площадку, гдѣ приготовлены были связки серебряныхъ и золотыхъ бумажныхъ кружковъ, изображающихъ деньги, и сожгли

ихъ. Это сожиганіе имѣетъ значеніе посылки денегъ на нужды умершихъ въ ихъ пользование. Само населеніе также принимаетъ участіе въ этомъ моленіи, но не въ храмѣ, а у себя, по домамъ. Изъ арбузныхъ корокъ и листьевъ лотоса устраиваютъ лодочки, внутрь ихъ помѣщаютъ горящую свѣчку и пускаютъ на воду прудковъ и ручейковъ, гдѣ таковые имѣются. Посылкой этихъ лодочекъ имѣютъ въ виду оказать помощь при переправѣ душъ въ царство свѣта изъ царства мрака.

Монастырь Да-чжунъ-сы находится въ 8-ми верстахъ отъ Пекина, въ равнинѣ, и принадлежитъ къ числу видныхъ монастырей. Основанъ онъ въ 1735 году и долгое время служилъ для остановки на ночлегъ богдохана, когда онъ отправлялся на богомолье. Въ настоящее время богдоханъ ѣздитъ на богомолье другой дорогой, и обширныя помѣщенія и кумирни монастыря пришли въ упадокъ.

Значеніе этого монастыря поддерживается лишь тѣмъ обстоятельствомъ, что въ немъ совершается моленіе о дождѣ во время засухи, совершаемое, по приказанію богдохана, княземъ и министрами. Самое-же наименованіе „храмъ большого колокола“ произошло отъ того, что здѣсь имѣется дѣйствительно громадный колоколъ, въ который звонятъ,

чтобы услышалъ Будда, при моленіи о дарованіи дождя. Колоколъ этотъ помѣщается въ отдѣльной деревянной колокольнѣ, подъ навѣсомъ; отлить онъ изъ мѣди съ большимъ количествомъ серебра, звонъ его чрезвычайно мелодичный. Онъ имѣетъ форму тюльпана; высота его отъ основанія до вершины три сажени, въ обхватѣ 20 аршинъ, толщина наружнаго края пять вершковъ. Замѣчательнъ этотъ колоколъ тѣмъ, что вся его поверхность снаружи и внутри испещрена выпуклыми китайскими письменами. Звонъ въ колоколъ производится посредствомъ деревяннаго молотка, которымъ бьютъ въ его наружный край. Храмъ великаго колокола привлекаетъ туристовъ-европейцевъ. Съ высоты колокольни открывается роскошный видъ на всю пекинскую равнину и на ближайшую цѣпь горъ, синѣющую на горизонтѣ своими зубчатыми краями. Туристы считаютъ своей обязанностью застѣись нѣсколькими связками китайскихъ мѣдныхъ монетъ—„чѡховъ“, которые и бросаютъ съ высоты колокольни, стараясь попасть внутрь колокола и вызывать изъ него нѣжный гармоничный звукъ. Присутствующіе тутъ-же мальчуганы-ученики или послушники монаховъ стремительно собираютъ падающія на землю монеты. Монастырь Да-чжунъ-сы принадлежитъ казнѣ и

считается самымъ большимъ въ окрестностяхъ Пекина. Какъ и всѣ китайскія кумирни, монастырь Да-чжунъ-сы состоитъ изъ лабиринта большихъ и малыхъ дворовъ, вымощенныхъ сплошь каменными плитами; въ каждомъ такомъ дворѣ симметрично посажены передъ кумирнями деревья восточныхъ туй, кипарисовъ, орѣшинъ, сосенъ, обвитыхъ глициніями. Деревья эти считаются священными.

Во многихъ кумирняхъ подъ такими деревьями поставлены памятники, въ видѣ высокихъ мраморныхъ досокъ, укрѣпленныхъ на спинахъ каменныхъ черепахъ. Черепаха служитъ эмблемой вѣчности. На таблицахъ изсѣчены имена умершихъ, за души которыхъ молятся монахи этого монастыря. Внутри большихъ четырехугольныхъ дворовъ, ограниченныхъ кумирнями, находятся на пьедесталахъ большія урны, каменные, чугунныя, бронзовыя, смотря по богатству монастыря; въ нихъ сжигаются жертвенныя свѣчи. Кумирня Да-чжунъ-сы находится въ упадкѣ и поддерживается слабо; поэтому, хотя китайское правительство и запрещаетъ монахамъ отдавать въ наемъ европейцамъ свои монастыри; монахи нарушаютъ это запрещеніе, но съ оговоркой, что если будетъ засуха или если по веснѣ не выпадетъ обычнаго количества дождей, то на время прибытія

китайскихъ чиновниковъ для моленія о дождѣ европейцы должны на нѣсколько дней выѣхать. Съ каждымъ годомъ послѣ лѣтняго періода дождей зданія и стѣны кумирни все болѣе и болѣе разрушаются, а отъ зданія, въ которомъ останавливался богдоханъ, не осталось и слѣда. Все поросло бурьяномъ, и самая эта площадь служить мѣстомъ, куда сваливается весь мусоръ.

Въ монастырѣ Да-чжунъ-сы находится 8 монаховъ: одинъ настоятель, затѣмъ монахъ, которому поручена хозяйственная часть, монахъ, который завѣдуетъ приѣмомъ гостей и странниковъ; остальные монахи отправляютъ ежедневныя службы. Службы совершаются четыре раза въ сутки: въ 6 час. утра, въ 12 час. дня, въ 6 ч. вечера и въ 3 ч. ночи. Настоятель и его помощникъ на службахъ этихъ не бывають, а присутствуютъ лишь во время торжественныхъ службъ по праздникамъ. Моленіе состоитъ изъ пѣнія—довольно заунывнаго—молитвъ, сопровождаемаго поклонами и колѣнопреклоненіями, причемъ одинъ изъ монаховъ ударяетъ молоточкомъ по барабану и палочкой въ стоящій передъ нимъ колокольчикъ. Вечернее и ночное моленія сопровождаются ударами въ большой барабанъ, положенный обыкновенно на спину слона, сдѣланнаго изъ дерева.

Несмотря на множество большихъ и маленькихъ кумиренъ, разбросанныхъ по всѣмъ улицамъ Пекина, молящагося народа въ этихъ кумирняхъ увидать нельзя, за исключеніемъ особыхъ годовыхъ праздниковъ, въ которые народъ стекается или на богомолье къ особо чтимому святому, память котораго празднуется въ этотъ день, или на богомолье въ честь какого-либо праздника.

Таковы громадныя и старинныя кумирни-храмы въ Пекинѣ и вблизи него, каковы: Хей-сы, Бо-юнь-гуань, Юнь-хо-чунь, Хуань-сы и многіе другіе.

Во время годовыхъ праздниковъ въ этихъ храмахъ совершается торжественное служеніе и процессія съ святынями храма при стеченіи многихъ тысячъ народа обходить вокругъ всего храма. Въ нѣкоторыхъ храмахъ, каковы Хей-сы и Юнь-хо-чунь совершается особая религіозная пляска. Нѣкоторые праздники длятся по три дня и сопровождаются ярмаркой.

Но и во время этихъ праздниковъ молящихся въ кумирняхъ изъ народа почти не бываетъ. Въ кумирню приходятъ лишь любознательные европейцы, да немногіе изъ посѣтителей, тысячныя же толпы народа стоятъ около, ожидая зрѣлища, которое дастъ имъ эффектная процессія. О молитвенномъ настроеніи не можетъ быть и рѣчи.

Молитвы свои китаецъ совершаетъ у себя дома, передъ своимъ домашнимъ алтаремъ, на которомъ стоитъ все, что дорого ему въ жизни,—таблицы предковъ. Предъ ними онъ преклоняется, имъ онъ приносить жертвы.

Моленія же въ храмахъ всецѣло предоставлены или жрецамъ или чиновникамъ и самому богдохану, являющемуся и ходатаемъ за народъ передъ Небомъ и отвѣтственнымъ за всѣ несчастія, которыя Небо посылаетъ на народъ за грѣхи богдохана. При такой вѣротерпимости китайскаго народа всѣ религіи уживаются между собою мирно и даже не чуждаются другъ друга. Единственнымъ исключеніемъ выдѣлилась христіанская религія мира и любви, которая вселила къ себѣ ненависть въ народѣ, которая внесла въ добродушный народъ китайскій вражду и злобу и изъ-за которой пролито много неповинной народной крови въ прошломъ китайскаго народа и еще болѣе будетъ пролито человѣческой крови въ будущемъ, по всей вѣроятности очень недалекѣмъ.

Въ отдаленномъ прошломъ гибли только христіанскіе миссіонеры и за пролитую христіанскую кровь китайскій народъ расплачивался деньгами и головами убійцъ, но въ ближайшемъ къ намъ времени христіанскія государства нашли, что мало брать за хри-

стіанскую кровь, пролитую язычниками, только деньги и кровь убійць, а надо еще и разорить народъ, который не признаетъ и не понимаетъ христіанской проповѣди, насильно ему навязываемой.

Событіемъ, ознаменовавшимъ новое направление въ отношеніяхъ европейскихъ государствъ къ Китаю, создавшимъ кровавое возмездіе и приготовившимъ кровавыя дальнѣйшія событія, было убійство двухъ нѣмцевъ миссіонеровъ въ деревушкѣ Кіао-Чаувъ шандунской провинціи, которое повлекло за собой занятіе нѣмцами бухты Цзяо-Чжоу и выдвинуло китайскій вопросъ. Обѣ жертвы китайской анти-европейской ненависти, миссіонеры-католики Францъ Нисъ 38 л. и Ричардъ Генле 32 лѣтъ, жили вмѣстѣ съ третьимъ, спасшимся отъ смерти, миссіонеромъ Стенцемъ уже нѣсколько лѣтъ и привлекали къ себѣ симпатіи населенія. Въ этой мѣстности шандунской провинціи трудится до десяти миссіонеровъ и насчитывается до 5 тысячъ обращенныхъ въ христіанство китайцевъ.

Убійство это произошло въ ночь на первое ноября 1897 года. Нападеніе сдѣлано было шайкой человѣкъ въ 30 на помѣщеніе, въ которомъ жили вдвоемъ миссіонеры Нисъ и Генле. Двери и окна помѣщенія были вырваны, и толпа, вооруженная саблями, ружья-

ми, пиками, ворвалась въ комнату. Разбуженныя жертвы сопротивлялись, но были убиты разбойниками. Нисъ получилъ болѣе 30 ранъ, а Генле—6 ранъ. Третій миссіонеръ, жившій въ смежномъ дворѣ, услыхавъ шумъ и понявъ его значеніе, спрятался въ сторожку у воротъ, и убійцы нѣсколько разъ проходили мимо него, стараясь его найти, чтобы покончить и съ нимъ. Помѣщеніе было разграблено. На другой день утромъ явились китайскія власти на осмотръ мѣста, которое представляло ужасное зрѣлище: изуродованные два трупа и все помѣщеніе, залитое кровью жертвъ! Китайская администрація приписала это убійство шайкѣ разбойниковъ, такъ какъ совершенъ былъ и грабежъ, но общая молва и цѣлый рядъ предшествовавшихъ событій ясно устанавливали, что это убійство совершено по заранѣе задуманному плану и съ вѣдома самого губернатора провинціи, ненавистника европейцевъ.

Въ южныхъ китайскихъ провинціяхъ существуетъ много тайныхъ политическихъ обществъ: нѣкоторыя изъ нихъ ставятъ себѣ цѣлью сверженіе манчжурской династіи, а другія преслѣдуютъ борьбу съ иноземцами вообще, а въ особенности съ миссіонерами. Ненависть къ миссіонерамъ среди населенія южнаго Китая и среди мандари-

новъ, несомнѣнно, очень велика. Причиною этой ненависти являются условія отчасти экономическія, отчасти бытовыя и національныя. Указываютъ, что миссіонеры въ мѣстѣ своего поселенія прежде всего скупаютъ земли и, пріобрѣтая большую экономическую силу, держатъ въ тяжелой зависимости бѣдное населеніе, благопріятствуя лишь тѣмъ, кто принимаетъ у нихъ христіанство. На распространеніе христіанства китайское населеніе смотритъ очень враждебно, такъ какъ китаецъ-христіанинъ перестаетъ уже быть китайцемъ и становится ближе къ европейской культурѣ, начинаетъ избѣгать всего своего родного. Не мало способствуетъ проявленію вражды и то обстоятельство, что, несмотря на энергичную и стойкую пропаганду христіанства, въ Китаѣ нѣтъ ни одного чиновника или мандарина христіанина. Мандарины же относятся съ величайшей ненавистью къ миссіонерамъ по многимъ причинамъ; говорятъ, что китайцы-христіане перестаютъ безпрекословно повиноваться мандаринамъ и на дѣйствія ихъ жалуются миссіонерамъ, а тѣ черезъ консуловъ и посланниковъ передаютъ жалобы въ министерство. Является, такимъ образомъ, непріятный и чуждый китайскому чиновнику контроль надъ его дѣйствіями, доставляющій ему не мало непріятностей. Въ

народъ непрязнь къ миссіонерамъ поддерживается усердно распространяемыми слухами, что сестры милосердія и миссіонеры занимаются колдовствомъ, для чего вырываютъ у дѣтей глаза, сердце и мозгъ. Какъ ни нелѣпы такія обвиненія, но они прочно держатся въ народной массѣ и происшедшее въ 1870 г. избіеніе миссіонеровъ въ Тянь-Цзинѣ съ разрушеніемъ церкви и миссіонерскихъ зданій вызвано было, именно, этими обвиненіями.

Когда въ Тянь-Цзинѣ вновь была отстроена и освящена разрушенная церковь, снова подготовлялись безпорядки съ разсказами на ту-же тему и съ дополненіемъ, что миссіонеры скупаютъ дѣтей и убиваютъ ихъ въ своихъ госпиталяхъ и пріютахъ, дѣлая изъ мозговъ смѣсь, которую продаютъ въ своихъ лавкахъ подъ именемъ сгущеннаго молока; что дѣтей топятъ и кладутъ подъ сваи желѣзной дороги, чтобы мосты были крѣпче и т. п. Въ южныхъ провинціяхъ Китая, гдѣ и европейцевъ, и миссіонеровъ гораздо больше, и само китайское населеніе отличается большей нервностью и впечатлительностью, нежели въ сѣверномъ Китаѣ, главнымъ образомъ и распространена дѣятельность тайныхъ политическихъ обществъ и проявляется кровавая расправа съ миссіонерами, этими жер-

твами вносимой ими западной культуры. Въ 1896 году было произведено избіеніе миссіонеровъ въ сосѣдней съ Шандуномъ провинціи, и убійцы были по требованію американскаго правительства казнены. Въ этихъ провинціяхъ особенно распространено и могущественно тайное общество „Большой мечъ“. Вскорѣ послѣ этого начались нападенія на миссіонеровъ въ шандунской провинціи. Нападали на миссіонеровъ и били ихъ на улицахъ, врывались во время службы въ храмы, разрушали самыя миссіи, и всѣ эти безобразія толпы оставались безнаказанными, такъ какъ мандарины никогда не производили серьезно разслѣдованія, виновные ни разу не подвергались наказанію, а самый фактъ дерзкихъ нападеній объясняли тѣмъ, что народъ оскорбленъ въ своихъ вѣрованіяхъ дѣйствіями миссіонеровъ, а потому сами мандарины безсильны противъ всего народа.

Всѣ эти факты несомнѣнно свидѣтельствуютъ, что убійство двухъ миссіонеровъ-нѣмцевъ было лишь местию со стороны членовъ тайнаго общества за казнь своихъ собратій, въ которой они, конечно, обвиняютъ миссіонеровъ. Возникновеніе тайныхъ обществъ въ Китаѣ относится къ 1650 г., когда Китай былъ покоренъ манчжурами. Цѣлью общества, очевидно, было освобожденіе Китая

отъ чужеземнаго ига. Въ настоящее время самыми распространенными, но мало извѣстными по внутренней ихъ организаци и цѣлямъ, считаются слѣдующія тайныя общества: сань-хэ-гуи—единство трехъ—неба, земли и человѣка; чжэнь-лянь-цзяо и пай-лянь-цзяо—секта блага и голубого неньюфара—секта религіозно-мистическая; янь-ту-цзяо—секта бараньей головы; хунь-янь-цзяо—секта солнца; у-тэнъ-лао-му—секта крайне скрытная, члены ея всецѣло посвящаютъ себя служенію сектѣ; цзинь-ша-мынь-цзяо—секта чистаго чая; гуань-мао-цзяо—секта желтаго колпака; бо-юнь-цзунъ—секта бѣлыхъ облаковъ; сяо-дао-цзяо и да-дао-цзяо—секты малаго и большого меча—секты политическія. Общества политическія имѣютъ девизъ, указывающій на желаніе возстановленія прежней династїи минговъ и выражаемый письменами—фу-минъ-фанъ-цзинъ, т. е. возвышеніе минговъ и уничтоженіе династїи манчжурской цинговъ. Въ Китаѣ существуетъ полная политическая свобода мнѣній, и потому всѣ эти тайныя общества не преслѣдуются, пока не обнаружатъ активнаго дѣйствія въ видѣ поднятія мятежа. Пользуясь правомъ свободы, нѣкоторыя общества имѣютъ свои имена, на которыхъ девизъ прикрываетъ ихъ политическую цѣль. Такъ, „общество тройнаго един-

ства“, т. е. единенія неба, земли и человѣчества, имѣеть девизомъ: торжество добродѣтели, гибель пороку!

Среди китайцевъ существуетъ много обществъ, не преслѣдующихъ политическихъ цѣлей, но въ то-же время облакающихъ себя таинственностью. Таково общество трезвости въ Пекинѣ, принимающее, подъ страшными клятвами совершенно отказаться отъ употребленія спиртныхъ напитковъ, каждаго вступающаго новаго члена. Мнѣ лично извѣстны случаи, когда бывшій пьяница-китаецъ становился совершенно трезвымъ человекомъ, вступивъ въ это общество. Живучесть и распространенность тайныхъ обществъ европейцы стараются объяснить ненормальнымъ положеніемъ дѣлъ въ китайской администраціи, въ которой должности покупаются за деньги и въ ряды управителей становятся нерѣдко люди алчные и недостойные, истощающіе и угнетающіе народъ. Существуетъ также большое недовольство и тѣмъ, что нѣкоторые промыслы отданы на откупъ частнымъ лицамъ, какъ, напр., соляной промыселъ. Но это европейская точка зрѣнія; узнать-же мнѣніе самихъ китайцевъ о своихъ тайныхъ обществахъ очень трудно. Занятіе должности людьми недостойными стало явленіемъ обыденнымъ, хотя при тѣхъ

формальностяхъ, которыми обставлено поступленіе на государственную службу, оно казалось-бы невозможнымъ. Каждый китайскій чиновникъ, занимающій самую маленькую должность, долженъ сдать извѣстной степени экзаменъ, строго обставленный и весьма продолжительный. Но экзамены эти трудны и строги для бѣдныхъ студентовъ, которые чрезвычайно туго подвигаются по службѣ, богатые-же люди имѣютъ возможность покупать должности. Продажа должностей не есть даже злоупотребленіе въ Китаѣ, а необходимость поправлять свои дѣла для важныхъ чиновниковъ, получающихъ крайне скудное содержаніе.

Тайныя общества въ Китаѣ проявляли себя нерѣдко открытыми возстаніями, напр., возстаніемъ тайпинговъ, охватившимъ южныя провинціи Китая и имѣвшимъ цѣлью борьбу съ иностранцами. Тайпинги не мало сдѣлали хлопотъ французамъ въ Тонкинѣ и японцамъ на Формозѣ. Это—общество хорошо организованное и воинственное, такъ какъ въ основу его вошли пираты и многочисленные шайки разбойниковъ. Общество тайпинговъ наиболѣе распространено на югѣ Китая и извѣстно болѣе другихъ, благодаря описаніямъ миссіонеровъ Robert и Hamberg. Члены тайныхъ обществъ, дѣлающіе нападенія на мис-

сіонеровъ, разрушающіе храмы и убивающіе европейцевъ, разыскиваются благодаря вмѣшательству посольствъ, китайской администраціей и предаются казни при громаднѣхъ сборищахъ народа, сходящихся на эти зрѣлища. Всенародность казни содѣйствуетъ лишь распространенію популярности членовъ обществъ среди населенія да и самая казнь рѣдко постигаетъ дѣйствительно членовъ общества, участниковъ убійства; обыкновенно, всегда находится нѣсколько несчастныхъ бѣдняковъ, которые продаютъ свою жизнь, лишь-бы обезпечить отъ голодной смерти свою семью. *Факты продажи себя для совершенія смертной казни не подлежатъ сомнѣнію и практикуются открыто*, вызывая полное сочувствіе къ жертвѣ нищеты.

Смерть нѣмецкихъ миссіонеровъ была желательнымъ толчкомъ для нѣмецкой политики, давно уже обратившей свои взоры на Китай, въ которомъ она пожелала пріобрѣсти не одно только „голубое небо“, но и доходную земельку.

Съ вопросомъ о пріобрѣтеніи колоній связаны всѣ важныя внутренніе вопросы, особенно имѣющіе серьезное значеніе для внутренняго спокойствія въ самой Германіи, въ которой накопилось уже достаточно безпокойныхъ элементовъ, готовыхъ не только на

экономическую борьбу, но и на политическую борьбу противъ правящихъ и буржуазно-капиталистическихъ слоевъ. Не одна Германія находится въ такомъ положеніи съ своими внутренними вопросами, таково же положеніе въ большей или меньшей степени и Франціи, и Италіи. И для этихъ государствъ необходимо отвлеченіе народныхъ силъ извнутри кнаружи. Для такого отвлеченія является самымъ надежнымъ и самымъ цѣлесообразнымъ заняться развитіемъ колониальной политики, да еще подъ аккомпаниментъ оружія и даже пролитія крови. Моментъ былъ для Германіи въ высшей степени благопріятный и появленіе германской эскадры въ китайскихъ водахъ, принесшей Китаю „вооруженный кулакъ“, было какъ разъ во-время.

Нѣмцы еще съ 1896 года подыскивали себѣ портъ въ сѣверномъ Китаѣ и производили тщательныя, хотя и не гласныя, но, тѣмъ не менѣе, весьма подробныя изслѣдованія побережья Шандуна и западной части Печилійскаго залива, отъ Вей-Хай-Вей, къ Лай-Чжоу-Фу, устью Желтой рѣки, Танку и вплоть до Шанхай-гуаня. Такъ какъ въ этомъ направленіи ничего подходящаго не было найдено, то было обращено вниманіе на изслѣдованіе южной части Шандунгскаго по-

бережья. Въ Пекинѣ прїѣзжали въ то время негласно германскіе офицеры, и пребываніе ихъ ставилось въ зависимость съ вопросомъ о пріобрѣтеніи бухты для стоянки германской эскадры. Уже тогда, вѣроятно, выборъ ихъ остановился на бухтѣ Цзяо-Чжоу, какъ единственной удобной для якорной стоянки судовъ. Но такъ какъ добровольной уступки состояться не могло, то надо было ожидать благопріятнаго случая, который и представился.

Захватъ бухты Цзя-Чжоу поднялъ въ Пекинѣ, что называется, всѣхъ на ноги. На китайцевъ въ первый моментъ извѣстіе это произвело ошеломляюще-удручающее дѣйствіе, смѣнившееся затѣмъ крайнимъ возбужденіемъ и выраженіемъ негодованія „невѣжеству“ европейцевъ, дозволившихъ столь дерзкій захватъ китайской территоріи. Всѣ китайскія газеты были полны негодованія, которое передали и населенію. Стали раздаваться смѣлѣе голоса, что европейцы—вѣроломные варвары, что это лжецы, люди безъ чести и закона.

О захватѣ Цзяо-Чжоу всѣ свѣдѣнія собирались въ Пекинѣ съ неописуемымъ интересомъ и никто изъ обыкновенныхъ людей не одобрялъ этого захвата, какъ возмездія за убійство миссіонеровъ. Всѣ высказывали

убѣжденіе, что этотъ захватъ не пройдетъ даромъ для европейцевъ и вызоветъ со стороны китайцевъ сперва скрытую вражду, а затѣмъ при благопріятныхъ условіяхъ и открытую ненависть.

Всѣ сходились въ одномъ убѣжденіи, что захватъ нѣмцами Цзяо-Чжоу положить начало новымъ и еще болѣе обостреннымъ отношеніямъ не только между китайскимъ народомъ и европейцами, но и между самими европейскими государствами.

О самомъ событіи рассказывали такъ: послѣ полудня нашего 1-го ноября прибыли на рейдъ къ мысу Чинъ-Дао, расположенному у входа въ бухту, три германскихъ броненосца. Въ Чинъ-Дао находится китайская телеграфная станція, которая соединяетъ и мѣстечко это, и стоящій здѣсь гарнизонъ китайскаго войска, возводящаго крѣпостныя укрѣпленія, съ остальною сѣтью китайскихъ телеграфныхъ линій. Прежде всего были порваны телеграфныя проволоки на разстояніи 75-ти верстъ отъ Чинъ-Дао и Цзяо-Чжоу, а затѣмъ было предложено начальнику гарнизона генералу Чангу очистить укрѣпленіе и сдать его нѣмцамъ, на что, будто бы, у нихъ имѣется разрѣшеніе. На размышленіе дано было 24 часа. Генераль Чангъ послалъ телеграммой запросъ въ Пекинъ и мѣстному гу-

бернатору, но, вслѣдствіе порчи телеграфа, отвѣтъ могъ быть полученъ не ранѣе, какъ черезъ три дня. Не имѣя никакихъ приказаній, генераль Чангъ, тѣмъ не менѣе, исполнилъ требованіе нѣмцевъ и оставилъ укрѣпленія и лагерь, выведя свои войска, въ количествѣ трехъ тысячъ, съ оружіемъ, но безъ патроновъ, какъ этого требовали нѣмцы. Въ назначенный день высадился десантъ съ германскихъ броненосцевъ и благополучно занялъ всѣ укрѣпленія китайцевъ и бухту Цзяо-Чжоу. Занявъ укрѣпленія и бухту, германцы выставили повсюду наблюдательные посты, окопались въ укрѣпленіяхъ, заложили повсюду мины и приняли всѣ предосторожности въ огражденіе себя отъ возможныхъ случайностей. Телеграфъ былъ тотчасъ-же, по занятіи укрѣпленій, возстановленъ и открылъ дѣйствіе съ Чифу, но принималъ лишь депеши на нѣмецкомъ языкѣ.

Это событіе заставило вступить Китай на новый для него путь жизни и государственныхъ отношеній. Несомнѣнное началось движеніе мысли и среди народа, и среди чиновнаго мандаринскаго и ученаго сословія, развившееся проявленіемъ многихъ трактатовъ, въ которыхъ китайскіе ученые и чиновники высказывались за сближеніе съ западомъ, за необходимость введенія въ Китаѣ реформъ и

даже конституціи. На всемъ было замѣтно, что молодая прогрессивная партія росла и крѣпла, а старая, ненавистница европейцевъ, смолкала и теряла свой авторитетъ.

Захватъ Цзяо-Чжоу усилилъ старую партію, указавши на фактъ захвата бухты Цзяо-Чжоу, и укрѣпляла ненависть къ европейцамъ. Вообще положеніе Китая стало критическое: онъ вполнѣ оказался неподготовленнымъ. Не было ни образованныхъ, ни знающихъ людей. Волей-неволей китайцы вынуждены были приглашать европейцевъ-учителей въ свои высшія школы, европейцевъ-инструкторовъ—для обученія войска, европейцевъ-чиновниковъ—для устройства и организациі своихъ гражданскихъ учрежденій. Принимая въ силу необходимости европейцевъ, китайцы все же относились къ нимъ съ недовѣріемъ. Это недовѣріе къ европейцамъ китайцы оправдывали указаніемъ на недовѣріе, существующее между самими европейцами, наблюдающими другъ за другомъ и старающимися другъ-другу вредить при всякомъ случаѣ, гдѣ только замѣшаны интересы одного изъ нихъ. Отсюда и у китайцевъ установился прочный взглядъ на отношеніе къ нимъ европейцевъ: Китай можетъ быть покоренъ за свою судьбу только до тѣхъ поръ, пока между европейцами не будетъ единоду-

шія и согласія, а будетъ только соревнованіе отнять что-либо у Китая въ свою пользу, чего другіе изъ зависти не допустятъ. Отсюда, говорятъ китайцы, задача наша всѣми способами поддерживать непріязнь и недовѣріе между европейцами. Какъ только состоится между европейцами полное согласіе—тогда конецъ Китаю. Таково мнѣніе китайскаго образованнаго сословія. Что же касается народныхъ массъ, то броженіе внутри ихъ усилилось. На улицахъ Пекина среди населенія стало одинаково возможно встрѣтить не только любопытнаго китайца, который, встрѣчая европейца, только дивится новому для себя впечатлѣнію, но и такого, который смотритъ на европейца съ ненавистнымъ презрѣніемъ и злобой, который не преминетъ сказать въ глаза европейцу: „инъ-гуйцза“, то-есть заморскій чортъ, который умышленно толкнетъ европейца, не дастъ ему дороги.

Проявленіе этой ненависти къ европейцамъ стало часто проявляться въ Пекинѣ послѣ захвата нѣмцами Цзяо-Чжоу.

ГЛАВА XII.

Для Китая 1898 годъ былъ чреватъ событіями и составитъ одну изъ интересныхъ страницъ его исторіи. Захватъ нѣмцами бухты Цзяо-Чжоу, уступка англичанамъ Вей-ха-вея, и русскими Портъ-Артура, усиленіе либеральной партіи и быстрое движеніе по пути реформъ подъ вліяніемъ Кан-ю-вея, который съумѣлъ проникнуть въ довѣріе богдохана и увлечь его своими патріотическими мечтаніями, неудавшаяся попытка дворцоваго переворота и паденіе не только всѣхъ уже начатыхъ реформъ, но и устраненіе самого богдохана, вынужденнаго передать свою власть императрицѣ и признать самого себя больнымъ и немощнымъ въ управленіи государствомъ. Въ маѣ мѣсяцѣ этого же года пошелъ въ могилу принцъ Гунъ-цинъ-вань, одинъ изъ видныхъ осторожныхъ, либеральныхъ государственныхъ дѣятелей.

Гунъ-цинъ-вань личность весьма замѣчательная и игралъ видную роль въ исторіи Китая въ тяжелые для него періоды. Гунъ-

цинъ-вань видѣлъ всю несостоятельность Китая въ борьбѣ съ европейцами и, будучи истымъ по убѣжденіямъ китайцемъ, прилагалъ всѣ старанія, чтобы путемъ компромиссовъ и уступокъ отдалить неизбежное расчлененіе Китая между европейскими державами. Событія въ Цзяо-Чжоу и особенно въ Портъ-Артурѣ такъ сильно повліяли на нервы Гунъ-цинъ-ваня, что онъ слегъ и, проболевъ около двухъ мѣсяцевъ, скончался, не принимая уже участія въ дѣлахъ. На своемъ вѣку Гунъ-цинъ-ваня испыталъ много превратностей судьбы. Родился принцъ Гунъ въ 1832 году и былъ 6-й сынъ императора Да-Гуаня и братъ императора Сей-фыня. Первоначальное имя его было И-синъ, а титулъ Гунъ-цинъ-вань, т.-е. князь императорской крови, былъ ему пожалованъ. Впервые на политическую арену Гунъ-цинъ-вань выступилъ въ 1858 г. въ качествѣ члена комиссіи для слѣдствія надъ министромъ Дзи-инъ, подписавшимъ трактатъ съ англичанами. Затѣмъ онъ былъ назначенъ членомъ колониальной палаты (Ли-фанъ-юань), въ вѣдѣніи которой находились всѣ дѣла съ иностранцами. Въ настоящее время изъ этой палаты образовалось министерство иностранныхъ дѣлъ — цзунъ-ли-ямынь. Но интриги партій нѣсколько разъ удаляли Гунъ-цинъ-ваня отъ

дѣятельности и подвергали его разжалованьямъ, а въ 1884 году онъ не только былъ удаленъ отъ дѣлъ, но и лишенъ званія князя. Ровно десять лѣтъ онъ былъ въ опалѣ и только въ 1894 году, когда начался Корейскій вопросъ, Гунъ-цинъ-ваню возвращенъ былъ титулъ и онъ снова былъ призванъ къ власти въ качествѣ уже президента цзунъ-ли-ямыня; ему предписано также совмѣстно дѣйствовать съ Ли-Хунъ-Чангомъ противъ побѣдоносныхъ японцевъ. Все послѣднее время онъ принималъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ.

Въ англичанахъ особенно покойный видѣлъ враговъ Китая, что и высказалъ въ 1869 году англійскому послу сэру Рутерфорду Алькоку при прощаніи: „если бы вы могли освободить насъ только отъ вашего опиума и вашихъ миссіонеровъ, то не будетъ никакихъ неурядицъ въ Китаѣ“. Похороны Гунъ-цинъ-ваня императоръ приказалъ принять на счетъ государства, а въ воздаяніе заслугъ покойнаго возвелъ его родъ въ потомственное княжеское достоинство навсегда. Въ Китаѣ княжеское достоинство, постепенно переходя изъ рода въ родъ, умалется и отдаленные потомки окончательно теряютъ это званіе и становятся въ ряды обыкновенныхъ китайцевъ, пока личными заслугами не пріобрѣтутъ снова титулъ князя.

Гунъ-цинъ-вань умеръ у себя въ загородномъ домѣ. Спустя слишкомъ два мѣсяца была совершена похоронная процессія и гробъ его поставленъ въ помѣщеніи монастыря впредь до приданія землѣ. Въ похоронной процессіи Гунъ-цинъ-ваня можно было видѣть много поучительнаго и характернаго для объясненія историческаго склада жизни, передаваемого преданіями старины. По пути процессіи были разставлены жертвенныя приношенія, построены легкіе павильоны изъ тростника и циновокъ, въ которыхъ находились эмблемы воина, оружіе старинныхъ образцовъ, золотыя и серебряныя деньги, сдѣланныя изъ бумаги изображенія слугъ, бесѣдокъ, драконовъ, мостовъ, черезъ которые должна будетъ переходить душа покойнаго. Всѣ эти эмблемы сдѣланы очень искусно изъ бумаги и сожигаются, какъ жертвоприношеніе разнымъ духамъ.

Во главѣ процессіи несли на мачтѣ большой, краснаго цвѣта, косою парусъ, знаменующій собой указателя пути для души, такъ какъ, по убѣжденію китайцевъ, душа отправилась въ путешествіе въ царство тѣней, въ семью предковъ. За знаменемъ шли по 8-ми съ каждой стороны дороги верблюдовъ имѣя на спинахъ собранныя юрты и проводниковъ. Верблюды должны указывать на принадлеж-

ность покойнаго къ кочевникамъ и подтверждать такимъ образомъ дѣйствительность путешествія. За верблюдами гнали небольшой табунъ лошадей, что указывало, что покойный обладалъ землями и былъ богатый человѣкъ. За табуномъ вели на веревкахъ нѣсколько охотничьихъ собакъ, что должно было указывать, что покойный былъ охотникомъ, уничтожая вредныхъ звѣрей и охраняя отъ нихъ трудъ земледѣльца. Наконецъ слѣдовалъ табунъ осѣдланныхъ лошадей и отрядъ всадниковъ, что должно было указывать, что покойный былъ князь и воинъ. Осѣдланныхъ лошадей ведутъ за повода. Нѣсколько отступя, начинается несеніе цѣлаго лѣса всевозможныхъ эмблемъ. Первыми несутся на высокихъ древкахъ желтаго цвѣта шелковые круглые щиты съ изображеніемъ драконовъ—знакъ, что покойный былъ царской крови, затѣмъ слѣдуютъ дощечки съ именами предковъ, щиты съ надписями заслугъ и должностей покойнаго, деревянные мечи, копья, сѣкиры, знамена, флаги въ такомъ количествѣ, что рябитъ въ глазахъ. За симъ слѣдуютъ группами по нѣсколько человѣкъ буддійскіе монахи, ламы и хошэны, и даосы; жрецы идутъ отдѣленіями, на разстояніи другъ отъ друга, въ своихъ одѣяніяхъ, съ пѣніемъ своихъ религиозныхъ пѣсней. Китайцы въ высшей сте-

пени народъ терпимый ко всѣмъ религіямъ и въ то же время въ высшей степени суевѣрный. Если китаецъ и конфуціанецъ онъ въ то же время охотно вѣритъ, что даоскіе жрецы умѣютъ хорошо устраивать мостъ для перехода души покойнаго въ царство тѣней. Приглашая жрецовъ различныхъ сектъ, богатые китайцы удовлетворяютъ этимъ и своему тщеславію придать больше пышности похоронной процессіи. Затѣмъ слѣдуютъ многочисленные плакальщики, всѣ въ бѣломъ траурномъ, одѣяніи въ длинныхъ бѣлыхъ балахонахъ, бѣлыхъ шапкахъ и бѣлыхъ башмакахъ. Они несутъ въ рукахъ различные предметы домашняго употребленія покойнаго и издаютъ протяжный, но негромкій звукъ, напоминающій вздохъ. За ними идутъ родственники-мужчины; самыхъ близкихъ родныхъ ведутъ подъ руки, и, наконецъ, движется на носилкахъ подъ богато расшитымъ балдахиномъ гробъ. Передъ гробомъ въ изобиліи расбрасываются кружки бѣлой бумаги, подобно снѣгу летающіе въ воздухъ и покрывающіе землю бѣлымъ слоемъ. Эти кружки означаютъ деньги, приносимые въ жертву духамъ или демонамъ воздуха, дабы они не препятствовали душѣ покойнаго свободно шествовать по воздушному пространству. Такъ какъ Гунъ-цинъ-ванъ былъ царской крови, то по-

кровъ на его гробъ и балдахинъ были изъ желтой шелковой матеріи съ вышитыми драконами. Желтый цвѣтъ въ Китаѣ принадлежитъ исключительно императору и членамъ императорскаго дома; зеленый цвѣтъ принадлежитъ князьямъ. При погребеніи всѣхъ остальныхъ употребляются краснаго цвѣта шелковыя ткани, на которыхъ вышиваются золотомъ драконы. Гробъ ставится на высокія носилки, утвержденныя на толстыхъ брусьяхъ, выкрашенныхъ въ красный цвѣтъ. Брусья эти при помощи вспомогательныхъ брусевъ укрѣпляются на плечахъ носильщиковъ. Количество носильщиковъ находится въ зависимости отъ званія покойнаго; такъ, для князя должно быть по церемоніалу не менѣе 84 человекъ. Странное впечатлѣніе производитъ китайская похоронная процессія и этотъ громадныхъ размѣровъ гробъ, который колыхнется изъ стороны въ сторону на плечахъ множества носильщиковъ. При богатыхъ похоронахъ въ процессіи музыка очень нѣжная, лишь флейты, но за-то во время стоянія гроба въ домѣ ежедневно при панихидахъ участвуетъ и музыка. При похоронахъ лицъ богатыхъ въ процессіи участвуетъ музыка, главнымъ образомъ—флейты, а у бѣдняковъ преимущественно производится бой въ мѣдныя гонги (подобіе нашихъ мѣдныхъ подносовъ)

и стукъ въ деревянные палочки. Общее правило, котораго придерживаются при похоронныхъ процессіяхъ, говорить, что чѣмъ бѣднѣе похороны, тѣмъ больше производится шума и треска, и наоборотъ, при богатыхъ похоронахъ господствуетъ полная тишина.

Окончательныя похороны дяди императора Гунъ-цинъ-ваня, умершаго еще въ маѣ мѣсяцѣ, состоялись лишь черезъ нѣсколько мѣсяцевъ; у китайцевъ именитые покойники предаются погребенію въ теченіе ста дней, смотря по важности занимаемаго положенія при жизни.

Но и по истеченіи этого срока обыкновенно гробъ относятъ въ какой-либо монастырь, по указанію жреца даоса, гдѣ и ставятъ въ особыхъ для этого отводимыхъ помѣщеніяхъ. Выборъ монастыря долженъ отвѣчать благоприятнымъ и счастливымъ заключеніямъ даоса-гадателя. Въ монастыряхъ иногда остаются гробы по два, три, шести, десяти лѣтъ и болѣе, пока родные, опять таки по гаданіямъ даоса, не предадутъ гробъ погребенію въ землѣ. Условной платы за помѣщеніе гроба въ монастырѣ нѣтъ и торговли за мѣсто между настоятелемъ монастыря и родными покойника не полагается, но всегда дѣлается родными взносъ въ монастырь, смотря по средствамъ, не менѣе 200—300 ланъ (400—600 р.) одновременно. Са-

мыми разнообразными церемоніями окружается у китайцевъ погребеніе, чему способствуетъ и самый культъ почитанія предковъ. Самое искреннее желаніе каждаго китайца — быть похороненнымъ прилично, съ соблюденіемъ церемоній. Похороны обходятся очень дорого и въ устройствѣ ихъ принимаютъ участіе всѣ родственники покойника, похороны же китайскихъ сановниковъ принимаются всегда на счетъ государственной казны. Бѣдняковъ хоронятъ или за счетъ казны, или за счетъ благотворительныхъ обществъ, покупающихъ гробы и имѣющихъ кладбища для бѣдныхъ. Смерть Гунъ-цинъ-ваня была большою потерей для государства. Одинъ человѣкъ, какъ бы онъ ни былъ одаренъ умомъ, не въ состояніи, конечно, ни вызвать народнаго движенія, ни остановить его, если не приспѣло время къ тому, но въ ограниченномъ кружкѣ единомышленниковъ вліяніе того или иного человѣка можетъ быть громадно, и можетъ или вызвать или остановить дѣйствія единичныхъ лицъ. Кан-ю-вей, будучи сильнымъ и страстнымъ реформаторомъ, подчинилъ своему вліянію богдохана и составилъ молодую партію, жаждавшую скорѣйшаго осуществленія своихъ завѣтныхъ мечтаній и вѣрованій. Скрѣпленные единомысліемъ Кан-ю-вей и его товарищи представляли богдохану

проекты реформъ одна сильнѣе другой и не встрѣчали до поры до времени отпора со стороны представителей старой консервативной партіи, въ рядахъ которой не нашлось искренняго либерала, каковымъ могъ считаться Гун-цинъ-ванъ. Если-бы онъ былъ живъ, то, несомнѣнно, что онъ вліянію Кан-ю-вея на богдохана противопоставилъ бы свое вліяніе и событія не приняли бы такого быстрого и злополучнаго окончанія. Изъ представителей партіи либеральной и консервативной были: Ли-Хунъ-Чангъ, но онъ не пользовался уваженіемъ и довѣріемъ ни со стороны Кан-ю-вея, ни со стороны богдохана, что же касается до Чжун-лу, сторонника императрицы, то его реформаторы боялись.

Не имѣя преданныхъ друзей среди сановниковъ, которые раздѣляли бы стремленіе къ проведенію реформъ во что бы то ни стало и, видя въ личности императрицы главное къ этому препятствіе, Канъ-Ю-вей составилъ смѣлый планъ устранить императрицу отъ вліянія на дѣла.

Богдоханъ сталъ проявлять лихорадочную дѣятельность, издавая одинъ указъ за другимъ, въ которыхъ стремился отрѣшиться отъ старыхъ преданій въ управленіи государствомъ и вдохнуть новую жизнь въ народный организмъ.

Въ августѣ и сентябрѣ мѣсяцахъ изданы указы объ открытіи университета въ Пекинѣ, назначенъ попечителемъ университета бывшій посланникъ въ Петербургѣ и назначены профессора, изданъ указъ объ учрежденіи министерства желѣзнодорожнаго и горнаго дѣла и министромъ назначенъ министръ цзунъ-ли-ямыня Чангъ, бывшій посланникъ въ Вашингтонѣ; изданъ указъ объ организаціи и перевооруженіи всей арміи на европейскій образецъ. Въ связи съ этимъ указомъ является небывалое еще въ исторіи Китая событіе—назначается осенью въ Тянь-Цзинѣ смотръ всѣмъ обученнымъ по-европейски войскамъ, и на смотре будетъ присутствовать самъ богдоханъ и императрица-мать, ради этого принявшіе рѣшеніе поѣхать въ Тянь-Цзинь. Но самое сильное волненіе среди мандариновъ и чиновниковъ вызвалъ послѣдній указъ богдохана, данный цзунъ-ли-ямыню о пересмотрѣ всѣхъ законовъ имперіи. Министры цзунъ-ли-ямыня не выразили сочувствія этому предложенію богдохана, такъ какъ несомнѣнно, что весь государственный строй Китая не отвѣчаетъ современнымъ потребностямъ и многимъ изъ нихъ пришлось бы оставить свои мѣста и прекратить свою дѣятельность. Поэтому на предложеніе богдохана министры отвѣтили, что въ

настоящее время это невозможно. Тогда богдоханъ передалъ свой указъ о пересмотрѣ законовъ въ совѣтъ министровъ, но и совѣтъ министровъ поддержалъ своихъ сотоварищей и далъ тотъ же отвѣтъ, что пересмотръ невозможенъ. Тогда богдоханъ передаетъ свой указъ въ государственный совѣтъ съ добавленіемъ, чтобы пересмотръ законовъ сдѣлать возможнымъ.

Своей реформаціонной дѣятельностью богдоханъ стремится въ самую глубь китайской жизни; не только уничтожаются традиціонные приказы и министерства, въ вѣдѣніи которыхъ находились разныя придворныя церемоніи, но и созидаются учрежденія, посредствомъ которыхъ можно вдохнуть новую жизнь и вызвать новыя, живыя силы страны. Изданъ указъ объ учрежденіи въ Пекинѣ высшей медицинской школы, которая будетъ находиться подъ управленіемъ университета; изданъ рядъ указовъ объ учрежденіи земледѣльческихъ и ремесленныхъ школъ; указывается на необходимость поднять производительность страны, расширить и улучшить ея промышленность. Въ указахъ своихъ богдоханъ обращается ко всѣмъ крупнымъ землевладѣльцамъ, призывая ихъ быть піонерами въ открытіи сельско-хозяйственныхъ школъ, обновленія способовъ обработки земли, оста-

ющимися еще со временъ отдаленныхъ предковъ все одними и тѣми же. Чтобы подвинуть дѣло промышленности Китая, учреждено новое министерство торговли, промышленности и земледѣлія. Вниманіе богдохана обращено не только на введеніе существенныхъ реформъ, но не забыто также и невозможное для мало-мальски благоустроеннаго города его санитарное состояніе. Однимъ изъ указовъ предписано приступить къ немедленному исправленію улицъ и приведенію ихъ въ приличный видъ.

Однимъ словомъ, богдоханъ старается вдохнуть новую жизнь во всѣ отрасли управленія, но могутъ ли быть какіе благоприятные результаты? Среди китайцевъ нѣтъ для настоящаго времени, способныхъ и подготовленныхъ людей, чтобы провести въ жизнь всѣ реформы, какъ того желаетъ богдоханъ и требуютъ обстоятельства.

Среди европейцевъ много циркулируетъ слуховъ о ближайшихъ сотрудникахъ богдохана и указываются, какъ имѣющіе самое большое вліяніе на дѣла, министръ Чангъ, пользующійся содѣйствіемъ императрицы-матери, этой энергичной и государственнаго ума женщины. Называютъ еще въ числѣ приближенныхъ богдохана одного изъ евнуховъ, имѣющаго большое вліяніе при дворѣ. Въ

исторіи Китая не мало было такихъ періодовъ, когда евнухи играли важную политическую роль и пользовались громаднымъ вліяніемъ на дѣла.

Если являются до извѣстной степени гадательными личности, стоящія вблизи богдохана и имѣющія вліяніе на политическое положеніе, то вліяніе Японіи въ настоящее время на правительственные круги Китая несомнѣнно. Это вліяніе сказалось уже нагляднымъ образомъ въ томъ, что вся образовательная реформа цѣликомъ взята изъ Японіи, а будущій пекинскій университетъ всецѣло будетъ повтореніемъ японскаго университета въ Токио, со всѣми его особенностями. Доводы Японіи настолько оказались убѣдительными, что изъ Пекина посылаются молодые люди, изучающіе въ высшей школѣ Тунъ-вень-гуанъ англійскій и японскій языки въ Японію для изученія на мѣстѣ всего того, что признано полезнымъ ввести въ Китай. Видимо, что Китай желаетъ взять за образецъ Японію, убѣдившись ея доводами, что представляя родственный народъ желтой расы, имѣющій общую культуру и письменность, Китай и Японія на Востокѣ должны быть дружественными государствами, имѣющими общіе жизненные интересы.

Прибывшій въ Пекинъ изъ Японіи, но по-

сѣтившій предварительно Корею бывший японскій министръ-президентъ маркизъ Ито встрѣченъ былъ китайскими властями чрезвычайно торжественно. Цѣль прибытія маркиза Ито въ Пекинъ держится въ большомъ секретѣ, но едва ли будетъ ошибочно предположить, что вопросъ о сближеніи Японіи и Китая не чуждъ этого посѣщенія маркиза. Въ честь пріѣзда маркиза Ито японскій посланникъ сдѣлалъ открытый пріемъ для всего европейскаго дипломатическаго корпуса.

Не успѣло еще затихнуть удивленіе среди европейцевъ и страхъ среди китайскихъ чиновниковъ, вызванные послѣднимъ указомъ богдохана, пожелавшаго выслушать мнѣніе сперва цзунъ-ли-ямыня, а затѣмъ совѣта министровъ о своевременности пересмотра всѣхъ законовъ имперіи и, по полученіи отъ нихъ отвѣтовъ, что въ данное время пересмотръ законовъ невозможенъ, обратившагося къ государственному совѣту съ тѣмъ же предложеніемъ, но и съ рѣшительнымъ приказаніемъ сдѣлать такъ, чтобы пересмотръ законовъ былъ возможенъ,—какъ снова поразилъ всѣхъ указъ богдохана, уволившаго въ отставку всѣхъ министровъ цзунъ-ли-ямыня, кромѣ двухъ и самого президента министровъ Ли-Хунъ-Чанга! Всѣ были поражены рѣзкимъ тономъ указа, заявлявшаго уволен-

нымъ министрамъ, что они не удовлетворяютъ своему назначенію и не имѣютъ надлежащихъ свѣдѣній о положеніи дѣлъ государства. Отставка же Ли-Хунъ-Чанга состоялась столь же неожиданно и столь же рѣзко выраженнымъ указомъ, въ которомъ высказано, что въ присутствіи Ли-Хунъ-Чанга въ качествѣ президента цзунъ-ли-ямыня не представляется болѣе необходимости, а потому онъ увольняется отъ своей должности.

У Ли-Хунъ-Чанга немало враговъ и на этотъ разъ веденную интригу противъ него приписываютъ англійскому посланнику по слѣдующей причинѣ. Богдоханъ издалъ приказъ, чтобы ему доставлялись копіи всѣхъ протоколовъ засѣданія въ цзунъ-ли-ямынѣ, которыя происходятъ съ представителями иностранныхъ державъ. Не такъ давно было бурное объясненіе, которое имѣлъ съ Ли-Хунъ-Чангомъ англійскій посланникъ, заподозрѣвшій Ли-Хунъ-Чанга въ чрезмѣрной преданности русскимъ интересамъ. Поводомъ къ этому бурному объясненію послужило разрѣшеніе, выданное бельгійскому синдикату на проведеніе желѣзнодорожной линіи отъ Хань-коу на Пекинъ. Почему-то явилось подозрѣніе, что будто за спиной бельгійскаго синдиката скрывается русско-французское единеніе. Англійскій посланникъ наговорилъ много

непріятностей цзунъ-ли-ямыню вообще, а Ли-Хунъ-Чангу въ частности. Протоколъ этого засѣданія не былъ своевременно представленъ богдохану, но враги Ли-Хунъ-Чанга этимъ воспользовались и сообщили богдохану, что указы его не исполняются и протоколъ этого засѣданія скрытъ умышленно. Насколько справедливо это объясненіе случившагося факта увольненія въ отставку министровъ Ли-Хунъ-Чанга утверждать не берусь, но таковы общіе слухи по этому поводу. Увольненіе Ли-Хунъ-Чанга произвело не малое недоумѣніе среди европейскихъ кружковъ, такъ какъ онъ считался единственнымъ изъ китайскихъ сановниковъ, съ которымъ европейская дипломатія много уже лѣтъ вела всѣ дѣла. Ли-Хунъ-Чангъ остался въ Пекинѣ совершенно не у дѣлъ, ожидая, быть можетъ, что колесо фортуны, столь часто мѣняющее свое направленіе у китайцевъ, снова повернется въ его сторону.

Сильному возбужденію, которое вносила реформаціонная дѣятельность богдохана и его приближенныхъ въ чиновничью и придворную среду, отвѣчало и народное возбужденіе противъ европейцевъ вообще, а нѣмцевъ въ частности, вызванное и захватомъ бухты Цзяо-Чжоу, и отчужденіе земель подъ проводимыя европейцами желѣзныя дороги,

и слухами, шедшими отовсюду въ народъ, что европейцы подкупили чиновниковъ и забирають въ свои руки китайское государство.

Прибывшіе въ іюлѣ 1898 года въ Пекинъ изъ Чифу нѣсколько русскихъ путешественниковъ сообщили, что китайское населеніе въ Шандунѣ вообще, а въ частности въ мѣстностяхъ, находящихся въ сферѣ нѣмецкаго вліянія, находится въ весьма возбужденномъ и враждебномъ отношеніи къ нѣмцамъ, которые, желая наказать китайцевъ, сдѣлавшихъ нападеніе на нѣмецкихъ инженеровъ, совершавшихъ изслѣдованіе пути, сожгли и разорили два китайскихъ селенія близъ города И-Чжоу-фу. Дѣятельность тайныхъ политическихъ китайскихъ обществъ несомнѣнно оказываетъ значительную поддержку этому враждебному настроенію. Безспорно, что велико китайское терпѣніе, велико и отсутствіе военной доблести среди этого трудолюбиваго народа, но и для него существуетъ предѣлъ, перейдя который можно встрѣтить отчаянное сопротивленіе и рѣшимость на беспощадную борьбу за свой очагъ, за могилы своихъ предковъ. Переживаемый въ настоящее время Китаемъ историческій моментъ весьма интересенъ; исторія поставила народу какъ-бы проблему и ждетъ ея рѣшенія. Раздробится ли оконча-

тельно Китайская имперія по разнымъ „сферамъ вліянія“, и склонить ли китайскій народъ безропотно голову подъ ненавистное ему ярмо европейцевъ или вступить съ ними въ отчаянную борьбу? Китай представляетъ несомнѣнно для дѣлежа очень лакомый кусокъ, въ которомъ соединились всѣ благопріятныя условія: миролюбіе многочисленнаго и трудолюбиваго населенія, отсутствіе воинственности, природныя богатства, лежащія нетронутыми въ нѣдрахъ земли, плодородная почва, удобныя рѣчныя сообщенія, здоровый климатъ. Китайцы, какъ земледѣльцы, заслуживаютъ пальму первенства среди всѣхъ другихъ народовъ. Долины Ян-цзэ-кіанга, Шандуна, Ху-бэй, Цзянь-су составляютъ богатѣйшія житницы риса для всего Дальняго Востока. Минеральныя богатства этихъ и сосѣднихъ провинцій также неисчислимы, и всѣ эти богатства лежатъ еще подъ спудомъ и только мѣстами намѣчены къ разработкѣ. Китайцы за тысячелѣтія своей исторической жизни жили исключительно на поверхности земли и предоставляютъ нынѣ разработку нѣдръ ея европейцамъ. Неудивительно поэтому, что англичане и нѣмцы вцѣпились въ эти нѣдра, что итальянцы запускаютъ также свою руку, а за ними уже выступили австрійцы и бельгійцы. Всѣ стремятся что ни-

будь взять у Китая, кому что по силамъ: кто цѣлую территорію, кто отдѣльный портъ, кто концессію на желѣзныя дороги, на разработку рудъ, на телеграфное дѣло. Годъ тому назадъ, вскорѣ послѣ занятіи нѣмцами Цзяо-чжоу (Кіао-шау), мнѣ пришлось услышать весьма остроумное, коммерчески-практичное мнѣніе одного молодого китайскаго чиновника, предугадавшего дальнѣйшую судьбу своей родины. Мнѣніе это столь же самобытно и оригинально, какъ самобытенъ и оригиналенъ практическій характеръ китайскаго народа. „Наши государственные люди, говорилъ онъ, — сдѣлали непростительную ошибку: они не заглянули впередъ послѣ нанесеннаго намъ Японіей пораженія. Въ ближайшемъ будущемъ Европа поглотитъ всю береговую часть Китая и отодвинетъ насъ внутрь страны. Бороться съ Европой Китай не можетъ, а потому будетъ лишаться своихъ земельныхъ богатствъ и окончательно обнищаетъ. Когда Японія доказала намъ нашу полную непригодность и отсталость, тогда, тотчасъ же по заключеніи мира съ Японіей, китайскому правительству и слѣдовало объявить продажу своихъ береговыхъ земель и портовъ желающимъ ихъ купить европейскимъ державамъ. Въ результатѣ было бы сохраненіе своего достоинства, приоб-

рѣшеніе богатствъ и мирное теченіе государственной жизни. Теперь же все равно земли у насъ отнимають, національное достоинство оскорбляютъ и страну разоряють“.

Глядя на трудолюбивый китайскій народъ,—народъ несомнѣнно культурный, который въ исторіи Дальняго Востока былъ тѣмъ же, чѣмъ были въ свое время Греція и Римъ для Европы,—невольно задаешь себѣ вопросъ, какъ могъ онъ дойти до той степени упадка, въ которомъ находится въ настоящее время, ищешь причинъ, которыя объяснили бы полное отсутствіе людей, необходимыхъ для его сохраненія. Въ китайскомъ чиновничествѣ можно признать тотъ народный бичъ, который всегда останавливалъ всякое движеніе впередъ, сводилъ къ нулю всѣ усилія немногихъ, отличавшихся добрымъ починомъ мысли и дѣла. Современный періодъ исторіи Китая ежедневно показываетъ, что благодаря неспособности, неподвижности, испорченности администраціи, народу предстоятъ великія испытанія. Хотя и говорятъ, что всякій народъ заслуживаетъ то правительство, которое онъ имѣетъ, но китайское правительство, будучи чуждымъ народу, не смогло ни объединить различныхъ частей этой огромной имперіи, ни проникнуться народнымъ характеромъ, его трудолю-

біемъ и энергіей. Страна полна тайныхъ политическихъ обществъ, а вся власть по-прежнему сосредоточивается въ рукахъ мандариновъ, очень по-китайски ученыхъ, но лишенныхъ всякаго развитія и образованія въ европейскомъ понятіи этого слова. Классъ мандариновъ не наслѣдственный: онъ всегда пополняется людьми изъ всего народа посредствомъ экзаменовъ, доступъ къ которымъ открытъ для всѣхъ.

Воспитывая свои убѣжденія на образцахъ давно отжившихъ, считая эти образцы совершенными, преклоняясь передъ памятью предковъ какъ величайшихъ мыслителей, китайскіе ученые являются по своимъ взглядамъ и убѣжденіямъ выходцами съ того свѣта, не понимающими современной жизни. Такая система воспитанія и образованія опутала мысль китайцевъ паутиной отжившаго и создала тѣ пагубныя условія для народа, когда въ тяжкія для него времена у него не оказывается способныхъ и добромыслящихъ людей. Система же полученія должностей черезъ покупку ихъ создала то взяточничество и казнокрадство, которыя подкопали фундаментъ государства. Въ Китаѣ всѣ государственныя должности продаются, и чѣмъ должность выше и доходнѣе, тѣмъ она и дороже стоитъ. Окончившій экзамены бѣднякъ, но

ловкій и способный, тотчасъ же составляетъ компанію капиталистовъ, которые берутъ его, такъ сказать, на откупъ, и покупаютъ для него должность. Должность губернатора, казенное жалованье котораго въ большой провинціи равняется 6-ти тысячамъ ланъ, продается за 200 тысячъ ланъ.

Это одно уже показываетъ какъ велики богатства страны и какъ нравственно бѣдны ея правители и властители! Обогащаясь за счетъ народа, за его въ потѣ лица трудъ и за его кровь, мандарины всецѣло властвуютъ и надъ народнымъ складомъ жизни, пользуясь своимъ высокимъ званіемъ и положеніемъ.

Возбужденіе среди народа все возрастало и уже въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1898 года стали доходить настойчивые слухи о революціонномъ движеніи на югѣ Китая и противъ манчжурской династіи, и противъ европейцевъ, а особенно противъ миссіонеровъ.

Политическія общества несомнѣнно достигаютъ своей цѣли, подрывая всякое уваженіе къ правительству, которое находится во власти европейцевъ, безсильное отстоять свои права и права народа.

Въ Шанхаѣ расклеены были прокламаціи, призывающія китайцевъ освободиться отъ ига европейцевъ, и указывались всѣ средства къ

уничтоженію европейцевъ, включая отраву посредствомъ хлѣба и съѣстныхъ продуктовъ. На-дняхъ появились расклеенныя прокламаціи и въ Чифу, не столь, правда, кровавыя, но тѣмъ не менѣе показывающія, что начавшееся движеніе противъ европейцевъ все распростра-няется. Въ Чифу въ прокламаціи обращается комитетъ къ китайской прислугѣ, которая находится въ услуженіи у „заморскихъ чертей“. Указывая, какъ позорно для китайца быть въ подчиненіи и услуженіи у „варвара“, который относится не только съ пренебреженіемъ и презрѣніемъ къ китайцамъ, но даже бьетъ прислугу, революціонный комитетъ приглашаетъ всѣхъ китайцевъ немедленно оставить службу у европейцевъ, угрожая въ противномъ случаѣ непріятностями тѣмъ, которые ослушались бы этого приказанія. Прокламація эта произвела свое дѣйствіе: китайцы въ Чифу, враждебные европейцамъ, благодаря послѣднимъ политическимъ событіямъ, встрѣтили сочувственно эту прокламацію и начали принимать рядъ своихъ народныхъ мѣръ противъ китайцевъ - прислуги. Явившихся въ китайскій городъ слугъ осыпали насмѣшками, упреками, руганью и даже побоями, затѣмъ стали выгонять изъ китайскихъ театровъ и трактировъ. Возбужденіе населенія противъ китайцевъ-слугъ сдѣлало свое дѣло: слуги стали

оставлять мѣста и уходить, а европейцы становились безпомощными. Дошло до того, что консулы обратились къ мѣстному губернатору, требуя прекращенія такого осаднаго положенія и внушенія какъ населенію въ Чифу, такъ и огражденія прислугъ отъ толпы. Губернаторъ внялъ представленію консуловъ и съ своей стороны расклеилъ предписанія успокоиться, такъ какъ иначе дѣло можетъ принять непріятный для китайскаго населенія оборотъ, въ виду того, что въ Чифу всегда стоятъ военныя суда европейцевъ, которыя и могутъ выслать солдатъ.

Броженіе среди народа есть несомнѣнно повсюду и проявляется пока отдѣльными фактами. Вблизи Гирина, въ Манчжуріи, во время поѣздки по округу инженера Цивинскаго, въ него сдѣлано было изъ-за дерева (мѣстность лѣсистая) нѣсколько выстрѣловъ, которыми г. Цивинскій и былъ раненъ въ руку. Рана оказалась, по счастью, не опасною. Случаи подстрѣливанія стражниковъ по пути Манчжурской дороги далеко не единичны, но все сваливается обыкновенно китайскими властями на разбойниковъ, на „хунхузовъ“. Въ Пекинѣ сдѣлано было представленіе по поводу случая съ г. Цивинскимъ и предъявлено требованіе непремѣнной поимки преступника и строгаго его наказанія. Черезъ

двѣ недѣли уже пришло отъ мѣстнаго губернатора извѣщеніе, что преступникъ, непременно оказавшійся „хунгузомъ“, пойманъ и казнень. Смутное настроеніе народа, ожидающаго для себя бѣдъ и несчастій, распространяется по всему Китаю. Въ самомъ Пекинѣ, хотя и болѣе спокойномъ, народъ сталъ тревожнымъ: отчужденіе части китайскихъ владѣній заставило народъ съ опасеніемъ думать о возможности потери и своихъ земель въ пекинской равнинѣ, почему одно время земледѣльцы не хотѣли-было обрабатывать свои поля подъ посѣвы, такъ какъ этими послѣдними воспользовались бы чужеземцы, которые, по слухамъ въ народѣ, должны были взять и Пекинъ. Но слухъ этотъ не могъ прочно укрѣпиться въ сознаніи китайскаго земледѣльца, который всегда убѣжденъ только въ одномъ, что солдаты ведутъ войну только съ солдатами, но купца и земледѣльца не трогаютъ. Японцы, во время японско-китайской войны, еще болѣе утвердили китайцевъ въ этомъ взглядѣ, почему японцы безусловно пользуются среди китайскаго населенія уваженіемъ. Несмотря на крайнюю хвастливость и тщеславіе китайскаго характера, китайцы отдаютъ полную справедливость лучшему образованію японцевъ и ихъ познаніямъ. Не таково отношеніе къ европейцамъ, которые,

будучи совершенно чуждыми по расѣ китайцамъ, насильно и назойливо втерлись въ китайское государство, навязываютъ китайцамъ свою культуру и свою религію, относясь въ то же время съ крайнимъ презрѣніемъ къ народу, который считаетъ свою многовѣковую культуру гораздо высшей. Китаецъ нельзя убѣдить, что военное ремесло должно уважать, что задачи и цѣль образованія—создавать войну. Китаецъ уважаетъ ученаго, уважаетъ художника, уважаетъ всего болѣе писателя, но презираетъ военнаго. Считая въ глубинѣ души каждаго почти европейца, пришедшаго въ Китай лишь ради наживы, западнымъ невѣждой и варваромъ, заморскимъ чортомъ, сильнымъ не ученостью ума, не просвѣщеніемъ, а лишь грубою силой, китайское населеніе, однако, видитъ, что его представители, его лучшіе люди, министры и ученые, оказываются безсильными передъ европейцами. Глубоко признавая силу на сторонѣ лишь ума и образованія, а не на сторонѣ грубаго насилія, китайское населеніе находитъ себѣ объясненіе всего своего разочарованія и всѣхъ своихъ потерь не въ томъ, что китайскій умъ и мысль застыли и отстали на тысячу лѣтъ отъ европейской мысли, а въ томъ, что китайскіе министры дурные люди, что они воры, что они продаютъ европейцамъ

за деньги и свой народъ, и свою родину. Отсюда прежде всего недовольство и раздраженіе въ народѣ противъ своихъ чиновниковъ и противъ современной манчжурской династїи, къ судьбамъ которой народъ относится совершенно безучастно.

Возникшее движеніе въ народѣ, возбуждаемое недовольство и опасенія либеральнымъ направлениемъ въ средѣ консервативной партїи заставили императрицу зорко слѣдить за императоромъ. Сама императрица безусловно признавала необходимость обновленія въ управленіи государствомъ и съ большимъ интересомъ прислушивалась ко всѣмъ доказательствамъ въ пользу этого обновленія. Несомнѣнно жизнь и борьба придворныхъ партїй, отзывчивость и юная стремительность китайскаго императора къ немедленной ломкѣ всего стараго строя (въ Пекинѣ ходилъ слухъ, что наканунѣ дворцоваго переворота 1898 года императоръ вошелъ къ императрицѣ-матери въ европейскомъ костюмѣ) и осмотрительность, соединенная съ опытомъ лѣтъ императрицы, преданія маньчжурской династїи, въ которыхъ она выросла, недовѣріе къ юному энтузіазму и опасенія за возможную потерю всего, выдвинула борцовъ въ открытое поле дѣйствій. Представители старой партїи, приближенные и близкіе люди къ императрицѣ,

смотрѣвшіе подозрительно вначалѣ на заводимыя новшества, а затѣмъ увидавшіе въ дальнѣйшемъ ихъ проведеніи гибель династїи, такъ какъ новшества эти вели по прямому пути къ революціи, убѣждали императрицу твердо стоять на старомъ пути, не давать движенію принять угрожающіе размѣры. Но партія прогрессистовъ не хотѣла ожидать; былъ составленъ заговоръ противъ императрицы съ цѣлью удаленія ея отъ дѣлъ и устраненія ея вліянія на императора. Но Канъ-Ю-Вей проигралъ свою партію, заговоръ былъ открытъ. Императрица взяла всецѣло въ свои руки правленіе государствомъ и устранила императора собственнымъ его заявленіемъ о своей болѣзни, препятствующей ему править дѣлами.

Слухи о событіяхъ во дворцѣ быстро распространились по всему Пекину. Императрица энергично взялась за разслѣдованіе и черезъ нѣсколько дней пятеро изъ заговорщиковъ приговорены были къ смертной казни, но самъ Канъ-Ю-Вей успѣлъ бѣжать.

Совершеніе казни назначено на 17 сентября 1898 г. Тысячныя толпы наполняли все мѣсто казни, сохраняя однако свое обычное спокойствіе и обычную вѣжливость въ отношеніи нѣсколькихъ европейцевъ, пожелавшихъ посмотреть на это зрѣлище. Народъ

былъ спокоенъ, но въ то же время казнъ и видъ крови несомнѣнно вызвали въ многотысячной народной массѣ враждебное чувство и къ европейцамъ, вносящимъ смуту и зло въ китайскую землю. На слѣдующій день послѣ казни былъ китайскій народный праздникъ; тысячи народа покрывали ярмарочную площадь, черезъ которую идетъ дорога отъ станціи желѣзной дороги въ Пекинъ. Въ этотъ день прибыли изъ Тянь-Цзина на поѣздѣ желѣзной дороги одна англичанка и нѣсколько миссіонеровъ-европейцевъ. Встрѣтить даму выѣхалъ изъ Пекина атташе англійскаго посольства г. Мортиморъ, который проѣхалъ черезъ ярмарочную площадь на вокзалъ вполне благополучно. Возвращаясь спустя два часа обратно въ Пекинъ черезъ эту же площадь, г. Мортиморъ и его спутница, а также и другіе прибывшіе европейцы были встрѣчены въ толпѣ криками, свистомъ и бросаніемъ комьевъ грязи и камней. Этими комьями грязи и камнями были ушиблены всѣ проѣзжавшія лица, но по счастью ни одинъ ушибъ не имѣлъ тяжелыхъ послѣдствій. Многотысячная толпа далѣе этого насилія не пошла; очевидно, что она сохраняла вполне самообладаніе и безобразниками явились лишь немногіе. Въ этотъ же день, позднѣе, одна изъ дамъ итальянскаго посольства въ носилкахъ отправилась въ като-

лическую миссію, въ Бей-танъ, чтобы навѣстить своихъ соотечественницъ, сестеръ милосердія. При проѣздѣ черезъ толпу носилки также были встрѣчены криками, хохотомъ, насмѣшками. Но носильщики-китайцы, поставивъ носилки на землю, обратились къ толпѣ съ убѣжденіями и разъясненіями, насколько поведеніе толпы опасно для самихъ китайцевъ въ силу высокаго положенія, занимаемаго дамой. И толпа совершенно успокоилась, предоставивъ вполнѣ свободный путь для носилокъ. Вотъ всѣ оскорбленія, которыя были нанесены европейцамъ. Въ этотъ же день многимъ изъ насъ приходилось быть среди толпы, и никто изъ насъ не встрѣтилъ никакого враждебнаго проявленія, а семейство русскаго драгомана проѣзжало даже на осликахъ по всѣмъ люднымъ улицамъ и не замѣтило ничего необычнаго. Хотя ни въ этотъ ни въ послѣдующіе дни не было болѣе нигдѣ проявленія вражды къ европейцамъ и населеніе держало себя спокойно, тѣмъ не менѣе всѣ посланники собрались на засѣданіе и постановили вызвать въ Пекинъ десанты, дабы оградить посольства отъ возможности нападенія китайской толпы. Китайское правительство, съ своей стороны, сдѣлало все возможное, чтобы предотвратить возможность входа въ Пекинъ отряда иностранныхъ войскъ. Оберъ-

полиціймейстеръ Пекина и губернаторъ посѣтили всѣ миссіи, выражая крайнее сожалѣніе о происшедшемъ и сообщивъ, что приняты мѣры къ огражденію европейцевъ отъ непріятности. Для безопасности ихъ по пути отъ станціи Мадзя-пу до Пекина поставлены патрули отъ войскъ, которые будутъ постоянно наблюдать за движеніемъ по главной для европейцевъ улицѣ. Дѣйствительно тамъ была разставлена сотня солдатъ въ недалекомъ одинъ отъ другого разстояніи, а на домахъ, занимаемыхъ европейцами, расклеены громаднхъ размѣровъ объявленія отъ министерства, гласящія, что всѣ европейцы находятся подъ охраной властей и всякое насиліе противъ европейцевъ будетъ наказано со всею строгостью. Тѣмъ не менѣе, одинъ затребованный десантъ уже прибылъ въ Тянь-Цзинъ и ожидалъ лишь приказанія изъ Пекина. Несмотря на просьбы китайцевъ не приводить десанта, таковой былъ вызванъ и 25 сентября въ два часа дня вступилъ въ Пекинъ. Почти вся молодежь европейская выѣхала навстрѣчу отряда на станцію, а многіе пошли на городскую стѣну, чтобы видѣть издалика движеніе отряда черезъ городскія ворота и сдѣлать нѣсколько фотографическихъ снимковъ. Несмотря на освѣдомленность населенія о вступленіи десанта, вездѣ по улицамъ сохранялись

обычная тишина и спокойствіе, китайцы ничѣмъ не выражали своихъ враждебныхъ чувствъ къ европейцамъ. По улицѣ шествія десанта стала собираться многолюдная толпа, появился наконецъ отрядъ китайской конницы со своими желтыми развѣвающимися знаменами, въ цвѣтныхъ яркихъ курмахъ желто-красныхъ,—появился отрядъ китайской пѣхоты въ бѣлыхъ курткахъ съ красными отворотами и воротниками, имѣя на спинѣ и груди бѣлые круги съ надписью о принадлежности къ тому или иному полку. Солдаты стали шпалерами по пути въѣзда въ стѣны Пекина. Масса типичнаго китайскаго народа, облаченнаго въ свою обычную синяго цвѣта одежду, красивая и яркоцвѣтная одежда китайскаго солдата, весь необычный колоритъ Пекина,—все, вмѣстѣ взятое, представляло собою весьма живописную картину. Наконецъ, показался еще встрѣчавшій отрядъ китайской конницы, за нимъ отрядъ пѣхоты, расчищавшій дорогу, и двѣ шеренги европейской молодежи верхами, предшествовавшей десанту. Вскорѣ за ними показался отрядъ забайкальскаго казачьяго войска, на плотныхъ гнѣдыхъ лошадяхъ и въ черныхъ папахъ; словно вылитые изъ бронзы, ровными и мѣрными шеренгами вошли казаки въ ворота. Впереди ѣхалъ полковникъ лейбъ-гвардіи

гусарскаго Его Величества полка Вороновъ и „начальникъ всего соединеннаго десанта европейскихъ войскъ“ полковникъ генеральнаго штаба и нашъ военный агентъ въ Китаѣ г. Вогакъ. За казаками шелъ отрядъ англійской пѣхоты въ красныхъ мундирахъ, бѣлыхъ лѣтнихъ шлемахъ, при ружьяхъ съ примкнутыми штыками. Передъ отрядомъ везли орудіе. За англичанами слѣдовалъ отрядъ нѣмецкой морской пѣхоты—въ черныхъ мундирахъ, черныхъ лакированныхъ каскахъ, — наконецъ, шествіе замыкалъ отрядъ моряковъ съ „Владимира Мономаха“. Впереди отряда моряковъ два мула везли еще орудіе. Слѣдя за впечатлѣніемъ, которое производили проходившія войска на народъ, можно сказать, что казаки и англичане произвели настолько сильное впечатлѣніе, что масса выражала свое удивленіе и удовольствіе возгласами „хао, хао“, т.-е, хорошо, хорошо; это—единственное одобреніе, которое выражаютъ китайцы во всѣхъ обстоятельствахъ,—иныхъ способовъ одобренія не существуетъ въ китайскомъ обиходѣ, если не считать поднятія вверхъ большого пальца и причмокиванія, когда показывается какая-нибудь особенно красивая вещь, ткань или картина. Порядокъ на всемъ пути шествія былъ образцовый, и многотысячная толпа вела себя выше всякихъ похвалъ. Войдя на по-

сольскую улицу, весь десантъ вступилъ уже въ предѣлы, такъ сказать, Европы,—такъ какъ у каждаго европейскаго зданія вышли на улицу встрѣтить войска всѣ живущіе европейцы. Несмотря на пыль и дальность разстоянія отъ станціи до русской миссіи, русскій отрядъ—казаки и моряки—пришли молодцами, съ бодрымъ и веселымъ видомъ. Такъ какъ англійская и нѣмецкая миссіи находятся дальше русской, то казаки проводили англичанъ и нѣмцевъ, а затѣмъ вернулись обратно къ русской. Моряки—30 человѣкъ пришли подъ начальствомъ лейтенанта А. Н. Неѣлова, а казаки—35 человѣкъ—подъ начальствомъ сотника В. Г. Раткевича. Англичане въ количествѣ тридцати человѣкъ пришли подъ начальствомъ лейтенанта, а нѣмцы, въ количествѣ сорока человѣкъ, подъ начальствомъ капитана.

Русскій отрядъ размѣстился у себя дома довольно удобно и скоро освоился въ своей новой обстановкѣ. Что касается до населенія, то одно время среди него видимо распускались слухи, чтобы подорвать довѣріе къ цѣли прихода десанта. Распространеніе слуховъ этихъ приписано было японцамъ, которые десанта не прислали, хотя у нихъ было двое пострадавшихъ, и англійскимъ миссіонерамъ. Послѣдніе указы, обна-

родованные въ столичной газетѣ, исходятъ отъ лица регентши, но не богдохана, и одинъ— о восстановленіи цензуры надъ печатью, бывшей до сегодня совершенно свободной—не- сомнѣнно долженъ имѣть свое значеніе, уменьшивъ съ одной стороны печатаніе невозможно лживыхъ и бьющихъ на возбужденіе народа слуховъ, а съ другой стороны вызоветъ проявленіе подпольной литературы. Въ появившемся отъ 27 сентября указѣ о восстановленіи цензуры говорится, что всякое изданіе, въ которомъ будутъ распространять вредныя идеи, должно быть немедленно запрещаемо къ изданію въ свѣтъ, а издатели должны подлежать преслѣдованію. Второй указъ регентши-императрицы поставляетъ на видъ, что стѣны вокругъ Пекина пришли въ ветхость, и предписываетъ приступить къ ихъ исправленію и укрѣпленію. Стѣны манчжурскаго города существуютъ около 500 лѣтъ; онѣ высоки, сложены изъ сѣраго кирпича. Входъ на стѣну совершается по широкимъ подъемамъ, но подъемы обыкновенно заперты и желающіе подняться на стѣну могутъ это сдѣлать въ нѣкоторыхъ лишь пунктахъ, заплативъ на чай нѣсколько копѣекъ придвернику-сторожу, домикъ котораго находится всегда тутъ же около входа на стѣну. Стѣна (около миссій)

представляетъ единственное возможное мѣсто прогулокъ для европейцевъ. Она широка, до 6 саж., такъ что свободно можно было бы кататься и въ экипажѣ, но страшно запущена; большая часть стѣны покрыта сорными травами и кустарниками. На стѣнѣ находятся домики сторожей, которые живутъ здѣсь своими маленькими хозяйствами, имѣя домашнюю птицу и разводя небольшіе огороды. На стѣнѣ надъ проѣздными воротами и по четыремъ угламъ высятся громадныя башни-бойницы, въ окнахъ которыхъ еще и до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сохранились нарисованныя на деревѣ жерла пушекъ, которыми китайцы думали устрашить вступавшую въ Пекинъ въ 1860 году союзную англо-французскую армію! Стѣны и башни мало-по-малу разрушаются и обваливаются; не только вываливаются изъ стѣны отдѣльные кирпичи, дѣлая стѣну рѣшетчатою, но иногда рушится цѣлая часть стѣны. Назначается тогда ремонтъ, стѣна снова возводится, замазывается и закрашивается до слѣдующаго разрушенія. Видъ со стѣнъ на Пекинъ, весь тонущій въ зелени деревьевъ, какъ бы отдѣльными домами среди парка, пріятенъ.

По послѣднимъ слухамъ, идущимъ изъ дворца, утверждается, что регентша поселила

вблизи себя до 30 молодыхъ принцевъ и черезъ ознакомленіе съ ними желаетъ выбрать одного достойнаго преемника для занятія трона, въ случаѣ смерти богдохана.

Положеніе императора стало очень тяжелымъ и грустнымъ: по приказанію императрицы онъ былъ подъ строгимъ карауломъ водворенъ въ одномъ изъ маленькихъ павильоновъ лѣтняго дворца. Къ императору никто не допускался и скоро уже стали распространяться слухи о смерти богдохана. Слухи сдѣлались настолько настойчивы, что сама императрица положила конецъ всѣмъ этимъ слухамъ, принявъ предложеніе со стороны французскаго посланника командировать врача посольства для выясненія сущности болѣзни богдохана. Императрица проявила себя приверженцемъ консерватизма; она отмѣнила одинъ за другимъ всѣ либеральные проекты реформъ богдохана, удалила всѣхъ либеральныхъ министровъ и замѣнила ихъ министрами-тормазами, такими же приверженцами старины. Ли-Хунъ-Чангъ, несмотря на полное расположеніе къ нему императрицы, не получилъ своихъ прежнихъ должностей въ министерствѣ, но назначенъ предсѣдателемъ комиссіи, которой поручено изслѣдованіе теченія рѣки Хуан-хэ—Желтой, ежегодно причиняющей своими навод-

неніями большія бѣдствія населенію. Особенность нижняго теченія этой рѣки та, что русло ея лежитъ выше поверхности окрестныхъ полей и ежегодно укрѣпляемые плотинами ея берега при весеннихъ разливахъ, а также и во время дождей, не выдерживаютъ искусственныхъ преградъ, прорываютъ плотины и наводняютъ обработанныя поля, разоряя и губя населеніе. Искусственное укрѣпленіе береговъ стоитъ правительству дорого, но народу не приноситъ пользы, такъ какъ отпускаемыя суммы остаются большею частью въ карманахъ чиновниковъ. Ли-Хунъ-Чангъ получилъ повелѣніе отъ императрицы лично поѣхать въ провинціи Шанъ-дунъ и Хонанъ и изучить на мѣстѣ вопросъ объ укрѣпленіи береговъ Желтой рѣки.

Назначеніе Ли-Хунъ-Чанга, связанное съ удаленіемъ его изъ Пекина, объяснено было европейцами, какъ ссылка, хотя и почетная; удаленіе бывшаго канцлера было необходимо въ интересахъ консервативной партіи, которая желала имѣть только свое вліяніе на императрицу и устранить всякое постороннее, тѣмъ болѣе Ли-Хунъ-Чанга, который далеко не пользовался симпатіями въ средѣ консерваторовъ.

Какъ нельзя поэтому, кстати было для нихъ, что осенью 1898 г. рѣка Хуан-хэ—Желтая—про-

рвала плотины и наводненіемъ затопила на многія сотни верстъ поля, разорила и разрушила до двухъ тысячъ селеній. По свѣдѣніямъ американскихъ миссіонеровъ, обратившихся съ воззваніемъ къ европейцамъ въ Пекинѣ о пожертвованіяхъ въ пользу пострадавшихъ, видно, что въ самомъ безпомощномъ состояніи осталось до 150 тысячъ населенія. Наводненія, которыми Желтая рѣка разоряетъ и губитъ населеніе, бываютъ ежегодно, но не всегда достигаютъ тѣхъ ужасныхъ размѣровъ, какъ въ 1887 году, когда разорено было до трехъ милліоновъ населенія, потерявшего буквально все. Погибло при наводненіи тогда до одного милліона человѣкъ.

Рѣка Хуан-Хэ принадлежитъ, какъ извѣстно, къ самымъ большимъ рѣкамъ земного шара (до 4 тысячъ верстъ), и самымъ многоводнымъ. Беретъ она свое начало изъ озеръ и многочисленныхъ ключей, протекаетъ по самымъ густонаселеннымъ и богато одареннымъ природою провинціямъ Средняго Китая, имѣя протяженія до четырехъ тысячъ верстъ. Свое названіе Желтой рѣки она получила отъ густо-желтаго окрашиванія воды, пріобрѣтаемаго ею, когда она выступаетъ въ своемъ теченіи въ районѣ лёссовой почвы.

Несмотря на свое громадное протяженіе,

Желтая рѣка далеко не представляет, однако, удобствъ для развитія правильнаго судоходства. Главное неудобство заключается въ томъ, что уровень воды въ рѣкѣ постоянно колеблется, то повышаясь, то значительно понижаясь. Кромѣ этой особенности, Желтая рѣка часто мѣняетъ свое русло. Протекая же по лёссовому грунту, она въ нижнемъ своемъ теченіи сноситъ въ устье свое много отложеній, которыя повышаютъ ложе и засоряютъ ея истокъ. Частыя повышенія уровня воды и измѣненіе русла всегда причиняли населенію много бѣдъ и заставляли укрѣплять берега рѣки, тѣмъ ограждая себя отъ наводненій. Народъ, говоря о Желтой рѣкѣ, называетъ часто ее „горе-рѣка“, указывая, сколько бѣдъ она приноситъ. Для регулированія теченія рѣки и защиты селеній отъ наводненій, берега ея укрѣпляются плотинами, которыя представляютъ особенно громадныя сооруженія у гор. Кай-фынь-фу. Плотины устроены изъ фашинника, плетня и глины; правительство ежегодно отпускаетъ большія денежныя суммы на ремонтъ плотинъ и огражденіе населенія отъ наводненія, но ремонтъ обыкновенно производится самый поверхностный, а наводненія разоряютъ населеніе. Своими опустошеніями Желтая рѣка въ умѣ народа создала легенду о живущемъ

въ ней богъ рѣки, которому въ прежнія времена приносились умиловительныя жертвы. Такъ, преданія говорятъ, что ежегодно богу рѣки приносили супругу, молодую и красивую китайку, которую, въ пышной и торжественной свадебной процесіи, предшествуемой жрецами, въ богато убранной джонкѣ, привозили въ извѣстное мѣсто рѣки. Здѣсь жрецы произносили заклинанія богу рѣки и вручали ему супругу, бросая въ воду несчастную, богато убранную, какъ невѣсту, дѣвушку. Ли-Хунъ-Чангу назначеніе это было очень не по сердцу: онъ отлично понималъ, что вся суть въ томъ, что отъ него желаютъ избавиться и оставить его не у дѣлѣ. Ли-Хунъ-Чангъ пробовалъ все способы, чтобы остаться въ Пекинѣ, а чтобы въ Шанхай, гдѣ надлежало ему жить, былъ посланъ другой, но все было напрасно. Императрица и окружавшіе ее консервативные министры окончательно заявили, что долженъ ѣхать только Ли-Хунъ-Чангъ, что только онъ одинъ, и по своимъ знаніямъ, опытности и честности, можетъ справиться съ дѣломъ такой государственной важности и народнаго благосостоянія. Дѣлать было нечего, и Ли-Хунъ-Чангъ, взявъ одного бельгійца-инженера и нѣсколькихъ техниковъ-китайцевъ, выѣхалъ по назначенію.

Такимъ образомъ старая патріотическая консервативная партія окончательно утвердилась и, окружая тѣсно императрицу, стала оказывать сильное вліяніе на всѣ внутреннія и внѣшнія дѣла, но дѣйствовала чрезвычайно осторожно, хотя и рѣшительно. Подъ ея вліяніемъ императрица-регентша продолжаетъ издавать указы отъ своего имени, возстановляя отмѣненныя указами богдохана традиціонныя учрежденія и отмѣняя всѣ либеральныя начинанія. Одинъ только указъ объ открытіи въ Пекинѣ университета остался не отмѣненнымъ. Отмѣняя всѣ указы объ учрежденіи школъ и новыхъ министерствъ, регентша тѣмъ не менѣе заявила, что приняла твердую рѣшимость слѣдовать по пути прогресса и вводить реформы, но будетъ дѣлать это съ большою осмотрительностью, безъ вредной поспѣшности и по мѣрѣ надобности. Мѣста министровъ цзунгъ-ли-ямыня всѣ замѣщены людьми старой партіи, тормазами новыхъ идей, какъ ихъ называли. Жизнь въ Пекинѣ приняла свой обычный видъ, но только болѣе оживленный, благодаря присутствію десантовъ. Запоздавшіе десанты, не вошедшіе въ составъ перваго, пришли въ Пекинъ спустя нѣсколько времени, и всѣ посольства приняли видъ военныхъ стоянокъ, но, по счастью, не произошло никакихъ выдающихся событій,

которыя указывали бы на тревожное броженіе опасныхъ элементовъ среди мирнаго китайскаго народа. А количество европейскаго гарнизона увеличилось еще вступленіемъ итальянскаго десанта въ количествѣ 30 человекъ съ „Marco Polo“, привезшихъ съ собою также и пушку, и японскаго отряда въ 32 человека при четырехъ офицерахъ. Японскій отрядъ матросовъ вошелъ въ Пекинъ 2-го октября и обратилъ на себя общее вниманіе молодцоватымъ видомъ и военною выправкою. Видимо, что отрядъ былъ подобранъ одинъ къ одному изъ участниковъ послѣдней японо-китайской войны, имѣвшихъ каждый у себя на груди медали и ордена. Одежда японскихъ матросовъ и красива и удобна: головной уборъ похожъ по образцу на шапки нашихъ моряковъ, темныя куртки и брюки, сѣраго цвѣта гетры и башмаки, дѣлающія поступь легкой и удобной для движенія по сушѣ. Итальянцы матросы выдѣлялись своими красивыми южными лицами, но по сложенію выглядѣли довольно жидковатыми и малорослы. У воротъ cadaго посольства толпится множество зрителей китайцевъ, жаждущихъ взглянуть хоть въ щель во дворъ, гдѣ идетъ военная жизнь и ученіе. Особенно всегда много уличной публики у воротъ русскаго посольства, на большомъ дворѣ кото-

раго расположена казачья сотня. На смежной съ посольствомъ Монгольской площади, которая служить ярмаркой для приѣзжающихъ въ Пекинъ въ февралѣ мѣсяцѣ монголовъ, иногда происходитъ джигитовка казаковъ. Всегда собирается толпа китайцевъ, которая приходитъ въ изумленіе отъ лихости продѣлываемыхъ казаками эволюцій. Давно уже команды отпускаются небольшими группами въ 5—10 человѣкъ, безъ оружія, въ городъ на прогулку и не было случая какого-либо столкновенія, или непріятности, или выраженія какого-либо враждебнаго чувства со стороны китайцевъ. Только одно глубокое любопытство. Дессантъ отъ французовъ не пришелъ, хотя если бы произошли антиевропейскіе безпорядки, то прежде всего опасность угрожала бы ихъ многочисленнымъ миссіонерамъ-католикамъ. Тѣмъ не менѣе населеніе Пекина нельзя назвать довольнымъ: во-первыхъ, съ прибытіемъ десантовъ (въ настоящее время въ Пекинѣ находится слишкомъ 200 чел.) сильно поднялись цѣны на всѣ жизненные продукты первой необходимости; это поднятіе цѣнъ вызываетъ ропотъ среди многочисленнаго бѣднѣйшаго китайскаго населенія; во-вторыхъ, среди народа несомнѣнно работаютъ члены тайныхъ обществъ, желающіе возбудить ненависть къ европей-

цамъ, считая ихъ виновниками всѣхъ бѣдъ и неурядицъ послѣдняго времени. Въ китайскомъ городѣ появляются возмутительныя прокламаціи, призывающія народъ освободиться отъ европейцевъ и вырѣзать ихъ. Но, несмотря на эти воззванія, жизнь идетъ по-прежнему тихо и только поставленные по улицамъ у каждаго европейскаго дома и посольства посты китайскихъ солдатъ, безъ оружія, съ одними тонкими палочками въ рукахъ, указываютъ на предпринятую особую бдительность охраны европейцевъ со стороны китайской администраціи. Пикеты состоятъ изъ шести человѣкъ солдатъ, ночующихъ тутъ же на улицѣ на подостланныхъ шубахъ и указывающихъ на свое присутствіе по ночамъ лишь двумя зажженными бумажными фонарями. Бунтари распускаютъ слухъ, что императрица-регентша заказала уже носилки, чтобы выѣхать изъ Пекина со всѣмъ дворомъ въ другой городъ, и тогда-то Пекинъ можно будетъ предать разграбленію, а европейцевъ умерщвленію. Точь-въ-точь то же самое проповѣдывалось въ объявленіяхъ и во время минувшей японо-китайской войны, когда въ Пекинъ ожидали японцевъ, а правительство предполагало его оставить. Несомнѣнно, многотысячная нищая и буйная толпа прежде всего жаждетъ грабежа, но этой толпы больше

всего боится миролюбивое и торговое китайское населеніе Пекина. Наконецъ, едва ли имѣютъ какое-либо основаніе распускаемые время отъ времени слухи о желаніи правительства перенести свою резиденцію изъ Пекина на югъ, который въ настоящее время весь объятъ мятежомъ—антидинастическимъ движеніемъ.

Всѣ улицы Пекина, наиболѣе людныя, имѣютъ постовыхъ солдатъ, но особенно охраняется путь отъ станціи желѣзной дороги до воротъ Пекина; въ самомъ людномъ мѣстѣ, передъ въѣздомъ въ городъ, гдѣ 18-го сентября буяны бросали камнями въ европейцевъ, выставлены восьмеро будто бы тѣхъ самыхъ буяновъ, уже осужденныхъ, которые послужили предлогомъ ко всему совершившемуся. Мѣра наказанія къ нимъ примѣнена слѣдующая: на шеѣ каждаго надѣта толстая четырехугольная деревянная колодка, величиною въ квадратный аршинъ. Эти колодки надѣваются ворами-рецидивистамъ и уличнымъ буянамъ, которые и выставляются на всенародный позоръ на весь день въ томъ мѣстѣ гдѣ происходило преступленіе. Преступниковъ сторожить отрядъ солдатъ. Зрѣлище крайне тягостное для европейцевъ, которые должны проѣзжать мимо этой изможденной группы несчастныхъ, невиновныхъ въ при-

нятомъ на себя преступленіи, такъ какъ настоящіе виновники всѣ скрылись, а отбываютъ наказаніе нанятые за деньги бѣдняки и нищіе, дабы показать европейцамъ, что и въ Китаѣ возможно скорое нахожденіе виновныхъ. Какъ сообщали мнѣ китайцы, этимъ козламъ отпущенія платится посуточно по четыре дзяо (на наши деньги около 55 коп.). Въ Китаѣ отбываніе наказанія за другого нанятыми для этого бѣдняками явленіе довольно обычное и весьма распространенное. Не только отсидѣть въ тюрьмѣ, но даже подвергнуться смертной казни всегда находятся охотники, обеспечивающіе такимъ способомъ не только свою семью отъ голодной смерти, но и выговаривающіе себѣ почетное погребеніе по совершеніи казни. Очевидцы таковыхъ казней якобы убійцъ миссіонеровъ, а на самомъ дѣлѣ нанятыхъ бѣдняковъ, говорили мнѣ, что осужденные на казнь всѣ были веселы, довольны и благодарили осудившихъ ихъ за возможность спасти семью отъ гибели. Иначе и быть не можетъ при томъ отсутствіи хоть намека на организованную полицію, которая могла бы найти виновниковъ совершеннаго преступленія, всегда скрывающихся. Само же населеніе избѣгаетъ имѣть какое-либо дѣло съ казенными учрежденіями и разбирается въ своихъ дѣлахъ своими сред-

ствами. Въ Китаѣ поражаетъ европейца уличная жизнь полнымъ отсутствіемъ правительственнаго надзора; эта жизнь можетъ служить прекраснымъ образцомъ общественной анархіи, гдѣ каждый дѣлаетъ, что ему угодно, и многое, что нарушаетъ интересы частныхъ лицъ, разбирается самосудомъ или насиліемъ. Уличная толпа остается обыкновенно совершенно безучастной зрительницей при уличныхъ ссорахъ и принимаетъ только участіе тогда, когда противники, исчерпавъ весь весьма обширный въ китайскомъ языкѣ запасъ ругательствъ, охватывающихъ родню мужскую и женскую, обращаются уже къ памяти предковъ, послѣ чего неизмѣнно, разъяренные, готовы броситься другъ на друга, но тутъ толпа моментально обоихъ ихъ схватываетъ, становясь посрединѣ и расталкиваетъ въ разныя стороны. За три слишкомъ года жизни въ Пекинѣ я видѣлъ много уличныхъ ссоръ, но не видалъ ни одной уличной драки, благодаря такому поведенію толпы. Въ нѣкоторыхъ однако обстоятельствахъ равнодушіе китайской толпы къ совершающимся на ея глазахъ явленіямъ прямо возмутительно въ понятіяхъ европейца. Мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ слѣдующей крайне тягостной уличной сцены. Въ Китаѣ существуетъ крайне возмутительное ремесло—воровство

дѣтей. Мальчишковъ воруютъ, чтобы изъ нихъ дѣлать фокусниковъ, музыкантовъ, нищихъ и т. д.; дѣвочекъ,—чтобы создавать пѣвицъ, танцовщицъ и наполнять многочисленные и многолюдные дома терпимости, особенно по портовымъ городамъ. Развратъ въ Китаѣ среди китайцевъ чрезвычайно великъ и отличается чрезвычайно извращенностью; всѣ пороки разврата имѣютъ свои притоны. Проходя по одной людной площади въ Пекинѣ, я былъ привлеченъ толпой и выходящими изъ ея середины отчаянными воплями и криками женскихъ голосовъ. Изъ разспросовъ я узналъ: что китаянка-мать разыскиваетъ украденную у нея трехлѣтку-дочь и у одной нищей узнала свою дѣвочку и стала отнимать. На помощь къ нищей подоспѣли ея товарки и стали отнимать дѣвочку обратно, доказывая, что мать ошиблась въ ребенкѣ. Изступленные рыданія матери, зовущей свою дѣйствительную или воображаемую дочь, испуганный крикъ и плачь ребенка среди борющихся за нее трехъ растерзанныхъ женщинъ и безучастная совершенно толпа,—какое возмутительное зрѣлище, вызывающее негодованіе въ душѣ европейца и презрѣніе къ этой тупой и безсердечной китайской толпѣ! Китаецъ поражаетъ европейца часто и крайней безсердечностью, самымъ узкимъ эго-

измомъ ко всему и ко всѣмъ, что только не касается его личныхъ интересовъ.

Вотъ и еще случай, бывшій въ Пекинѣ. Одинъ европейецъ имѣлъ несчастіе упасть вмѣстѣ съ лошадыю и переломилъ себѣ ключицу. Тотчасъ же собралась людная толпа, изъ которой ни одинъ не вышелъ помочь несчастному выбраться изъ - подъ лошади. Мало того, когда онъ самъ кое-какъ выкарабкался и просилъ кого-нибудь пойти къ нему домой и сказать о случившемся, никто не шевельнулся; наконецъ, онъ просилъ хоть взять лошадь и вести ее за нимъ до госпиталя, куда онъ пошелъ, но и тутъ никто не отозвался.

Общественная жизнь въ Пекинѣ въ концѣ 1898 года представлялась, не смотря на относительную тишину, приподнятой и чувствовалось, что нависла какая-то давящая сила.

Изъ дворца доходили всегда слухи о тяжеломъ положеніи императора, котораго содержать строго, какъ плѣнника, нѣсколько разъ повторялись слухи о его насильственной смерти, которые, хотя и не подтверждались, но всѣ сходились въ одномъ, что императоръ безнадежно боленъ, что его медленно изводятъ... Всѣ симпатіи европейцевъ были, конечно, на сторонѣ императора, но ему отъ нихъ легче не было. Шли настойчивые

слухи также и о неизмѣнномъ консервативномъ направленіи, что вліяніе ненавистниковъ европейцевъ при дворѣ все крѣпнеть и императрица раздѣляетъ эти взгляды.

Дѣйствительность подтверждала эти слухи. Императрица продолжала направлять государственное теченіе по старому, дореформенному пути. Такъ, снова указано возстановленіе прежней системы держанія экзаменовъ на ученныя степени съ сочиненіями одъ, стихотвореній и т. д., снова подтверждено удержаніе стараго военнаго устройства съ вооруженіемъ луками, оставлена прежняя военная организація. Единственное, что еще имѣетъ движеніе впередъ—это нѣкоторое благоустройство путей сообщенія, особенно рѣчного.

Въ концѣ декабря 1898 года приподнялась неожиданно завѣса надъ судьбою и положеніемъ императора. Такъ какъ снова распространились слухи о его насильственной смерти, то отъ имени императрицы черезъ цзунъ-ли-ямынь былъ приглашенъ къ богдохану врачъ французскаго посольства Д-ръ Dethève. Этому событію предшествовало слѣдующее. Когда въ столичной газетѣ появился отъ 14-го августа указъ императора о его болѣзни и предложеніе ко всѣмъ губернаторамъ провинцій—выслать въ Пекинъ извѣстныхъ имъ опытныхъ врачей, то французскій

посланникъ Richon сообщилъ въ цзунъ-ли-ямынь, что при посольствѣ есть хорошій и опытный врачъ Dethève, который готовъ былъ къ услугамъ китайскаго императора. Докторъ Dethève только что прибылъ въ Пекинъ изъ Тонкина, гдѣ онъ нѣсколько мѣсяцевъ былъ колоніальнымъ врачомъ. До этого же онъ служилъ во французскомъ флотѣ и участвовалъ въ экспедиціи на Мадагаскаръ. На предложеніе г. Пишона послѣдовалъ скорѣе отвѣтъ изъ цзунъ-ли-ямыня, что императрица благодарить г. посланника за предложеніе услугъ д-ра Детева, но что императоръ не можетъ прибѣгнуть къ европейской медицинѣ, совершенно для него чуждой. Этимъ на первый разъ дѣло и кончилось. Теперь г. Пишонъ получаетъ изъ цзунъ-ли-ямыня приглашеніе для д-ра Детева посѣтить императора вмѣстѣ съ французскимъ драгоманомъ. Такимъ образомъ на долю д-ра Детева выпала честь быть первымъ врачомъ-европейцемъ, который съ мирными намѣреніями и по добровольному приглашенію проникъ въ стѣны недоступнаго для всѣхъ европейцевъ города и имѣлъ возможность видѣть не только богдохана, но и саму императрицу-регентшу. Вотъ что стало извѣстно изъ этого посѣщенія. Въ 6 часовъ утра, докторъ Dethève и драгоманъ г. Vissière въ присланныхъ изъ

дворца носилкахъ отправились обычнымъ путемъ въ императорскій городъ по направле-
нію павильона, въ которомъ богдоханъ при-
нимаетъ на новогодней аудіенціи посланни-
ковъ. Миновавъ эти зданія, они вступили въ
сказочную область искусственныхъ озеръ, ка-
наловъ, на которыхъ стояли яхты, катера,
плавали стада лебедей; черезъ каналы пере-
кинуты бѣлые мраморные мостики; повсюду
посреди парковъ и искусственныхъ возвышен-
ностей разбросаны красивые бесѣдки и па-
вильоны. Въ общемъ вся мѣстность поражала
своимъ изящнымъ и живописнымъ положе-
ніемъ. Посреди этого сказочнаго и таинствен-
наго міра дворцовъ, парковъ, озеръ, кіосковъ,
ихъ несли болѣе полутора часа. Наконецъ
носилки остановились у одного изъ зданій
обычной китайской архитектуры и навстрѣчу
вышелъ князь Цинъ и мандарины. Князь
Цинъ, старшій министръ цзунъ-ли-ямыня
ввелъ доктора Детева въ залъ, обширную,
свѣтлую комнату, съ потолкомъ, разрисован-
нымъ драконами, но чрезвычайно просто и
по-китайски убранную. Въ комнатѣ находи-
лись императрица-регентша, которая сидѣла
на деревянномъ высокомъ китайскомъ креслѣ
у восточной стѣны и на такомъ же высокомъ
креслѣ напротивъ нея сидѣлъ богдоханъ.
Передъ императрицей стоялъ накрытый крас-

ной скатертью столъ. Одѣта она была въ голубое шелковое, вышитое цвѣтами китайское платье—курму; на головѣ носила обычную манчжурскую прическу, поддерживаемую большими съ драгоценными камнями шпильками и убранныю съ боковъ цвѣтами. Императрицѣ на видѣ лѣтъ 55; она не высока ростомъ, не особенно полна, лицо ея очень энергичное, глаза смотрять прямо и пронизательно, голосъ твердый. Встрѣтивъ доктора чрезвычайно привѣтливо, она черезъ драгомана изъявила желаніе узнать мнѣніе о болѣзни императора и возможности ея излеченія. Богдоханъ произвелъ на доктора Детева самое пріятное впечатлѣніе. Встрѣтилъ онъ доктора также очень привѣтливо; долго всматривался въ него грустными, симпатичными, большими черными глазами. Богдоханъ худощавъ, средняго роста, желтоватоматовый цвѣтъ его лица еще болѣе оттѣнялся кафтаномъ голубого цвѣта. На головѣ была надѣта шапка манчжурскаго образца съ большимъ околышемъ. Задавъ нѣсколько общихъ вопросовъ о состояніи здоровья богдохану, д-ръ Dethève попросилъ разрѣшенія его выслушать, для чего являлось необходимымъ раскрыть грудь. Богдоханъ обратился тогда съ вопросомъ къ императрицѣ и, получивъ отъ нея согласіе, отдался въ распо-

ряженіе д-ра Dethève. По окончаніи изслѣдованія груди и подробнаго врачебнаго опроса, императрица выразила благодарность доктору за готовность, съ которою онъ прибылъ во дворецъ, и пригласила его и драгомана позавтракать. Завтракъ происходилъ въ сосѣднемъ помѣщеніи и состоялъ изъ множества блюдъ китайской и европейской кухни, съ супомъ изъ ласточкиныхъ гнѣздъ во главѣ. По общимъ отзывамъ, о чемъ, впрочемъ, заявилъ въ своемъ указѣ и императоръ, здоровье его весьма неудовлетворительно. Императоръ далъ д-ру Dethève собственноручно написанный автографъ—описаніе симптомовъ своей болѣзни и просилъ сообщить мнѣніе о возможности выздоровленія, способахъ и средствахъ ея леченія.

Вскорѣ послѣ посѣщенія д-ра Dethève императрица циркулярно по всѣмъ китайскимъ учрежденіямъ обнародовала о болѣзни императора и поставленномъ докторомъ Детевоиъ діагнозѣ болѣзни. Какъ стало извѣстно, императоръ боленъ воспаленіемъ почекъ, пораженіемъ верхушекъ легкихъ, общимъ истощеніемъ.

Насталъ 1899 годъ. Европейская колонія чувствовала себя хорошо, много веселилась, мало задумывалась о настроеніи китайскаго народа и еще менѣе выражала желаніе по-

нять и предъугадать возможность текущихъ событий.

Хотя рѣзкихъ проявленій враждебныхъ отношеній къ европейцамъ не было ни со стороны народа, ни со стороны консервативнаго правительства, но тѣмъ не менѣе нѣтъ-нѣтъ да и проскакивало какое-нибудь „знаменіе времени“. Таковъ случай, бывшій съ англійскимъ инженеромъ г. Коксомъ, строителемъ Пекинъ - Тянь - цзинской желѣзной дороги и вѣтви на Лу-гэ-цяо, въ 20 верстахъ отъ Пекина. Здѣсь находится черезъ рѣку Лу-гэ-хэ старинный каменный мостъ, выстроенный еще въ 1192 году. Каменные перила его украшены множествомъ высѣченныхъ же изъ камня маленькихъ львовъ, сидящихъ въ различныхъ положеніяхъ. Близъ моста находится небольшая крѣпость съ гарнизономъ. Когда открытъ былъ заговоръ противъ императрицы, то въ эту мѣстность, какъ ближайшую къ Пекину, вызваны были китайскія войска, усмирившія возстаніе магометанъ на югѣ. Войска пришли спустя мѣсяць, когда уже положеніе дѣлъ при дворѣ окончательно выяснилось и нужды въ нихъ для императрицы не представлялось. Инженеръ Коксъ, живущій также въ Лу-гэ-цяо при постройкѣ моста, ѣхалъ по полотну желѣзной дороги на дрезинѣ. Группа солдатъ, интересуясь невиданнымъ еще для

нихъ зрѣлищемъ, стояла на рельсахъ и не думала уходить при приближеніи дрезины. Тогда г. Коксъ, остановивъ дрезину, вышелъ къ солдатамъ и сталъ ихъ гнать съ пути; одни повиновались, а другіе вступили въ борьбу и въ результатъ г. Коксу порядочно таки помяли бока и ранили камнемъ въ голову, по счастью, неопасно. Закончился этотъ случай преданіемъ суду солдатъ и отозваніемъ отряда на дальнее разстояніе отъ Пекина. Общее же положеніе европейцевъ въ Пекинѣ признавалось настолько безопаснымъ, что 13-го фѣвраля 1899 года оставила русское посольство часть десанта: ушли матросы. Проживъ четыре мѣсяца среди русской колоніи, десантъ—моряки и казаки—на непривлекательномъ фонѣ китайской жизни представлялъ для русскихъ отрадное явленіе. Отрядъ моряковъ подъ командой лейтенанта А. Н. Нефлова, оставившаго по себѣ въ русской колоніи самую добрую память, выступилъ изъ посольства утромъ, чтобы съ поѣздомъ желѣзной дороги прибыть въ Тянь-Цзинь, а на другой день отправиться также по желѣзной дорогѣ до Пэ-Тай-Хэ, незамерзающій пунктъ, гдѣ будетъ ожидать ихъ крейсеръ „Владиміръ Мономахъ“, чтобы принять обратно свою команду. Въ посольствѣ оставалось 35 человекъ казаковъ 6-й сотни Забай-

кальского казачьяго войска подъ командой сотника В. Г. Родкевича.

За время пребыванія десанта казаки болѣе всѣхъ интересовали европейцевъ. Но англичане были очень разочарованы, увидя малорослыхъ, лохматыхъ, длинногривыхъ лошадокъ присланнаго сюда отряда и рѣшили, будто такая кавалерія не далеко ушла отъ китайской и что казачьи лошади не могутъ обладать хорошими качествами кавалерійской лошади. На видъ, дѣйствительно, порода забайкальской и монгольской лошади не казиста: длинношерстные, коротконогія, малорослыя и долгогривыя, эти лошадки въ среднемъ ростѣ не превышаютъ 1 арш. 14 вершковъ и очень рѣдко бываютъ двухъ аршинъ,—но сама природа позаботилась предохранить ихъ отъ невзгодъ сибирскаго климата; круглый годъ казачьи лошади находятся подъ открытымъ небомъ, безъ конюшенъ, перенося легко и дождь, и снѣгъ, и морозъ,—который по зимамъ обычно держится въ Уссурийскомъ краѣ не менѣе какъ на 20°—25° и доходитъ нерѣдко до 30°. Такой климатъ и при такой невзыскательной обстановкѣ только и можетъ выдержать забайкальская лошадь. Мы очень были удивлены, когда, при началѣ первыхъ морозовъ въ Пекинѣ, сотникъ отдалъ распоряженіе сдѣлать усиленную проѣзду лоша-

дей, чтобы взмылить ихъ, и по возвращеніи каждую лошадь облить холодной водой. На наше недоумѣніе относительно возможности простудить лошадей, онъ отвѣчалъ, что такой порядокъ практикуется повсюду въ Забайкальѣ и если не сдѣлать такого обливанія, то весной, когда лошади начнутъ линять, онѣ болѣютъ нарывами и пропадаютъ, облитыя же на морозѣ отлично переносятъ линяніе. Что касается выносливости лошадей, то она была блестяще доказана. Сотникъ Родкевичъ и двое казаковъ совершили изъ Пекина въ Калганъ и обратно поѣздку въ 6 дней, а разстояніе между Пекиномъ и Калганомъ—450 верстъ въ два конца, дорога гористая и мѣстами каменистая. Вѣсь, который несли на себѣ эти лохматыя лошадки, былъ не менѣе пяти пудовъ, а кормъ—стебли и листья гаулеана, такъ какъ ни овса, ни ячменя въ Пекинѣ нѣтъ, а кормъ этотъ не особенно питательный. Такой же выносливостью отличаются и монгольскія лошади.

Дальнѣйшій опытъ 1900 года вполне подтвердилъ выдающіяся достоинства неприхотливой забайкальской и монгольской лошади. Въ то время, какъ европейскія лошади болѣли и пропадали и отъ корма для нихъ непривычнаго, и отъ тягостнаго климата, и отъ тяжелой непосильной для нихъ службы,

казачья лошадка несла службу и голодная, и неубранная, и не боялась ни жестокихъ жаровъ, ни дождей...

Настроение въ Пекинѣ продолжало быть спокойнымъ и мѣсяцъ спустя оставили русское посольство и казаки.

Вслѣдъ за казаками ушли изъ Пекина и остальные.

Попрежнему европейцы остались одни среди китайскаго населенія, которое ничѣмъ не выказывало своей враждебности.

Такъ прошло лѣто, которое большинство европейцевъ провело, какъ и ранѣе, или на дачахъ, или въ горахъ, или въ Пе-тай-хо на берегу моря.

Настала осень 1899 года. Китайское правительство продолжало быть замкнутымъ, но не враждебнымъ къ европейцамъ.

Положеніе заключеннаго императора улучшилось, такъ какъ онъ получилъ, хотя и ограниченную, но все-таки свободу въ предѣлахъ дворца. Императрица оставалась попрежнему дѣятельной и окруженной своими преданными сотрудиниками.

Въ 1899 году богдоханшъ исполнилось 65 лѣтъ и день рожденія ея былъ отпразднованъ торжественно. День рожденія пришелся въ этомъ году въ X лунѣ 10 числа, что по нашему будетъ 30 октября. Празднество про-

должалось три дня и было обставлено церемоніаломъ, согласно установленнымъ обрядамъ. Приготовленія къ торжествамъ начались съ утра, а самый порядокъ поздравленія происходилъ слѣдующимъ образомъ: князья и всѣ первые чины, одѣтые въ парадную узорчатую одежду, были разставлены чинами приказа церемоній по обѣимъ наружнымъ сторонамъ воротъ Цзинь-юнь-мынь. Здѣсь ставятся на мѣста только князья первой степени и мандарины, имѣющіе титулы графовъ до третьей степени включительно; слѣдующіе же чины отъ второго класса и мандарины, носящіе низшіе титулы, разставляются по обѣимъ сторонамъ слѣдующихъ воротъ Си-цинъ-мынь, снаружи. Затѣмъ уже чины, начиная съ третьяго класса, гражданскіе и военные, располагаются по обѣимъ же внѣшнимъ сторонамъ за третьими воротами Ву-мынь. Передъ ступенями восточныхъ воротъ Нинъ-шоу-мынь, къ которымъ долженъ прибыть императоръ, чины, министерства обрядовъ и приказа церемоній устанавливаютъ столъ, покрытый желтымъ атласомъ; на этомъ столѣ долженъ быть возложенъ поздравительный адресъ. Столъ обращенъ на югъ. Передъ столомъ на землю кладется подушка; на ней императоръ совершаетъ колѣнопреклоненія. Когда эти приготовленія окончены, то вице-

канцлеры великаго секретаріата выносятъ поздравительный адресъ императора изъ секретаріата, въ желтомъ футлярѣ, и, въ предшествіи чиновъ великаго секретаріата и статсъ-секретарей, приносятъ адресъ къ воротамъ Си-цинъ-мынь, гдѣ и передаютъ его статсъ-секретарямъ. Статсъ-секретари, принявъ адресъ императора, имѣя во главѣ чиновъ министерства обрядовъ, направляются къ воротамъ Нинъ-шоу-мынь. Адресъ здѣсь полагаютъ на заранѣе приготовленный столъ и удаляются на свои мѣста. Въ это время являются дворцовые евнухи, которые, будучи предшествуемы двумя старшими изъ своей среды, переносятъ столъ съ адресомъ императора черезъ ворота и вносятъ въ залъ Хуанъ-цзидянь, гдѣ находится тронъ императрицы. Здѣсь столъ съ адресомъ ставятъ на восточную сторону трона, оборотивъ его на западъ. Когда адресъ императора бываетъ установленъ, то чины министерства обрядовъ ставятъ поздравительный адресъ отъ князей, графовъ, гражданскихъ и военныхъ высшихъ чиновъ въ кіоскъ, который находится внѣ воротъ Ву-мынь. Когда все готово, чины астрономическаго приказа, находящіеся за воротами Цянь-цинъ-мынь возвѣщаютъ о наступленіи благопріятнаго момента для поздравленія. Министръ церемоній обращается тогда

къ императору съ докладомъ, прося прослѣдовать въ залъ Хуанъ-цинъ-дянь и совершить обрядъ поздравленія. Императоръ, въ торжественной одеждѣ садится въ носилки и слѣдуетъ изъ своего дворца, предшествуемый министрами обрядовъ. Миновавъ ворота Цзинъ-юнь-мынь, онъ останавливается передъ воротами Си-цинъ-мынь и выходитъ изъ носилокъ. Князья и прочія титулованныя лица сопровождаютъ императора до воротъ Нинъ-шоу-мынь, гдѣ и останавливаются: только не многіе слѣдуютъ за императоромъ до воротъ Хуанъ - цзи - мынь. Министры обрядовъ подводятъ его къ воротамъ Нинъ - шоу - мынь, и всѣ чины занимаютъ положенныя для нихъ мѣста. Въ это время евнухи приглашаютъ императрицу отправиться въ залъ Хуанъ-цзи-дянь. Императрица въ торжественномъ одѣяніи садится въ носилки, и шествіе сопровождается все время музыкой, которая прекращается только тогда, когда императрица всходитъ на тронъ. Министры обрядовъ въ это время подводятъ императора къ воротамъ Нинъ-шоу-мынь и останавливаются, ожидая, чтобы всѣ чины и свита императрицы заняли указанныя имъ мѣста. Когда весь порядокъ установится, то герольдъ провозглашаетъ: „Станьте на колѣни“. Императоръ и всѣ чины становятся на колѣни. За-

тѣмъ герольдъ снова провозглашаетъ: „Поднимитесь послѣ поклона“ и всѣ совершаютъ троекратное колѣнопреклоненіе съ 9 поклонами. За правильностью выполненія обрядовъ во время церемоніи наблюдаютъ цензора и герольды. По совершеніи поклоненій, евнухи просятъ императрицу вернуться во дворецъ, и шествіе, при звукахъ музыки, возвращается тѣмъ же путемъ и тѣмъ же порядкомъ обратно. По окончаніи церемоніала поклоненія слѣдовалъ небольшой отдыхъ, послѣ котораго присутствующіе были приглашены въ театръ на представленія. На представленіи присутствовала императрица и впервые были приглашены четыре командира всей бей-ян'ской арміи, т. е. арміи сѣвернаго Китая, находящейся подъ командою генералиссимуса Жунлу. Генералы эти: Дунъ-фу-сянь, Юань-ши-кай, Нѣши-чэнъ и Ма-юй-кунъ. Послѣдній генералъ былъ знакомъ русскимъ во время присоединенія Портъ-Артура, такъ какъ онъ командовалъ тогда войсками на Ляодунскомъ полуостровѣ. Второй и третій день празднествъ заключались въ обѣдахъ, театральныхъ представленіяхъ, на которые приглашались только высшіе чиновники. Въ Китаѣ вообще празднованіе царскихъ дней предоставляется только чиновникамъ, народъ же и городское населеніе остаются совершенно безучастными.

Такъ прошла спокойно осень, наступила зима и только въ декабрѣ мѣсяцѣ стали доходить до насъ неясные слухи о какомъ-то народномъ движеніи, враждебномъ миссіонерамъ и европейцамъ и исходящимъ изъ Шандунской провинціи, въ которой это движеніе было организовано.

Слухамъ этимъ значенія никакого не придали, такъ какъ Шандунская провинція была постояннымъ очагомъ недовольства и возмущеній противъ нѣмцевъ. Въ январѣ 1900 года слухи однако стали все болѣе и болѣе выяснять и опредѣлять истинное значеніе возникшаго движенія. Съ февраля оно быстро стало расти и, выйдя изъ своего гнѣзда, распространилось по Чжилійской провинціи, направляясь къ Тянь-Цзину и Пекину. Въ маѣ мѣсяцѣ 1900 года движеніе это окончательно оформилось и предстало передъ изумленными европейцами какъ воздающее имъ отмщеніе, ими самими же себѣ приготовленное. Движеніе это называли европейцы боксерскимъ, а китайцы дали ему имя И-Хэ-туань.

К о н е ц ъ .

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТРАН.
Отъ автора	V
Глава I. Путь черезъ Монголію. Выѣздъ изъ Кяхты. По уртонамъ до Урги . . .	1
II. Урга, ея святыни, ламы, монголы, ни- щіе. Русскіе въ Ургѣ	15
III. Поѣздка въ Богдоулъ. Ургинскій ам- банъ. Чайная торговля. Бадмаевъ и К ^о	30
IV. Выѣздъ изъ Урги. Черезъ Гоби по ур- тонамъ. Калганъ и китайцы. Оста- новки въ гостинницахъ. Путешествіе на мулахъ въ носилкахъ. Въѣздъ въ Пекинъ. Русское посольство	41
V. Пекинъ и его уличная жизнь. Косы, одежда, нравы китайцевъ. Обиліе дѣ- тей. Мальчики и дѣвочки, ихъ поло- женіе въ семьѣ. Дѣтскія игры. Ки- тайское образованіе. Школы, универ- ситетъ, ученые степени	83
VI. Китайская прислуга, черты ея харак- тера. Китайцы рабочіе	127
VII. Развлеченія у китайцевъ. Театръ, фо- кусники, пѣвицы. Положеніе акте- ровъ	149
VIII. Европейское населеніе Пекина. Мис- сіи. Миссіонеры и ихъ дѣятельность въ Китаѣ	173
IX. Европейское вліяніе на Китай. Ауди- енціи и приемы у китайскаго импе- ратора. Посольство князя Э. Э. Ух-	

томскаго. Открытіе Русско-Китайскаго банка. Приёмъ европейскихъ посланниковъ китайскими министрами на новый годъ. Старый цзунъ-лиамынь. Торжественный обѣдъ. Первый приёмъ у императрицы для европейскихъ дамъ. Радужіе императрицы. 195

Глава X. Бытовые условія жизни европейцевъ въ Пекинѣ. Неудобства жизни. Дороговизна, отсутствіе удовольствій. Климатъ Пекина. Лѣто въ Пекинѣ. Дачи-храмы. Тай-фынь. Поминки по умершимъ 240

XI. Вѣрованія китайцевъ. Кумирни буддистовъ. Европейцы христіане и китайцы язычники. Взаимное ихъ отношеніе. Убіство нѣмецкихъ миссіонеровъ въ Кіао-Чао. Тайныя китайскія общества. Захватъ нѣмцами бухты Цзяо-чжоу и значеніе этого захвата на дальнѣйшія событія 265

XII. Періодъ реформъ въ Китаѣ. Принцъ Гунъ-цинъ-ванъ и его кончина. Канъ-ю-вей и его вліяніе на богдохана. Ли-Хунъ-Чангъ въ немилости. Положеніе народа и начало смутъ. Открытіе заговора противъ императрицы и крушеніе прогрессивной партіи. Беспорядки въ Пекинѣ. Прибытіе десантовъ. Русскій десантъ. Императрица правительница. Назначеніе Ли-Хунъ-Чанга для укрѣпленія береговъ Желтой рѣки. Консервативная партія взяла въ руки власть. Положеніе императора и его болѣзнь. Народное движеніе, враждебное правительству и европейцамъ, разрастается. Празднованіе дня рожденія императрицы. Начало боксерскаго 1900 года. 293